

ЕЛЕНА ЛЯПОТА

The cover features a close-up illustration of two women. On the left, a woman with long, flowing blonde hair is adorned with a crown of green leaves and small flowers. She has a serene expression and is looking towards the right. On the right, a woman with dark, wavy hair is shown in profile, looking back at the blonde woman. Her hand is gently cupping the blonde woman's chin. The background is a soft, ethereal blue and purple, suggesting a magical or dreamlike atmosphere. The overall style is reminiscent of classic fantasy art.

*Наследник
Ярости*

РОМАН ИЗ ЦИКЛА "ВЛАДЫКИ СИНИХ ГОР"

Межгорье — дивный мир колдовских существ, признающих лишь силу ярости. Четыре князя правят Синими Горами — четыре жестоких, но справедливых воина. Однако случилось так, что лишь у одного князя есть сын, которому суждено стать наследником. И вот настало время молодому Ирвальду принять титул князя. Но есть условие — князь должен жениться. Ни одну из своих любовниц-ведьм владыка не готов назвать женой. Ни одна из дочерей Межгорья не затронула его сердца. Случайность сталкивает Ирвальда с красавицей, которую он позовёт под венец. Однако вслед за робкими шагами новой княгини в замок владыки ворвался вихрь зловещих событий — чужеродное колдовство и похищение, таинственные чудища и невидимые враги. Выбираясь из очередной ловушки, Ирвальд начал понимать, что встреча та была совсем не случайна, и за ясным ликом жены ему улыбается смерть...

Часть первая. Невеста

Дождливыми ночами ему нередко снилась ОНА. Золотистый бархат светящейся юной кожи, лукавые зелёные глаза. Даже во сне он ощущал запах её женственности и видел рядом с собой на подушке окровавленную голову. Она улыбалась, проклиная его.

Владыка так и не смог забыть...

Если б только он мог помешать...

Если б только он знал...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Глава 1

Ирвальд лежал на животе поперек кровати, одурманенный любовным зельем, которое Топчанка варила из горных и лесных трав, заботливо настаивала при полной луне, лишь бы только ублажить княжича. И это ей удавалось на славу. Ирвальд то и дело проваливался в полудрёму — обессилевший после ночи ласк, в которых ведьма была ещё та мастерица.

И хотя любовные утехи были всего лишь данью, которую Топчанка время от времени платила за покровительство, Ирвальд всё больше замечал, как она смотрит на него задумчивым взглядом. А уж, что творилось в ведьминой голове, княжичу не хотелось и знать.

Едва дурман рассеивался, Ирвальд с трудом мог смотреть на бледные впалые щёки полюбовницы и морщился от сального запаха её тела, хотя для ведьмы она была вовсе даже ничего — молода и не дурна собой. Княжич знал, что нашлось бы немало желающих взять её в жёны.

Тем не менее, Топчанка предпочитала замужеству покровителей. А в том, что их несколько, Ирвальд нисколько не сомневался. Возможно, он был чуть моложе остальных и более прыток, поэтому ведьма привечала его по-особому, добавляя в зелье капельку девственной крови. Где она её добывала, княжичу тоже не хотелось знать.

Ведьмы, славившиеся на всё Межгорье коварностью и интригами, были особым кланом, склонным к невиданной жестокости, от которой даже у Ирвальда порою стыла кровь. Он не испытывал к ним особой симпатии, несмотря на то, что собственная мать княжича была ведьмой. И все его прошлые полюбовницы тоже принадлежали к проклятому клану.

Ведьмами кишела земля вокруг. Так что приходилось быть начеку, даже всемогущим владыкам, но Ирвальд давно привык.

Каким бы искусным не было колдовство ведьм, они редко доживали до глубокой старости. Если не изводили друг дружку, то, ослабев, погибали от мести озлобленных существ да охотников. Волей-неволей, им приходилось искать покровителей.

Владыки тоже владели магией, но колдовство их было иного рода. Они были сильны и расчётливы, а в ярости сметали всё на своём пути, не щадя и не ведая милости. Поговаривали, что Ярость породила владык, наделив их невиданной силой. Холодный ум позволил завоевать Горы, чтобы повелевать ими тысячи лет.

Ирвальд был единственным сыном четвёртого владыки Синих Гор, князя Мораша. В его владениях было три вершины, включая ворота извне, и целая долина — до реки, спускавшейся со скалы между Синими и Белыми Горами водопадом Забвения. Именно в этих водах хоронили умирающих владык — сбрасывая со скалы в бушующий поток. Считалось, что именно так они оставляли свою силу семье.

Ирвальд помнил, как семнадцать лет назад отец с братьями предали водопаду иссохшее,

скрючившееся тело деда. Седые волосы волоочись по земле, а старик беспомощно бормотал заклинания, более не имевшие силы. Немошь владык считалась недугом, и когда ведьмы уже не могли помочь, родные предпочитали сбрасывать умирающих в водопад, чтобы не оскорблять их самолюбие.

Когда-нибудь настанет черед Ирвальда предать потоку собственного отца. Но он надеялся, что это будет еще не скоро...

— Твои мысли далеко, — шепнула ему на ухо Топчанка, уселась на спину и стала разминать костлявые плечи любовника.

В ноздри ударил противный запах пота ведьмы. Зелье утратило силу, пора было уходить. Ирвальд ловко сбросил любовницу на кровать, вскочил и стал одеваться.

— Уже уходишь...

В голосе Топчанки послышалось сожаление. Ирвальд бросил мимолётный взгляд на раскосые глаза — один маленький, белёсый, другой выпученный ярко-синий, на копну спутанных русых волос, неуклюже заброшенную на покатые плечи, на чересчур низкую полную грудь со сморщенными сосками, и решительно улыбнулся.

— Мне пора.

Ирвальд вышел из хижины Топчанки, расположенной чуть поодаль поселения ведьм, и свистнул ядокрыла. Крылатый скакун камнем упал с неба, где резвился в облаках с невидимыми самками. Морда его выглядела довольной: глаза сверкали, клюв широко раскрыт. Ирвальд рассмеялся и пригладил жёсткие перья зверя.

— Тебе и зелья не надобно. А, Юрей?

Ядокрыл издал негромкий крик, встрепенулся и вскочил на задние ноги, выделявая передними в воздухе причудливые кренделя. Копыта Юрея поблёскивали золотом — то была единственная часть тела, которая оставалась видимой. На земле это не играло роли: высокая по пояс трава надёжно скрывала ядокрылов, однако в воздухе их легко было распознать.

— Ну, довольно, — успокоил разгулявшегося жеребца Ирвальд, — пора и честь знать. Вперед, в Горы!

Ядокрыл послушно опустился на передние ноги, чтобы владыка смог усесться поудобнее, и расправил крылья, блеснувшие в свете восходящего солнца всеми цветами радуги. Каждое перо скакуна было ядовито, и лишь хозяин, с детства привыкавший к семи ядам зверя, мог спокойно дотрагиваться до своего питомца.

Ядокрылы могли бы считаться бессмертными, так как их тело не знало старости. Однако их можно было убить, отрубив голову. Поэтому в жестоком бою лишь ловкость и умение хозяев могло защитить их жизни от безжалостных мечей неприятеля.

Ирвальд любил своего скакуна. И хоть руки княжича были покрыты глубокими шрамами от острых, как лезвие, перьев, он не надевал на любимца поводья, считая, что это оскорбляет гордого зверя. Он ловко обхватывал ногами бока ядокрыла и крепко держался, чтобы не быть сметённым потоками воздуха. С годами они настолько притёрлись друг к другу, что лишь одним движением бедра Ирвальд мог направить Юрея, куда ему вздумается.

Ядокрыл взмыл в небо, издав долгий переливистый крик радости, и уже спустя несколько мгновений достиг вершушек Гор.

Синие Горы, большую часть времени окутанные грозowymi облаками, в то утро купались в лучах солнца, будто в светлом потоке серебра. На склонах сновали длиннозубые лвы и единорогие козлы, недовольные солнцем, потревожившим их тёмные тропы. Над ними кружили двуглавые хищники — каменные орлы, выжидая момент, когда козёл опустит

рог, чтобы разорвать его плоть пополам острыми когтями и унести для трапезы своим птенцам. Их перья были тёмно-синими, под цвет гор, хищники могли сбрасывать их, подобно камню, чтобы оглушить более мелкую жертву.

У каждой головы орла было лишь по одному глазу. Правый всегда смотрел вверх, опасаясь пташек-молний и ядохрылов. С крылатыми скакунами их сталкивала давняя неприязнь: каменные орлы любили воровать беспомощных детёнышей, уносить высоко в горы и сбрасывать вниз. За это ядохрылы разоряли орлиные гнёзда, затаптывая копытами птенцов.

Пташки-молнии были вполне безобидны, питаясь ягодами и личинками жуков. У них не было когтей и острых клювов, ядовитых или каменных перьев. Однако в брачный период самцы затевали игрища, превращаясь в крошечные, но смертельно опасные комочки энергии. Они могли поразить любого, и чем крупнее и ловчее была жертва, тем больше самок готовы были распахнуть победителю свои объятия.

Брачный период у пташек-молний наступал два или три раза в год, и мало кто мог предсказать, когда начнётся следующий. Стаи смешивались и рассыпались, перемещаясь по склонам Синих Гор до самого водопада Забвения.

— Осторожно, Юрей, — шепнул Ирвальд скакуну, — кажется, я видел молнию.

Ядохрыл издал приглушённый звук и сделался невидимым. Он тоже боялся пташек, потому как мог рухнуть вниз и раздавить своим телом хозяина.

— Трусиска, — Ирвальд слегка взъерошил перья на макушке зверя — там, где они были чуть менее жёсткими.

Неожиданно один из орлов замер, а затем, озарённый короткой вспышкой, рухнул вниз, на горную тропу. Тотчас же вокруг собрались однорогие козлы и стали неистово топтать несчастного хищника, который, в общем-то, был уже мёртв. Дикий рёв козлов прокатился по Горам жутким эхо. Ирвальд равнодушно смотрел, как горные обитатели выплёскивают свою ненависть, растаскивая тело врага на куски. Он видел это сотни, если не тысячи раз.

Что действительно было забавно, так это молнии. Княжич дивился, как такой крошечной пташке удавалось оставаться в живых после столкновения с огромным орлом, а после ещё хватало сил овладеть несколькими самками? Вот это действительно впечатляло.

Небо постепенно заволакивали тучи, солнечный свет начал таять, уступая место пасмурной полутьме. Таковы были южные склоны Гор.

Ирвальд вдохнул влажный грозовой воздух, подставив лицо навстречу ветру, треплющему его длинные пряди. Хорошо...

Прямо на него надвигалось облако — небольшое, иссиня-чёрное, тяжёлое от дождевых вод. Приблизившись почти вплотную, облако преобразилось, приняв очертания высокой сухощавой фигуры владыки, парившей в небе среди молний, будто на воздушном ковре. Через несколько мгновений облако растаяло.

— Отец, — пробормотал Ирвальд и задумчиво потёр подбородок. Что ему понадобилось так срочно?

Пожалуй, он не поедет домой, хотя очень хотелось искупаться в пещерном озере и смыть с себя запах Топчанки. Но отец не так уж часто являлся ему в грозовом облаке. Пожалуй, всего лишь раз. Тогда ещё не было перемирия между владыками Гор и Песков, и отец призывал его к битве. Что на этот раз?..

Ирвальд развернул скакуна и стремглав полетел к нижним пещерам.

Князь Мораш выглядел неважно. Глубокие морщины беспощадно избороздили кожу вокруг глаз и стянули уголки рта, делая его похожим на старую рваную рану. Волосы ещё не до конца побелели, но уже заметно потускнели и сбивались в клоchy. Плечи, и без того худые, утонули в княжеской накидке.

Мораш неумолимо старел, и с каждым годом это становилось заметнее.

Ирвальд не мог спросить у отца, сколько ему лет — у владык это было не принято. Считалось, что от рождения до погребения в водопаде Забвения зима сменяет лето ни много ни мало — восемьсот раз.

Ирвальду исполнилось сто тридцать семь. Почти юноша по меркам владык.

— Здравствуй, сын мой, — Мораш потянулся чуть дрожащими костлявыми пальцами, чтобы обнять плечи Ирвальда и поприветствовать его касанием лба.

На каждой руке владык было по четыре пальца, увенчанных крепкими, как алмаз, когтями. Мизинец представлял собой тонкий острый шип, легко пробивавший даже камень. Благодаря шипам и когтям, а также удивительной гибкости владыки могли взбираться с невероятной скоростью по отвесной скале, бегать по потолку пещер, а также наносить противнику смертоносные удары с лёгкостью, с которой иные убивают мух. Поэтому вряд ли в долине нашлось бы много смельчаков, способных бросить им вызов и прожить при этом дольше, чем несколько последующих мгновений.

В обычное время владыки предпочитали спокойно почивать на лаврах своего величия, а поделив, наконец, Горы между четырьмя семьями, стремились поддерживать в долинах Межгорья мир — насколько это бывало возможным.

— Я чувствую печаль, — сказал Ирвальд, слегка отступив назад, чтобы видеть глаза старика, выцветшие почти до снежной белизны.

— Да, сын. Случилась беда.

Князь приподнял полы накидки, усаживаясь в массивное кресло у окна, где он любил проводить время, рассматривая Горы. Окна замка, высеченного в скале, выходили прямо в ущелье, отчего в комнатах в любое время суток царил полумрак.

Отец не слишком жаловал солнце, предпочитая красноватое свечение огня. Стены замка были утыканы факелами, горевшими день и ночь, источая приторный сладковатый аромат топленого козьего жира. Потолки замка, некогда расписанные фресками, были покрыты несмываемым слоем копоти.

— Мой младший брат Орвилл погиб.

— О! — только и смог сказать Ирвальд.

Владыку не так легко было убить. А уж Орвилл слыл опытным воином, жёстким и гордым — про силу и дерзость его слагали легенды. Он не щадил врагов и не подставлял им спину.

— Сегодня мы с братьями предадим его тело водопаду. Семья соберется на памятный ужин. Ты тоже должен быть.

— Но как это случилось? Орвилл?! — сокрушался Ирвальд. Его не волновали церемонии. Кровь в груди кипела от праведного гнева. Смерть владыки должна быть отомщена. Вечером семья решит судьбу безумца, кем бы он ни был.

— Орвилл получил по заслугам, — неожиданно сказал отец.

— Что? — брови Ирвальда поползли вверх от удивления. Владыка? По заслугам? Это было что-то новое в не писанных законах владык.

— Да-да, сынок! Когда все время бросаешь вызов Горам, обязательно наступит час,

когда Горы обрушат на тебя камни. Помни об этом!

— Что он натворил?

Мораш оскалил зубы в подобии улыбки и задумчиво накрутил на палец длинную прядь.

— Помню, когда Орвилл был совсем маленьким, в замок привели ящера, закованного в цепи, — так, забавы ради. Нам хотелось поиграть с ним, но ящер не подпускал никого близко. У него были огромные зубы и острые когти. Ему не нравилось сидеть на цепи! Ещё бы! А следующей ночью ящеру удалось разорвать цепи. Он сбежал, разодрав стражников, охранявших его, в ключья. Отец был в бешенстве, а Орвилл, безумец, торжественно пообещал, что собственноручно его поймают.

— Поймал?

— Как видишь...

— Только не говори, что он охотился на ящера в одиночку!

— Орвилл верил, что сможет, если не пленить зверя, то убить. И ещё больше прославиться.

— И что нам теперь делать? — спросил Ирвальд, — Искать ящера?

— Не думаю, что нам стоит это делать, — возразил Мораш, — и братья со мной согласны. Мы подумаем, как наказать ящера за дерзость, но не сейчас.

— Как скажешь, отец.

Ирвальд почтительно склонил голову, полагая, что вопрос решён. Если отец не желает скорой мести, то так тому и быть.

— Но я позвал тебя не для этого.

В комнате воцарилась тишина. Слышно было, как пищат крысы, сновавшие в щелях скал, как шумят, пробиваясь в камнях, пещерные ручейки. Ирвальду стало не по себе. Как же он сразу не догадался: семья сбудет делить вершины, принадлежавшие Орвиллу. Кому-то придётся занять место в замке усопшего владыки. И Ирвальд, как единственный княжич, тоже имел право на часть.

— Тебе необходимо жениться.

— Что?

Мечты о новых вершинах мгновенно рухнули, так и не успев взлелеять его воображение.

— И чем скорее, тем лучше.

— Но зачем? — Ирвальд действительно не понимал. Он был ещё достаточно молод. А из некоторых соображений, даже чересчур молод, чтобы связывать себя узами брака. Он ведь даже и не думал об этом. Где-то в далёком-предалёком будущем это, возможно, имело бы место случиться, но сейчас это казалось совершенно ненужным.

— Тебе нужны сыновья... А мне — внуки. И тогда я смогу умереть спокойно.

— Ты проживёшь ещё долго, — возразил Ирвальд.

— Не скажи, — взмахнул рукой Мораш, — время летит быстро, и не успеешь оглянуться, как воды Забвения позовут тебя...

— Лет двести у тебя ещё есть, — усмехнулся Ирвальд.

— А у Гор нет.

Мораш не ответил, глядя в пространство перед собой. Но Ирвальду не требовались слова — он и так знал, о чём тот думал.

Синие Горы нуждались в наследниках.

Орвилл погиб, не оставив потомков.

У среднего брата, Авгура, были только дочери — склочные, капризные бестии, вечно

враждующие между собой.

Старший брат, Калеш, был бесплоден. Ни одна из двенадцати его жён не смогла зачать, к каким бы снадобьям и заклинаниям он не прибегал.

Ирвальд был единственным наследником Гор. И когда не станет отца и его братьев, Горы могут отойти другой семье.

— Но ведь и ты можешь снова жениться, — заметил Ирвальд, — у тебя могут быть ещё сыновья.

— Я слишком стар, чтобы жениться.

— Вовсе нет.

— Больше не будет никаких жён!

Мораш вскочил со стула и громко хлопнул по подлокотнику.

— Ты женишься, и твоя жена родит наследников.

— Но на ком? — Ирвальд растерянно пожал плечами. У него не было ни одной кандидатуры в невесты. Ни плохой, ни хорошей. Совсем никакой.

— Да на ком угодно!

— Даже на ведьме?

— Нет, это уж слишком...

Мораш прикрыл лицо рукой, отворачиваясь в сторону даже от мысли о новой ведьме в семье. И на то была весома причина.

После смерти матери у отца были женщины, но он так и не позвал ни одну из них замуж. Он мог иметь ещё сыновей, но не пожелал.

Мораш не хотел детей от разных матерей — уж слишком горьким был предыдущий опыт со старшим братом Ирвальда, Тарром.

Первую жену Мораш похитил из мира людей — уж больно она была хороша, маленькая грибница, промышлявшая грибами в лесу под самыми Горами. Но счастья это не принесло: девушка так и не привыкла к чужому для её сердца мужу, называя за глаза сатаной, а родив первенца, даже не смогла взять его на руки, ужаснувшись синюшному цвету худенького тельца, крохотным клыкам, выпиравшим из морщинистого рта и вовсе нечеловеческим ладошкам с шипами. Спустя несколько часов после родов несчастная выпрыгнула из окна замка, разбившись насмерть.

О маленьком Тарре заботились племянницы Мораша, пока он не взял в жёны Ольжанку, мать Ирвальда.

Поначалу всё было хорошо. Мораш души не чаял в жене из своего мира, которая не противилась ему, не проклинала, отворачиваясь к стенке, а отвечала лаской. Ольжанка была красивее многих ведьм, и это тешило его самолюбие. Красоток в долине можно было сосчитать по пальцам.

Рождению Ирвальда радовались все, особенно Тарр, которому давно хотелось брата. Но у Ольжанки на то были иные планы.

Она хотела, чтобы именно её сын, рождённый из ведьмовского чрева, считался первенцем, а человеческий полукровка был досадной помехой. И тем не менее, ведьма ему улыбалась, оказывая должное владыке уважение. Мораш не сразу понял, что она задумала, а когда очнулся, было уже поздно.

Ольжанка хитро плела паутину раздора, привечая подрастающего Тарра, дразня его своим молодым телом, опаивая дурманом и настраивая против отца. И в один прекрасный день Тарр восстал.

Прокравшись ночью в опочивальню, подросток отсёк локоны князя мечом и сжёг их, полагая, что с волосами уйдёт и сила владыки. Что дальше делать, он не знал, и Ольжанка подговорила его бежать подальше от отцовского гнева. Юный глупец послушался коварную ведьму. Бежал в Горы, а когда разъярённый отец настиг его, прыгнул в водопад Забвения...

Ирвальд стал единственным наследником. Ольжанка не скрывала радости и уговаривала Мораша завести ещё детей. Однако владыка даже и слышать не хотел о других наследниках. Ему не давала покоя выходка Тарра, не свойственная владыкам — он думал об этом днями и ночами, горюя о своём первенце.

— То его людская сущность, — твердила жена.

Однако Мораш был упрям и не желал сдаваться. Пытаясь докопаться до истины, он допрашивал слуг, приближённых к сыну, однако все, как один, отвечали, что не замечали в поведении княжича ничего необычного. Мораш не выведал ничего ни под колдовским взглядом, останавливающим сердца несчастных, ни даже под пытками, поджаривая на огне их пятки и живьём вытягивая кости их пальцев — одну за другой.

Ольжанка ничего не говорила мужу, не попрекала излишней жестокостью за крики и стоны, стоявшие в стенах замка. Она была равнодушна к страданиям — впрочем, для ведьмы то было немудрено. Однако улыбка, игравшая на полных, красиво изогнутых губах княгини, вдруг стала казаться недоброй.

Мораша пугала её улыбка.

Тайком от жены он послал письмо одной из своих племянниц, по-матери ведьме, однако ответа не получил. Послав другое, Мораш также не дождался ответа. Послав третье, он сел на ядохрыла и отправился следом за голубем и увидел, как тот упал замертво, даже не покинув близлежащий лес. Владыка заподозрил неладное.

Замок был окутан мороком. Морок был повсюду — Мораш терялся в догадках, как же он раньше его не замечал. Разве что он шёл из его собственной спальни...

Мораш приказал заточить Ольжанку в темницу и созвал совет ведьм. Морок сняли. Тогда слуги многое рассказали Морашу о своей хозяйке: и о том, как часто видели Ольжанку, крадущуюся в комнату к молодому Тарру, и о том, как приводили в подземелье, где ведьма тайком от мужа варила странно пахнущие зелья, десятки молоденьких девушек-пленниц, которых потом никто не видел. Владыка велел вскрыть подземелье. Слуги обнаружили алтарь, сложенный из белых круглых черепов.

Мораш слышал о молодильных обрядах ведьм, но знал также, что достаточно и одной, чтобы продлить молодость и красоту на долгие годы. Что за проклятое колдовство творила его вероломная супруга, страшно было и подумать. То была жестокость, невыносимая даже для Гор.

Совет ведьм решил изгнать её из клана и лишить колдовской силы.

Мораш же велел оставить её в заточении.

Спустя несколько лет сердце его немного смягчилось. Он разрешил Ольжанке покинуть темницу и поселиться в долине, в селении ведьм. Без колдовской силы она была не опасна.

Однако Мораш недооценил, насколько коварными бывают ведьмы. Особенно, когда их выгоняют вон, лишают титула, достатка и привилегий жены владыки.

Ольжанка восстановила силы, и в один прекрасный день решила похитить Ирвальда. Она тайком проникла в его комнату через окно и подложила под подушку мешочек с ведьминским дурманом. Она рассчитывала подговорить доверчивого юношу, насильно лишённого материнской ласки, убить отца. По её замыслу Ирвальд должен был подсыпать

Морашу зелье, выманить к водопаду Забвения и столкнуть вниз. Волосы князя ещё не сильно отросли, так что княжичу было по силам с ним справиться.

Но хитрый план не удался: дурман не подействовал на Ирвальда. Однако он внимательно выслушал мать, притворившись, что внимает её наставлениям, а после передал всё услышанное отцу.

Более Мораш не был склонен к милосердию: Ольжанку снова бросили в темницу. А через некоторое время, отправив сына на боевые учения к владыкам Красных Гор, князь приказал казнить жену-ведьму...

— Сегодня на ужине будут владыки Белых Гор. И хранители Небес с дочерьми. Выберем тебе пару.

— Ты забыл, что владыки не берут в жёны дочерей соседних Гор?

— Неважно, — махнул рукой Мораш, — возмёшь небесную.

— Если небеса снизойдут, — саркастически заметил Ирвальд.

Хранители небес были слабее владык, но считали себя на порядок выше и славились обидчивостью. Их не то чтобы боялись, но старались не спорить лишней раз: всякий раз, когда хранители были недовольны, на солнце набегали тучи, окатывая обидчика ледяным дождём.

Ирвальд не мог себе представить, что бы он делал с такой супругой. Не мог, да и не хотел.

Глава 3

Тело безумного Орвилла предали водопаду. Это было прискорбное зрелище, так как нечасто воды Забвения принимали молодых владык.

А вечером в замке покойного собралось немало знати. Смерть владыки, не оставившего наследников, означала новый передел Синих Гор между владыками семьи Кош. И поскольку Ирвальд был единственным княжичем, к тому же, опытным воином, достаточно взрослым и окрепшим духом, владения Орвилла могли перейти к нему. Оставалось только, чтобы Калеш, старший из владык Кош, провозгласил его князем. Ирвальд понимал, что все, собравшиеся на прощальную трапезу, ждали именно этого. Но Калеш пока молчал.

И это молчание давало Ирвальду небольшую передышку. Не то чтобы он горел желанием стать князем: после смерти отца титул все равно перешёл бы ему по закону. Но помимо статуса у князя было много обязанностей и куда меньше свободы, чем у него сейчас. Поэтому ожидание было ему на руку.

А вот Мораш едва скрывал своё нетерпение.

Ирвальд улыбнулся, слегка приподняв краешки губ. Наличие жены не оставило бы Калешу выбора. Вот почему отец притащил сюда свору хранителей с их белокожими тонкорукими дочерьми.

Девушки Небес считались довольно красивыми. Длинные, почти до пят, гладкие серебристые волосы, широкие миндалевидные глаза с ярко-голубой поволокой, небольшие высокие груди с остренькими сосочками, аппетитно просматривавшимися сквозь полупрозрачные одежды. Портили красоту губы — тоненькие, как верёвочки, едва скрывающие мелкие ярко-белые зубы, которые светились в темноте белым светом. Руки их тоже были некрасивыми — тонкими, как веточки, узкими и угловатыми.

Были ещё дочери Зюзов, владык Белых Гор. Две из них выделялись невероятно крупными формами и чересчур длинными клыками на мертвенно белых лицах. Серебристо-

пепельные волосы были черезчур густыми и топорщились во все стороны не хуже ведьмовской метлы. При мысли о союзе с Зюзями Ирвальда передёрнуло от отвращения. С такими невестами он предпочёл бы остаться холостым.

Итак, перевес был все-таки на стороне Небес. Ирвальд неторопливо потягивал вино из серебряного кубка, разглядывая девушек.

Одна из дочерей хранителей заметно выделялась среди сестёр. Чуть пониже остальных девушек, с довольно привлекательными округлостями и довольно плотными для своего рода руками, а главное, волосы — цвета солнца, слегка кудрявые, уложенные в причудливые завитушки. Ирвальд снова улыбнулся и приподнял кубок, приветствуя красавицу. Та подняла свой в ответ и медленно пригубила, глядя ему прямо в глаза.

«Смелая», — подумал Ирвальд. Смелые женщины нравились ему куда больше молчаливых скромниц. Похоже, выбрать невесту окажется легче, чем он предполагал.

Вблизи хранительница оказалась еще красивее, чем издалека. У неё было причудливое имя — Отрада. Она улыбнулась, когда Ирвальд протянул ей руку и предложил сопроводить к столу с напитками. Локоны Отрады как бы ненароком запутались в плаще Ирвальда, она со смехом заставила его сбросить плащ, чтобы освободиться.

— Жаль, что мы не можем потанцевать, — вздохнула Отрада, — я люблю танцевать. А ты?

— Можно сбежать в дальний зал, — предложил Ирвальд.

— Танцы на похоронах? О, Небеса! — воскликнула Отрада в притворном ужасе и подмигнула Ирвальду, — бедняга Орвилл...

— Сдаётся мне, он бы сплясал.

Она опять рассмеялась звонким и заливистым смехом, забавно прикрывая ладошкой рот. Ирвальд заметил, что зубы красавицы слегка кривоваты, но это её несколько не портило.

Под конец вечера гости разошлись по комнатам для ночлега. Ирвальд почти с сожалением отпустил руку Отрады и пожелал ей приятных сновидений.

По пути в опочивальню его неожиданно перехватил Калеш. Глаза его лукаво поблёскивали. Целый вечер Ирвальд ощущал на себе его цепкий взгляд и гадал, когда же дядя решит сказать своё слово. Похоже, момент настал.

— Вижу, у тебя появилась симпатия к одной милой хранительнице? — мягко улыбнулся верховный владыка.

— О, Горы. Я только увидел её, — раздражённо ответил Ирвальд. Настойчивость владык поскорее связать его узами брака немного выводила его из себя.

— Но мы с братьями уже одобряем! У князя должна быть жена.

— У Орвилла не было жены, — заметил Ирвальд.

— И поэтому наше господство над Синими Горами под угрозой. Мы все слишком стары, Ирвальд, а тебе не удержать Горы в одиночку...

— Что-то я слишком часто стал слышать о старости.

— Так всегда, когда хоронишь кого-то из семьи, — пожал плечами Калеш, — надеюсь, в следующий раз мы встретимся на твоей свадьбе. В этом замке. Он теперь твой.

Ирвальду было хорошо и в своём. Но обидеть Калеша от точно не намеревался, поэтому молча склонил голову и позволил дяде дотронуться до своего лба.

— Да хранит тебя сила Гор, сынок!

Итак, они уже всё решили, грустно подумал Ирвальд. Он женится и примет титул. С

одной стороны, этого нельзя было избежать...

С другой — у него теперь есть невеста.

Отрада... Она явно дала понять, что Ирвальд ей приглянулся, иначе не стала бы тратить на него целый вечер. И уж наверняка знала, что владыки подбирают ему невесту. Стало быть, он вполне мог считать её своей...

Осталось лишь закрепить союз.

Ирвальд почувствовал, как по телу пробежала лёгкая дрожь возбуждения. Интересно, каковы её ласки? Пустит ли она его к себе в ложе до свадьбы? Или прогонит прочь, заставив помучиться в ожидании?

Пожалуй, он не пойдёт в свою опочивальню. Не сейчас.

Ирвальд выбежал во двор замка и посмотрел на окна. В некоторых ещё теплился свет от лучин. Окно Отрады было ярко освещено. Что она делала? Возможно, ждала его?

Ирвальд ухмыльнулся, ощущая себя мальчишкой — наглым, дерзким, неудержимым. Он сбросил плащ, молниеносно вскарабкался по стене и заглянул в окно.

Отрада была не одна.

Она сидела перед зеркалом, задумчиво сложив руки под подбородком, а другая девушка-хранительница рачёсывала её роскошные волосы.

— Как же здесь тоскливо, — наконец сказала Отрада. Голос её, лишённый оттенка улыбки, казался скрипучим.

— Просто непривычно, — ответила её собеседница.

— Но я не хочу привыкать...

— Не будь глупышкой, это удачный союз.

— Но он ужасен! Алилла, он просто ужасен.

— Владыки не славятся красотой, — заметила Алилла, — зато он тобою очарован.

— Да что мне с того!

— Да хотя бы то, что ты, наконец, порадуешь отца.

Отрада вскочила на ноги и заметалась по комнате, разбрасывая всё, что попадалось ей под руку. Глаза сверкали в ярком пламене лучины, зубы отливали голубоватым свечением.

— Почему я должна радовать отца? Почему? После того, как он выдал Зоряну за твоего брата! Я ненавижу его. Ненавижу их всех!

— Не забывай, что Антор сам выбрал Зоряну.

— Только потому, что она старшая дочь!

— Ты знаешь, что это не так. Он полюбил её.

— А-а-а!

Отрада упала на кровать лицом вниз и заплакала, неистово колотя кулачками по покрывалу. Алилла села рядом на кровати и обняла рыдающую подругу за плечи.

— Посмотри на это с другой стороны, Отрада. Ты выйдешь замуж за князя, родишь ему наследника, и станешь очень знатной.

— Но мне придётся ЕГО терпеть! Это так мерзко...

— Недолго. Вот увидишь, твоё общество ему скоро наскучит. Он привык якшаться с ведьмами. Останется только лишь не мешать...

Отрада прыснула, вытирая ладошкой мокрые щёки, и рассмеялась уже знакомым залившимся смехом, похожим на дождевые колокольчики.

Ирвальд отлепился от окна и медленно спустился вниз. Он слышал достаточно.

Замок погрузился в тишину. Слышно было лишь ночных птиц, снующих под крышами

башенок. Одна за другой гасли лучинки в окнах. Ирвальд же чувствовал, что не сможет уснуть ещё очень и очень долго.

Он стоял перед зеркалом, огромным, во весь его недюжинный рост.

Ирвальд видел себя тысячи раз, но никогда ещё собственное отражение не казалось ему столь чужим.

Как и большинство владык, он не был красив. Худое, вытянутое тело с выпирающими под кожей костями было почти безволосым. Пальцы на руках и ногах венчали крепкие когти, а шипы-мизинцы зловеще поблёскивали.

Кожа имела серо-голубой оттенок. Глаза ярко-синие, с белыми зрачками. Вокруг глаз пролегли тени — глубокие, почти чёрные, отчего взгляд казался пронизывающим насквозь. Губы покрыты мелкими тёмными трещинками. Два передних верхних клыка слегка выступали из ряда ровных острых зубов.

Волосы были единственной красотой владык. Чёрные, как уголь, гладкие и блестящие, спускались по спине до пояса. Они были живыми, как и тело, и обладали чувствительностью.

Считалось, что волосы питают владык силой первоздания, а срезав их, владыка надолго лишался могущества и магии.

Ирвальд любил свои волосы. Как и собственное тело — гибкое, сильное, ловкое в бою. Пусть он ужасен, но в Горах это не было главным. Наоборот, сила его ярости в сочетании с грозной внешностью заставляла существ преклоняться перед ним, признавая повелителя Синих Гор.

Вот только Небесам не было до этого дела.

Их брак никогда не стал бы удачным. Ирвальд был счастлив, что не успел объявить Отраду своей невестой, иначе позора было бы не избежать. Однако теперь его душила злость.

О да, он ужасен!

Он может быть коварен и жесток, особенно, когда его охватывала ярость. И сейчас она требовала выхода.

Ирвальд издал яростный рык, пристегнул плащ и выпрыгнул в окно — прямо на спину Юрею, терпеливо поджидавшему его снаружи.

— Наверх, в Горы, — шептал он на ухо скакуну, — найдём треклятое гнездо и сметём его к тиранам подземелья!

Ядкрыл крикнул, развернув к хозяину левый глаз, и взмахнул крыльями: идея ему не нравилась. Но Ирвальду сейчас было совершенно безразлично его недовольство. Издав ещё один пронзительный крик, Юрей спланировал вокруг замка и взвился ввысь.

Высоко в Горах, на гряде Отшельника, было спрятано гнездо ящера, из-за которого погиб Орвилл. Смерть дяди требовала отмщения, а злость обиды ещё сильнее подстёгивала княжича. Ирвальд обнажил меч и провёл им по оперенью ядкрыла, смачивая клинок. Смерть ящера будет долгой и мучительной...

Да, он безумен — это у него в крови. Ярость рвалась наружу искромётным огнём из глаз. Лицо исказила улыбка, обнажив сверкающие клыки, разбежавшись по щекам мелкими неровными трещинками, в которых пульсировала багряная, почти чёрная кровь.

Да, он был ужасен.

По Горам прокатился клич ярости, отчего вершины задрожали, сбрасывая камни по склонам вниз. Стайки птиц-молний взлетели ввысь и рассыпались среди облаков.

Каменные орлы притихли, слившись с Горами.

Высоко-высоко, на гряде Отшельника ящер услышал клич и в страхе забился поглубже в пещеру.

Орвилл был силён и глуп. Но этот молодой клич пронизывал насквозь, пугая свое мощью. Новый владыка внушал страх, и ящерицу не хотелось испытывать судьбу ещё раз. Он мог и проиграть...

— Где же ты, отродье Гор? — кричал Ирвальд, кружа над грядой, — где ты затаился, трусливый червяк? Жалкий падальщик! Выходи, я тебя не боюсь!

Но в ответ ему была тишина. Ящер сидел глубоко в своём убежище, боясь лишней раз вздохнуть. Ирвальд видел вход в пещеру, однако понимал, что сунуться туда — верная смерть. Лишь вдвоём с ядохрылом он мог убить ящерицу.

Однако зверь и не думал покидать логово, оставалось надеяться, что голод и жажда рано или поздно выгонят его наружу.

Ирвальд не мог позволить себе ждать так долго. Ярость потихоньку стихала, уступая место усталости и равнодушию.

— Тяжёлый выдался денек, Юрей, — Ирвальд потрепал скакуна по шее, — пожалуй, оставим месть на потом.

Ядохрыл радостно захлопал крыльями и, повинуясь движениям хозяина, спланировал вниз к долине.

— Ты знаешь, куда лететь, — сказал Ирвальд.

Конечно, ядохрыл знал. Дурман Топчанки — самое то, что хозяину нужно. Да и самки, парящие в облаках над долиной, любовно зазывали его едва слышным свистом. Они уже успели соскучиться...

— Эй, ведьма, где тебя носит? — нетерпеливо крикнул Ирвальд, спешиваясь и на ходу снимая перчатки, — уже успела сварить зелье?

Юрей молниеносно ринулся в облака, лишь видны было золотистые отблески его копыт в сереющем предрассветном небе. Ирвальд невольно улыбнулся: молодая плоть требовала утех, тем более, что их дарили с такой готовностью.

Топчанка выбежала навстречу Ирвальду, растрёпанная и запыхавшаяся. Лицо её светилось от радости, однако она тут же опустила глаза.

— Не ждала тебя так скоро...

— А я пришёл...

Что-то было не так. Через приоткрытую дверь хижины несло чужим духом. Да и ведьма вела себя не так, как обычно. Не тянула к нему руки, стояла столбом, рассматривая что-то под ногами.

У неё гость, догадался Ирвальд. Еще один покровитель. Похоже, удача сегодня решила вконец свести с ним счёты.

— А, чтоб тебя, — воскликнул Ирвальд, обращаясь к Горам.

— Погоди, — всполошилась ведьма, — я только...

Но Ирвальд раздражённо махнул рукой и зашагал прочь. Топчанка смотрела ему вслед, прижав ладони к груди, и кусала губы, чтобы не расплакаться от досады.

Княжич шёл долго, особо не размышляя, куда, собственно, держит путь. Тяжёлая поступь разгоняла во все стороны полевую нечисть. От макового дурмана начала кружиться голова, а перед глазами заплясали голубые мотыльки. Ирвальд выругался, проклиная ведьму-маковицу, и свернул в лес.

Под сенью огромных вековых дубов было прохладно. Птицы, заслышав княжича, примолкли и затаились среди ветвей. Мало кто осмеливался сердить владыку пустой трескотнёй. В ярости взгляд Ирвальда становился не менее смертоносным, чем острое ножа, разрывая сердце несчастных созданий на сотни мелких кусочков. Правда, мало что в лесу могло пробудить такую ярость, но лесные создания благоразумно притихли.

Ирвальд глубоко вздохнул, подставив лицо тёплому ветерку, раскинул руки и упал на травяной ковёр с блаженной улыбкой на губах. Усталость окутала тело, сковывая члены, выгоняя настырные мысли прочь. Ирвальд погрузился в дрему, не думая ни о чём. Сквозь полусон он слышал негромкий топот копыт и шуршание перьев — это Юрей нашёл хозяина и растянулся рядом с ним на поляне.

Верный скакун. Дороже всяких женщин в долине Межгорья.

Глава 4

Проснулся княжич около полудня. Юрей стоял над его головой, раскинув крылья — заслоняя слепящее солнце. Перья зверя покраснели — должно быть, он долго стоял. Из раскрытого клюва вывалился язык, которым скакун ворочал из стороны в сторону, торопливо вдыхая и выдыхая воздух.

— Знаешь, где озеро? — спросил Ирвальд, поднимаясь с травы.

Ядокрыл радостно пискнул и рванул в чащу леса. Ирвальд услышал громкий плеск воды — очевидно, Юрей с разбега плюхнулся в озеро всей своей немалой тушей. Он и сам не прочь был искупаться. Однако, едва приблизившись к водоёму, Ирвальд с отвращением шагнул назад.

Озеро кишело моренами. Мерзкая слизь испражнений плавала по воде, сбиваясь в пену, а воздух вокруг пропитался зловонием их мягких зелёных тел.

Ирвальд избегал морен больше, чем иную лесную или горную тварь. Убить морену было тяжело — засеив глубоко в болотной тине, они наводили морок, отчего их невозможно было увидеть, но запросто можно было попасть в объятия сластолюбивых тварей.

Ирвальд до сих пор не мог забыть свой печальный опыт: однажды представ перед молодым княжичем в облике прекрасной девушки, морена заманила его глубоко в озеро, откуда он долго не мог выбраться, пребывая в любовном мороке. Когда морок спал, Ирвальд очнулся на берегу, с ног до головы покрытый горькой зелёной слизью — мерзость была во рту и в глазах, которые долго не удавалось разлепить. Она облепила волосы, надолго пропитав их невыносимым запахом гниющей тины. Ирвальд был измотан до полусмерти, словно побывал в объятиях каждой твари из озёрного племени. Возможно, так оно и было, ведь он ничегошеньки не помнил. А потом ещё долго боялся появляться в лесу — опасаясь, что морены преподнесут ему неожиданного наследника.

Отца вряд ли бы порадовал такой союз.

Сейчас Ирвальд уже достаточно овладел магией, чтобы противостоять мороку, и мог видеть их ужасные лица — огромные глаза-дыры с выпуклыми зрачками, мелкий кривой рот, толстые черви-волосинки, обрамляющие череп и снующие в разные стороны. Желудок скручивало от одной лишь мысли, что он когда-то побывал с одной из этих тварей.

Ирвальд сплюнул в траву и свистнул Юрея. Ядокрыл встрепенулся, потряхнул крыльями, и во все стороны полетели комочки зловонной слизи. Княжич поморщился, прикрывая плащом лицо и волосы.

— Идём искать другой источник.

Ирвальд снял плащ и, вывернув обратной стороной, закинул на плечо. Затем

прислушался. Где-то впереди журчала вода. Возможно, ручей. Там не должно быть морен — те предпочитали стальную воду.

Они с треском пробирались сквозь лесную чащу. Ирвальд недовольно поглядывал на сухой валежник, полагая, что лесничему не мешало бы откусить голову. Мёртвые деревья надлежало сжечь, а пепел развеять по полю — так лес вновь обретал утраченную силу предков.

По дороге ядохрыль срывал с веток зазевавшихся белок, заглатывал их целиком, а после сплёвывал остатки шкуры и хвост. Насытившись, он стал тереться боками о стволы деревьев, шифуя перья до блеска.

— Красавец, — улыбаясь, похвалил его княжич. Ядохрыль довольно крикнул и захлопал крыльями, взвившись на задние ноги.

Наконец, они нашли ручей. Ирвальд опустился на колени и стал с наслаждением пить. Прохладные струйки ласкали его лицо, наполняя свежестью и силой. Вода была необыкновенно вкусной. Ирвальд пил огромными глотками, ощущая приятную сладость, и никак не мог утолить жажду. Внезапно он остановился и прислушался. В траве, в ветвях деревьев, даже в земле ему чудилось неторопливое движение. Словно вся нечисть сползлась на что-то вкусное.

Ирвальд опять зачерпнул воду в пригоршню и выпил.

Кровь девственницы. Теперь он ясно её чуял. Кто-то устроил вверх по ручью кровавый пир?

Кровь девственницы ценилась высоко — её охотно покупали и продавали за немалые деньги, ведь она обладала особым свойством усиливать любовные зелья, и наполняла живительной силой любого, кто пробовал её на вкус. Правда, действовала она недолго, но этого хватало, чтобы любители охотились за ней, как за особым дурманом.

Вот уже несколько веков в долине было запрещено убивать девственниц — только лишь взять немного крови. Но обитатели умели обходить любые запреты.

Ирвальду хотелось видеть, что творилось вверх по ручью. Он с удовольствием рубанул бы кому-то голову, если несчастную ещё не успели растащить на части.

Княжич прижал подбородок к груди, шепча заклинание. Облик его задрожал и рассеялся, становясь невидимым обычному глазу. Стараясь не шуметь, Ирвальд обнажил меч и, осторожно ступая, пошёл вверх по берегу.

Впереди громко заржал конь. Животное бесновалось, фыркая и стуча копытами. Был слышен чей-то негромкий голос. Подойдя ближе, Ирвальд смог разобрать слова.

— Тише, да тише же, мне и так страшно. Ничего там нет. Одни белки.

Девушка стояла по колени в воде, заткнув за пояс длинные юбки, и пыталась удержать за поводья коня.

Белые, стройные, будто выточенные из камня, ноги кровоточили. Вода смывала кровь в ручей, и княжич видел, как сотни жадных лап тянутся к ней, дрожа от похоти.

Княжич наблюдал за ней со спины. Довольно рослая, но не крупная, с тонкой талией. Волосы цвета дубовой коры спускались по спине густыми локонами и выглядели ухоженными, что было в долине редкостью.

Голос её также был необычен — чистый и нежный, почти детский, без ведьмовской хрипотцы. Ирвальд давно не слышал подобного голоса — теперь он был уверен, что его хозяйка не из этих мест.

Гостья из мира людей? Должно быть, кто-то выложил за это немало монет. Оставалось

лишь удивляться, почему она здесь одна.

— Но-но, Ванко! Милый, успокойся. Все будет хорошо. Боровод сейчас вернётся. Все будет хорошо.

Кто такой Боровод? Ирвальд не чувствовал рядом никого, кроме кучки лесных тварей. Такими именами не называли никого в долине — то были людские имена.

Между тем девушка выбралась из ручья. Поводья выскользнули из ладоней, и конь стремглав понёсся в лесную чащу. Ирвальд тихо присвистнул.

Жеребец резко остановился, испуганно заржал и попятился назад. В траве перед ним мелькнули золотые копытца Юрея.

Ирвальд усмехнулся — от ядохрыла так просто не убежать.

— Слава Господу, — сказала девушка и пошла к жеребцу, прихрамывая.

Она повернулась лицом к Ирвальду, и княжич обомлел. Ирвальд и раньше встречал людей, но таких красивых девушек не видел. Он подозревал, что даже по меркам людей, которые, в отличие от обитателей Гор и долины, были весьма недурны собой, эта девушка была необычной.

Лучше бы она не оборачивалась. Княжич почувствовал себя так, будто только что осушил ведро самого крепкого зелья Топчанки.

У девушки было точёное личико с высокими скулами, остреньким подбородком с едва заметной ямочкой, большие глаза цвета тёмного янтаря и полные красиво очерченные губы. Она выглядела совсем молоденькой.

Владыка порадовался, что морок скрывал его от взгляда красавицы.

По траве тянулся кровавый след — тоненькие струйки спускались по голым ступням, скатывались на землю бурыми капельками. Ирвальд слышал, как лязгают зубы прямо за спиной, как слюна вожделения сочится по распахнутым губам. Он взмахнул клинком, и чья-то голова со свистом отлетела в кусты.

Девушка замерла, напряжённо вглядываясь в чащу. Ирвальд ощущал, как пульсирует кровь в её теле — запах страха разлился в воздухе, пробуждая в нём скрытое чувство гнева. Но девушке удалось перебороть страх. Она зажмурилась, затем открыла глаза и вымученно улыбнулась.

— Всего лишь белки, — прошептала она, то ли самой себе, то ли коню.

Но жеребец не разделял её мнение. Животное держалось из последних сил и, наконец, сорвалось. Безумно сверкая глазами, Ванко взвился на дыбки, вырывая из рук девушки поводья. Из рта выступила пена. Девушка в страхе отступила назад, но жеребец уже совсем потерял голову и, размахивая передними ногами, обрушился прямо на неё.

Ирвальд подоспел в последний момент, когда копыто уже почти задело голову несчастной. Он схватил жеребца за круп, рывком потянул на себя и повалил на землю. Ванко продолжал брыкаться ногами, жалобно похрапывая. Ирвальд склонился над ухом коня и прошептал несколько слов. Ванко мгновенно сник и замер, будто зачарованный.

Чудом избежав гибели, девушка опустилась на траву, тяжело дыша. Она тревожно озиралась вокруг, не понимая, что происходит, но в глазах не было испуга, скорее, изумление.

— Почему мне кажется, что здесь кто-то есть? — едва слышно спросила она, глядя перед собой в пустоту.

Ирвальд, подумав, обошёл её сзади и присев на корточки, тихо ответил.

— Потому что это так.

Спина девушки, и без того прямая, ещё больше вытянулась, а рука нервно потянулась к волосам, присобраным на затылке.

— Где вы? Я вас не вижу.

— Это неважно.

— Кто вы?

— Меня зовут Ирвальд.

— Непривычное имя, — пробормотала она себе под нос, — и все же, где вы?

— У тебя за спиной. Только не оборачивайся.

— Почему?

— Так надо.

— Я бы хотела вас видеть, — настаивала девушка.

— Не стоит, — горько усмехнулся Ирвальд. Он прекрасно понимал, какое впечатление произведёт его синее лицо с жёсткими чертами владыки.

— Каковы ваши намерения?

— Мои намерения? — переспросил княжич, — по-правде, никаких.

— Тогда уходите.

— Вот как?

Ирвальд поднялся и расправил затёкшие плечи. Девушка его забавляла, если не сказать большего.

— Я, между прочим, тебя спас.

— Я благодарна, — ответила она, кивая головой.

— Как ты сюда забралась, дитя?

— Случайно.

— Так не бывает.

— Почему?

— Случайно нельзя забрести в долину.

— Мы просто ехали. Я устала и захотела умыться, не более того.

— Мы — это кто?

— Мои слуги. Барвинка и Боровод.

— Но здесь никого нет, — недоверчиво заметил Ирвальд.

— Они скоро вернуться, — не совсем уверенно ответила девушка и опустила глаза.

Похоже, она сама не очень-то в это верила.

— И давно ушли твои слуги?

— Нет, — спешно воскликнула девушка, — Боровод отправился в лес поохотиться на зайца. А Барвинка пошла за хворостом для костра. Они скоро вернуться.

Ирвальд прикрыл глаза и прислушался. Лес дышал привычным дыханием. Слышались голоса птиц, зверья, перешёптывание лесной нечисти. Не было никаких чужих запахов — только этой красавицы, но он уже ни с чем не мог перепутать её аромат.

— Боюсь, здесь никого нет.

— Думаю, вы ошибаетесь.

— Я? — усмехнулся Ирвальд, — скоро сама убедишься. Твоих слуг уже давно тут нет.

— Вы считаете, с ними что-то случилось?.

Вряд ли, подумал Ирвальд. Он не чуял зловония мёртвой плоти, не слышал, чтобы зверьё собиралось на пиршество, огрызаясь и рыча друг на дружку за кусок добычи. Скорее

всего, эти двое заманили бедолажку в долину и продали за приличные деньги. Такие люди, бывало, встречались в Межгорье, промышляя девицами и зельем. Правда, Ирвальд не понимал, как она очутилась здесь, у ручья, одна. Неужели ведьма, купившая её, умудрилась упустить добычу? В это совсем не верилось. Пожалуй, тут что-то другое.

— Расскажи, как вы добрались сюда.

— Почему вы задаёте так много вопросов? — заупрямилась девушка, — я не отвечу, пока не увижу вас. Вдруг, мне мерещится ваш голос?

— Уверю тебя — не мерещится. Я вполне реален. Но лучше не оборачиваться.

Девушка вскочила на ноги и стала кружиться, озираясь по сторонам.

— Нет никого, — прошептала она, — я потеряла разум.

— Почему твои ноги в крови? — спросил Ирвальд.

Она остановилась и, приподняв забрызганные бурыми пятнами юбки, уставилась на свои ступни. На них по-прежнему выступала свежая кровь.

— Меня что-то укусило.

— Как оно выглядело?

— Я не помню, — призналась девушка, — я ехала верхом, и что-то вцепилось мне в ногу. Ванко поскакал галопом, и мне удалось сбросить ЭТО. Слава богу, что неподалёку был ручей — я промыла раны.

— Нужно остановить кровь, пока не набежали толпы всякой нечисти.

— Волки?

— Это если повезёт.

— Вы так странно говорите...

Ирвальд не ответил. Он размышлял, как поступить. Колдовать, оставаясь невидимым, он не мог. А между тем кровь манила его своим запахом, дурманила мысли. Княжич опустился на колени, собрал пальцем алые капельки с травы и слизнул языком. Голова закружилась от наслаждения. Пора было остановиться, пока живая кровь не пробудила все дремлющие в нём инстинкты.

— Ирвальд?

— Да, — блаженно прошептал владыка.

— Где вы? — в голосе девушки слышался испуг, — в кустах кто-то есть. Мне кажется, я вижу чьи-то глаза.

— Тебя не тронут, пока я рядом.

Сейчас ты — моя добыча, подумал он. Ни одна тварь не осмелится посягнуть на то, что принадлежит владыке. Он улыбнулся, любуясь красавицей.

Дурман крови постепенно рассеивался, волнение улеглось. Нужно было что-то делать с её кровотокающими ранами.

— Отвернись.

Девушка послушно повернула голову и даже прикрыла ладонями лицо. Ирвальд провёл рукой по ступне — прохладной и шелковистой. На икре были следы от укуса полевого пса. Ей ещё повезло — очевидно, тот был совсем молод и ещё не научился впрыскивать яд. Пальцы слегка задрожали — края ран начали стягиваться, пока кожа не стала совсем гладкой.

— Уже не больно...

Ирвальд поднял голову и увидел, что она смотрит прямо на него. Зрачки её расширились и стали совсем чёрными, пухлые губы, слегка приоткрытые, заметно побелели,

грудь поднялась на вдохе и замерла, боясь выдохнуть.

Ирвальд знал, какое впечатление производит, и это его совсем не радовало.

Однако девушка, к немалому его удивлению, сумела совладать с собой и выдавила на лице улыбку — совсем робкую, лишь на кончиках губ.

— Спасибо.

Руки её опустились к поясу и стали что-то нащупывать в складках платья.

— Это все, что у меня есть, — сказала она, протягивая небольшой мешочек.

Ирвальд осторожно отвёл её руку кончиками пальцев, радуясь, что не снял перчатки — так она не видела когти и шипы, которые наверняка привели бы её в ужас.

— Мне больше нечем отблагодарить вас, — прошептала она, не пряча глаз. Не то испуг, не то изумление приковали её взгляд к его лицу — она смотрела, будто замороженная.

Ирвальд знал навскидку десяток способов, которыми она могла бы его отблагодарить, однако смущённо отогнал назойливые мысли. Это была не похотливая ведьма, а юное, совсем ещё зелёное дитя, испуганное до полусмерти, но к чести своей, она хотя бы пыталась не выказывать свой страх — так, что он даже немного ей верил. Владыка отвернулся, чтобы лишний раз не смотреть на её губы. Ни у кого в межгорье не было таких красивых губ. Его собственные, почти чёрные от обилия трещинок, сжались в полосочку, стараясь как можно больше спрятать клыки.

— Мне это не нужно, — с трудом произнёс он.

Девушка опустила руку с мешочком и неловко отвела взгляд.

— Как твоё имя?

— Ярушка... Ярина, — поспешно исправилась красавица, опустив взгляд.

— Тебе подходит, — заметил Ирвальд и вздохнул. Пора было заканчивать со знакомством, — расскажи мне, какого дьявола ты здесь забыла?

— Я? — Переспросила Ярушка, сбитая с толку его грубоватым тоном, — не знаю... Мы возвращались домой... Боровод предложил сократить путь, и мы поехали через горы. Еда неожиданно кончилась, и он отправился поохотиться. Барвинка ушла следом — собирать хворост.

— Когда?

— Утром, — поспешно сказала она, но тут же покраснела от стыда — что уже было скрывать, — неправда... Они ушли вчера вечером.

— Где ты ночевала?

— В седле. Мы с Ванко всю ночь бродили по полю, потом наткнулись на ручей.

— Где тебя оставили слуги?

— Далекотсюда. В поле.

— Они не вернутся.

— Я уже поняла, — призналась Ярушка.

— И что ты теперь намереваешься делать?

— Ехать домой.

— Одна?

— А у меня есть выбор?

Ярушка уже совершенно пришла в себя, глаза её приобрели янтарный оттенок и даже засверкали — теперь уже от ярости. Она сжала кулачки, потом отпустила, очевидно, переживая какую-то свою внутреннюю борьбу. Вид у неё был загадочный.

— Ты давно знаешь своих слуг? — поинтересовался Ирвальд.

— Нет.

— Теперь будешь знать, что не стоит нанимать кого попало. И как тебя отпустили одну с этими пройдохами?

— Это слуги моей сестры, — сказала Ярушка, кусая губы, — она дала мне их в сопровождение. Я хотела вернуться домой, к брату.

— Где твой дом?

— В Залесье.

— Далеко отсюда... И откуда же вы ехали?

— Из южных окраин Хорива.

Ирвальд ничего не сказал. Путь от Хорива в Залесье лежал далеко от Межгорья. И даже если совсем не знать пути, свернуть сюда было также маловероятно, как и пересечь Горы, не ведая, где вход. Если её не пытались продать ведьме, стало быть, от неё просто избавились. Только вот кому могла помешать такая юная красавица?

— Почему брат сам не забрал тебя?

— Он не знал, что я возвращаюсь. Всё решилось внезапно.

— Что-то стряслось?

— Нет, — поспешно ответила Ярушка, кусая губы. Что-то явно стряслось, только она не желала об это говорить. — Я хочу вас попросить ещё об одной услуге. Можно?

Ирвальд пожал плечами. Можно просить о чём угодно — пока ему было интересно. Похоже, она действительно его не боялась. Может, потому что не верила, что всё, что с ней происходит — реально?

— Вы можете вывести меня отсюда?

— Сопроводить домой? — брови удивлённо поползли вверх. Он представил себе реакцию людей за горами, когда увидят его верхом на ядохрыле.

— Нет, у меня и не было столь дерзкой мысли, — успокоила его красавица, — я не знаю, как покинуть это место. Может, вы покажете, как добраться хотя бы до поселения, где я могу спросить путь?

— Разумнее было бы послать весточку брату и дожждаться его.

— Здесь?

— Ты права, — подумав, согласился Ирвальд, — я выведу тебя из долины. Только обещай, что забудешь этот путь.

— Обещаю, — улыбнулась Ярушка. Зубы у неё тоже были красивые — белые, ровные, все, как один.

Ирвальд протянул ей раскрытую ладонь. Ярушка, помешкав несколько секунд, вложила в неё свою. Владыка легонько сжал её пальцы — такие хрупкие, и почувствовал, как в горле застрял комок. Это было такое дитя. От неё хотелось удрать подальше. Но он понимал, что ни за что не оставит её на растерзание ведьмам.

И все-таки было странно, что красавица его не боялась...

Глава 5

Ярушка не знала, куда попала — в страшную сказку или дурной сон. Последние несколько лет жизнь преподносила ей одни лишь сюрпризы, и она уже сомневалась, какой из них в итоге окажется хуже. Она лишь надеялась, что ей удастся выбраться из этого странного места живой.

Все не задалось с самого начала. Лицо до сих пор горело от пощёчин, которых щедро навесила сестра, хотя Ярушка была совсем не виновата.

Любашка даже слушать её не захотела.

«Дрянь неблагодарная» — вот и всё, что она сказала напоследок. Тем не менее, выделила конюшего и служанку для сопровождения.

Ярушка и подумать не могла, что обида Любашки так глубока, что она отправила сестру в опасную дорогу абы с кем. Но слуг этих прежде она не видела.

И ничего не заподозрила, когда они отправились, по словам Боревода «коротким путём», минуя места, доселе не виданные.

А надо было бы забить тревогу, ещё когда они пересекали горы — дивного синего цвета, высокие и могучие, так что у неё перехватило дыхание, когда она попыталась разглядеть среди низких облаков величественные вершины.

Поглощённая красотой гор, Ярушка не заметила, что поля, по которым они держали путь, уж слишком отличаются от тех, что были по ту сторону гор.

Травы были иными. Звуки, запахи — все казалось другим.

Ярушка жутко проголодалась и приказала остановиться для передышки, как вдруг оказалось, что еды больше нет.

Барвинка виновато опустила голову, теребя толстыми пальцами передник. Боровод предложил подстрелить в лесу какую-нибудь дичь. Ярушке ничего не оставалось, как отпустить слугу в лес. Она никого не винила — покидая дом сестры в спешке, Ярушка почти ничего с собой не взяла. Проверить запасы она тоже не подумала.

Барвинка была очень суетливой, и Ярушка была рада, когда та вызвалась собрать дров для костра. Ей хотелось немного побыть одной, подумать, что рассказать Анжею о том, почему уехала от сестры. С одной стороны, в груди всё кипело, бушевало от негодования. С другой — в правде куда больше зла, чем того требовала справедливость.

И всё же брату придётся давать хоть какой-то ответ...

За невесёлыми мыслями Ярушка не заметила, как солнце закатилось за синие вершины. Темнело очень быстро — вот уже на небе проступила золотистая россыпь звёзд. А слуг всё не было. И лишь когда на землю опустилась густая непроглядная тьма, Ярушка поняла: они не вернутся.

Было ли так задумано? Или же слуги попросту удрали? Но зачем — ведь кошелёк с деньгами остался при ней, так что выгоды им было никакой.

Разве только с ними обоими случилось что-то страшное. Но девушке, оставшейся в полном одиночестве посреди ночного поля, даже не хотелось об этом и думать.

— Что же мы будем делать, Ванко? — спросила она коня, поглаживая загривок. Ванко тихонько заржал, но тут же умолк, испуганный непривычными звуками, доносившимися откуда-то из темноты.

Ярушка забралась в седло и натянула поводья. Неподалёку она заметила небольшой холм — можно было укрыться, чтобы не стоять посреди поля...

Спешившись, Ярушка забралась на камень и долго сидела, не выпуская из рук поводья. Ванко фыркал и стриг ушами. Она утешала его, как могла, шепча ласковые слова. Она боялась не меньше, но ещё больше опасалась того, что Ванко взбрыкнёт и умчится в ночь, оставив её совсем одну.

Темнота вокруг, казалось, жила своей собственной жизнью — вспыхивали и гасли огоньки, издали напоминая жёлтые кошачьи глаза, что-то неуловимое носилось в воздухе, слегка задевая пряди её волос. Трава вокруг шелестела — то ли от ветра, то ли от невидимых рук, снующих между стеблями. Ярушка то и дело слышала шипение и вскрики,

будто кого-то хватали за горло и крепко сжимали, вытряхивая дух.

Она не знала, сколько времени прошло — казалось, целая вечность, как внезапно все звуки смолкли. Огоньки исчезли, невидимые летуны перестали носиться, даже трава замерла, не смея шелохнуться.

По полю кто-то шёл — быстрой могучей поступью, от которой по коже побежали мурашки. Ярушка сжалась от страха, моля Бога, чтобы Ванко не понёсся от страха. Но лошадь стояла, как вкопанная.

Незнакомец прошёл мимо — почти рядом, как показалось перепуганной девушке — и вскоре она перестала слышать его шаги. Но тишина ещё долго царила в поле — только с рассветом жизнь вокруг воскресла пением утренних птиц.

Ярушка вздохнула и расслабилась.

Необходимо было найти ручей, чтобы умыться, и что-нибудь съедобное, чтобы утолить голод. И если уж совсем повезет — какое-нибудь селение, где можно купить еды и спросить дорогу в Залесье.

Она забралась верхом на коня и окинула взглядом окрестности — зелёная равнина, усыпанная, словно пирог ягодами, красными головками маков, синими перьями васильков и жёлтыми пятчиками одуванчиков, показалась ей вполне гостеприимной. Горы застилали горизонт с тех сторон, которые открывались взору, а где-то вдалеке тонули в низких пушистых облаках.

В паре верст от Ярушки расстился лес. Высокие стволы деревьев с развесистыми кронами выглядели вполне обычно. Возможно, где-то на краю ей удастся найти немного ягод. Она прищорила Ванко и поскакала к лесу.

Вблизи деревья оказались куда выше, чем в обычном лесу. Ярушка со странным благоговением рассматривала широкие лиственницы, раскинувшие лапы на добрый скачок коня. Ванко недовольно фыркал, да и сама девушка никак не решалась углубиться в лес. Пожалуй, она поедет вокруг — авось найдёт какую-нибудь тропинку, протоптанную людьми.

Вокруг было очень тихо, словно лес дремал. И ей казалось, что она слышит лёгкое мурлыканье, будто огромный кот разлётся среди деревьев.

Лес казался бесконечным. Ярушка едва держалась в седле от усталости. Желудок недовольно урчал, а голова кружилась от голода. Но вокруг не было ничего — ни орешника, ни ягодного куста. Только маленькие птички, чуть больше голубя, прыгали с ветки на ветку, надоедливо воркуя. Ярушка не обращала на них внимания: даже изловчись она поймать одну из них, то уже точно не смогла бы свернуть той голову. И огонь добывать она тоже не умела.

— Похоже, мне придётся умереть с голоду, — грустно улыбнулась Ярушка, потрепав Ванко за гриву, — хорошо хоть для тебя вдоволь еды.

Неожиданно одна из птичек сорвалась с куста и опустилась прямо на голову коню. Улыбка застыла на губах девушки: птица смотрела на неё, склонив набок голову. Лицо у неё было человеческим.

— Куда путь держишь, красавица, — противным картавым голосом спросила птица.

Ярушка открыла рот, и тут же заткнула его себе кулаком, чтобы не закричать.

— Пугливая, — усмехнулась птица, — тебе туда нельзя.

— Куда? — ошарашено спросила Ярушка.

— Туда, куда смотрит твой конь.

Птица взвилась в воздух и с диким хохотом пролетела прямо над плечом девушки,

царапнув коготками щёку — не больно, однако Ярушка успела разглядеть её безумные глаза. Ванко неистово заржал и взвился на дыбки, подбросив наездницу в воздух, будто мешок с перьями.

— Там ведьмы! Ведьмы! — кричала птица.

— Ведьмыыыы!!! — закурлыкали сотни её подружек, слетели с кустов и собрались в стаю. Покружив над испуганной девушкой, изо всех сил пытающейся удержаться в седле беснующегося коня, птицы внезапно исчезли, рассыпавшись среди могучих ветвей. Ярушка ещё долго слышала их дикие визги где-то глубоко в лесной чаще.

Дрожащей рукой она нащупала под одеждой маленький серебряный крестик и крепко сжала

— Господи, спаси и сохрани...

Ярушка развернула коня прочь от проклятого леса. В поле, под знойными лучами палящего солнца, она хотя бы могла видеть, что подстерегало её впереди.

Однако далеко отъехать не удалось. Среди луговой травы путников подстерегала новая опасность. Едва измотанный Ванко замедлил бег, в ногу Ярушке вцепилось ещё более странное существо. Сперва оно схватило её за юбки крючковатыми лапами, на которых было всего лишь два пальца — длинных и гибких. Ярушка опешила, не зная, как себя вести. За поясом у неё был маленький нож, но в страхе она совсем про него забыла.

Существо уставилось на девушку огромными слезящимися глазами, по краям заплывшими густой серой слизью, затем открыло рот — широкий, слегка приподнятый в уголках, будто в улыбке — и впилося острыми зубами в плоть.

Ярушка взвыла от боли и лягнула ногой. Существо держалось, вцепившись намертво, и девушка чувствовала, как острые зубы рвут мясо, вгрызаются в кость. Она изо всех сил ударила коня по бокам. Ванко послушно сорвался в галоп, помчавшись через поле обратно в лес. Наконец, существо ослабило хватку и Ярушке удалось отбросить его в сторону.

Они долго скакали, пока взмыленный скакун не остановился, хрипя от усталости. Ванко стриг ушами и жалобно ржал, указывая мордой куда-то в чащу. Почуял воду, догадалась Ярушка и облегчённо выскользнула из седла. Ступать было больно, ногу словно обдавало огнём. Но дальше ехать верхом она не могла — тело затекло от усталости.

Чувствуя себя разбитой, словно столетняя старица, Ярушка едва доползла до воды и с наслаждением погрузила ноги в ручей...

Казалось, что самое страшное уже позади. Она пила воду яростно, будто целый век мучилась от жажды. Вода немного притупила голод и притушила жар от раны. Очень хотелось выйти на берег, свернуться калачиком и поспать.

Ярушка так бы и сделала, но следовало привязать коня. Она повернулась, чтобы выйти из ручья, как вдруг почувствовала, что не одна.

— Всего лишь белки, — сказала она себе, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Конь будто взбесился — зрачки его закатились, на губах выступила пена. Слишком многое им сегодня довелось пережить, слишком много для его пугливого лошадиного сердца. Ярушка боялась, что не сможет успокоить животное, и тогда останется совсем одна.

— Ничего там нет, — улыбаясь сквозь слёзы, сказала она Ванко, — одни белки...

То, что произошло позже, промелькнуло в памяти, как одно мгновение — не то сон, не то жуткая явь...

Человек, появившийся из ниоткуда, был страшен. Ярушка и представить себе не могла,

что бывают такие жуткие лица. Сперва промелькнула мысль, что это могла быть маска, какие ряженые надевают на деревенские праздники. Однако, приглядевшись, она поняла, что его лицо было настоящим.

Серая, с голубым оттенком кожа, прямой, будто отточенный из камня, нос, большие ярко-синие, как полуденное небо, глаза с узкими, как у кошки, белыми полосками зрачков.

Незнакомец был высоким — Ярушка едва доставала до его плеча, однако казался худым, почти тонким. Сложен он был ладно, но стан его странно изгибался, будто у дикого зверя, готового в любой момент прыгнуть.

Чудовище во плоти...

Повстречай она его вчера, Ярушка бросилась бы бежать, куда глаза глядят, неистово крича от ужаса. Но после пережитой ночи у неё уже не осталось сил бояться.

Он говорил с ней и даже назвал своё имя. И, казалось бы, не замыслил ничего дурного.

Ярушка чувствовала, как её накрывает волной безумия, как спасительным саваном. Она с лёгкостью вложила свою руку в его ладонь — узкую и непривычно длинную, как для человеческой.

И ничего страшного не произошло.

Он всего лишь взял её руку — и Ярушка вздохнула с облегчением. Все-таки она нашла хоть кого-то в этом мире странных существ, отдалённо напоминающего человека.

Глава 6

Долгое время они шли молча. Ванко семенил сзади, обречённо понуриив голову, подталкиваемый увесистыми пинками невидимого ядохкрыла.

Девушка старалась не отставать, быстро перебирая ногами в такт его широким шагам. Ирвальд и так шёл медленно — обычно он носился, как ветер. Он бы и сейчас в два счёта добрался бы до ворот с Ярушкой на руках, если бы не конь. Глупое перепуганное животное было обузой, но он понимал, что без коня она не доберётся домой, когда очутится по ту сторону Гор.

К тому же, нехотя признавался себе Ирвальд, ему хотелось немного понаслаждаться. От девушки исходил лёгкий приятный запах, непохожий ни на один из ароматов Межгорья.

Интересно, что сказал бы отец, если бы узнал, что он провожает девушку из мира людей к выходу из долины. Ирвальд, откровенно говоря, никогда не слышал, чтобы такое вообще случалось.

Люди редко попадали в мир владык — их либо тайно провозили особым покупателям либо же это были редкие посвящённые, в основном, торговцы. Люди никогда не забредали сами, им был попросту неведом путь.

Поэтому Ирвальд мало верил в то, что Ярушка оказалась здесь случайно. Но в то же время было непохоже, что она лгала.

Найти бы её слуг — он в два счёта выбил бы из них правду. Но Ирвальд не чувствовал запаха других людей. Если они и были, то давно покинули долину. И, стало быть, этот путь им хорошо известен.

— Что это за место? — наконец, спросила девушка, нарушив молчание.

— Долина Синих Гор, — ответил Ирвальд и, выпустив её ладонь, горделиво шагнул вперёд, широко раскинув руки, будто пытаясь охватить расстилающиеся перед взором величественные стены Гор.

— Никогда не слышала, — призналась Ярушка, — по ту сторону они кажутся обычными. Серыми, как земля.

— С той стороны они спят.

— Горы? — голос её звучал недоверчиво.

— Горы. Здесь всё живое.

— Я заметила, — Ярушка печально потупила взгляд, уставившись на сбитые кончики туфель, выглядывавшие из-под разорванного подола.

— Ты ещё легко отделалась, — смеясь, заметил Ирвальд.

— Я видела птиц с человеческими лицами.

— И что эти болтушки тебе нащебетали?

— Велели не ходить к ведьмам.

— Надо же! — удивлённо воскликнул Ирвальд, — ты им приглянулась.

— С чего вы взяли?

— Они могут заболтать до полусмерти или начнут визжать, а когда почти оглохнешь от шума, загонят тебя в болота к моренам.

— Кто такие морены?

— Редкие твари. Болотные гадюки поприятнее будут.

— Понятно. А есть здесь нормальные существа?

— Какие, например?

— Которые не набрасываются, не норовят укусить.

— Есть и такие. Но только потому, что им до тебя нет дела.

— Славное местечко.

— А за Горами по-другому?

Ярушка задумалась. Действительно, как было на самом деле в её родном мире? Она знала, где безопасно, а какие места надлежит обходить стороной. Но было ли уж так спокойно в Залесье? Вспомнив последнюю свою прогулку в лесу, незадолго от отъезда к сестре, Ярушка поморщилась. Во рту стало горько от отвращения — захотелось сплюнуть от гадливости, но она сдержалась.

— Мне там привычней, — просто ответила она.

Ирвальд ничего не ответил — только улыбнулся, слегка обнажив клыки.

«А ведь он совсем не уродлив, — неожиданно подумала Ярушка, — страшен, да. Необычен, как диковинный зверь»

— Мы почти пришли.

Ирвальд указал на едва заметную тропинку, ведущую к расщелине между гор. Ярушка не признавала это место — ещё бы, она всю глазела по сторонам, а не запоминала путь.

— Спасибо.

Девушка подошла к коню и подобрала поводья.

— Я бы не сумела выбраться без вашей помощи.

— Но ты ещё и не выбралась.

— Я попробую сама. Вам необязательно больше тратить на меня время.

— И куда ты пойдёшь? Ты хоть знаешь путь? Залесье далеко — пяти дней пути.

— А Хорив?

— Дня два-три.

Ярушка закусила губу, размышляя. К сестре она точно не вернётся.

— Да что у тебя стряслось?

Ирвальд испытывающе глядел на неё, будто пытаясь проникнуть в душу. И это у него почти получалось — Ярушка чувствовала, как под взглядом его нечеловеческих глаз у неё

подкашиваются ноги.

— Я... загостилась. И меня выставили вон.

Ирвальд чувствовал, что она лжёт, и это его разозлило.

— А знаешь, что ждёт тебя там?

Он резко подхватил её на руки, громко свистнул, и Ярушка вскрикнула, почувствовав, как невидимая сила рывком подняла их в воздух и вознесла высоко над горами.

Там, почти под облаками, земля казалась, как на ладони.

— Вон Залесье!

Ирвальд указал рукой куда-то очень далеко. Впереди пролегали луга, поля, и много-много вёрст, насколько охватывал взгляд, густого зелёного леса.

— В тех лесах, может быть нет такого зверья, как здесь. И, может быть, ведьмы не столь могущественны. Однако там есть разбойники. И если ты попадёшь к ним в руки, то, прежде чем умереть, сто раз пожалеешь, что родилась на свет.

Ярушка отчаянно всматривалась вдаль. Губы её беззвучно шептали какие-то слова. Ирвальд не мог разобрать, что она говорит, и хмурился. На лице её промелькнуло безумное выражение, но она тотчас же спохватилась, и даже попыталась выглядеть беспечной.

— Мы сможем отправить голубя к моему брату? Я хочу, чтобы он выехал навстречу.

— А ты согласна ждать его? Это будет дней десять — хотя голубь летит быстрее коня, но ему тоже нужно время.

— Так долго! — разочарованно воскликнула Ярушка, — я не протяну столько — без пищи, воды и крова. Как далеко отсюда поселение?

— День пути — в сторону Хорива. Но я могу предложить тебе свой кров.

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать. Ирвальд удивился не меньше, чем Ярушка, глаза которой вспыхнули, а щёки зарделись от смущения.

— Но это не совсем прилично, — прошептала она.

— Зато безопасно.

— Если бы со мной была хотя бы служанка... Простите меня, но я откажусь.

А может, оно и к лучшему, решил Ирвальд. Он не знал, как отнеслись бы к ней слуги, приведи он её в замок, — слухов бы расползлось по всей долине превеликое множество. И как бы он сам отнёсся, отдайся она добровольно в его власть? Возможно, уже через пару дней его милосердие иссякло бы, а похоть восторжествовала, и уж после она вряд ли смотрела бы на него с таким доверием.

— Вы умеете колдовать?

— Что? — от неожиданности Ирвальд даже поперхнулся.

— Вы излечили меня одним прикосновением.

— Но я не смогу отправить тебя домой заклинанием.

— А сделать невидимой? Вы ведь были невидимым? И невидимая птица, которая принесла нас сюда...

— А, Юрей сам по себе может становиться таким. А я, пожалуй, смогу укрыть тебя, если буду держать за руку. Или, если буду от тебя в двух шагах. На большее моей магии не хватит.

— Значит, я поеду в Хорив.

Ярушка отвернулась. Спина её стала прямой, как струна. Ирвальд чувствовал, как в ней борется гнев, норовя выплеснуться наружу. Но, похоже, она так и не собиралась поведать ему свои тайны.

Однако сейчас его волновало совершенно другое. Путь в Хорив был далеко не безопасен для одинокой девушки. И пусть там не было известных разбойников, зато по дорогам шаталась тьма всяких отбросов, промышляя, чем ни попадя.

На ядохрыле они бы долетели туда за полдня. Но провести за Горами целый день ради этой красавицы было глупо. Ирвальди и так совершил немало глупостей, начав с травли ящера, а закончив тем, что показал ей путь из Межгорья.

Хотя если бы она его попросила, княжич не стал бы отказывать.

Но Ярушка не попросила. Она по-прежнему молчала, углубившись в свои мысли. И тогда Ирвальду в голову пришла ещё одна безрассудная идея.

— Ведьмы могли бы навести морок.

— Какой?

— Тебя бы никто не замечал. Правда, я не знаю, надолго ли хватит зелья.

— Так чего же мы ждём?! — обрадовалась Ярушка.

— Ты безумна, дитя, — с сарказмом заметил Ирвальд, — если так жаждешь связываться с ведьмой.

— Разве есть иной путь?

— Нет. Идём.

Ирвальд подхватил Ярушку на руки и прижал к груди, накрывая плащом. Одним прыжком он оказался на невидимом скакуне, и они тотчас же взмыли в облака.

— Почему ты меня не боишься? — прошептал Ирвальд, прижимаясь губами к самому уху девушки.

— Не знаю, — ответила Ярушка.

Она и вправду не знала.

Глава 7

В поселение ведьм они отправились вдвоём. Ванко достаточно настрадался за этот день, и ему требовался отдых. Юрей остался охранять жеребца от нечисти, норотившей куснуть его за холёные лошадиные бока.

Ярушка бежала по полю, едва поспевая за Ирвальдом. Она уже начинала привыкать к его быстрой походке и, похоже, воспрянула духом.

— Здесь красиво, — воскликнула она, — по ту сторону гор трава иная. Не такая сочная. И маки здесь...

— Не трогай! — едва успел сказать Ирвальд, но было поздно.

Ярушка остановилась, сорвала цветок и поднесла к лицу. И тут же рухнула наземь, забывшись в глубоком сне.

— Дьявол тебя дери, маковица, — выругался Ирвальд, подхватывая девушку на руки, — или я вырву твои косы и сожгу в печи.

Ярушка была совсем лёгкая, и, по-правде говоря, так он мог двигаться намного быстрее. Необходимо было спешить: ещё пару часов и начнёт вечереть.

Ведьмы жили среди холмов, беспорядочно рассыпанных у подножья Горы. Каждый холм представлял собой искусно замаскированный вход в подземную пещеру. Из небольших колец, сложенных из камней прямо на земле, шёл густой серый дым.

Ведьмы варили зелье.

Повсюду шныряли мелкие зубастые зверьки — такие тощие, что можно было сосчитать кости. Увидев гостей, они стали шипеть и плевать вонючей жижей.

Ирвальд грозно топнул ногой, и зверьки тут же исчезли.

Ярушка легонько застонала, приходя в себя. В желудке довольно громко заурчало. Она смущённо вцепилась в плечи Ирвальда.

— Здесь можно найти еду?

— У ведьм? Я бы не рискнул.

— Пустите меня, я пойду сама, — попросила Ярушка.

— Больше ничего не трогай, — предупредил Ирвальд, — никаких цветов, камушков. И не вздумай никого гладить. И... отпусти мои волосы.

— Что?

Ярушка не заметила, как прядь длинных волос Ирвальда обвилась вокруг запястья, свисая на грудь. Волосы были мягкими и немного влажными.

— Простите.

Ярушка осторожно распутала волосы и перебросила их через плечо Ирвальда. Щёки его неожиданно потемнели, став почти синими.

— Я что-то сделала не так?

— Нет, — сквозь зубы процедил княжич и поставил её на землю, — идём.

Ирвальд буквально потащил её за руку к одному из холмов. Выдернув пучок сухой травы, он ткнул кулаком в обнажившийся кусочек земли. Холм задрожал, расступаясь,

Образовалась дыра — достаточно широкая, чтобы войти. Правда, Ирвальду пришлось согнуться чуть ли не вдвое. Своды пещеры были обвиты корнями, кое-где свисала толстая паутина, на которой, словно в огромном гамаке, качались толстые пауки, покрытые мелкой шерстью. Их огромные тонкие лапы, увенчанные когтями, привели девушку в ужас, и она вцепилась в локоть Ирвальда, что было силы.

Пахло мышьиной мочой и гарью. Ярушка почувствовала, как в горле собрался ком.

Ирвальд посмотрел на неё с лёгким недоумением и пожал плечами. Чего она ещё ожидала от ведьм?

Хозяйка пещеры оказалась маленькой, сморщенной, с длинными до пят рыжими волосами с проседью. Волосы, скорее всего, никогда не знали воды и гребня, свисали сбитыми засаленными паклями и источали зловоние.

— Кого ты привёл, владыка? — прошамкала ведьма почти беззубым ртом.

— Не твоё дело, Шаринка, — грубо сказал Ирвальд, — нам нужно заклинание.

— О-о-о!

Глаза Шаринки сверкнули недобрым огнём, она улыбнулась, и Ярушка поняла, что ведьма не так уж и стара. Кожа, покрытая бородавками и бороздками, была ещё довольно гладкой.

— Хороша... Что сказать!

— Не томи, ведьма. Нужно, чтобы ты сделала её незаметной.

— Зачем?

— Ты решила меня разозлить? К чему эти вопросы?

— Кто мне за это заплатит? — заупрямилась ведьма.

Ярушка спохватилась и достала из-за пояса кошелек. Ведьма потянулась к нему грязными пальцами, но Ирвальд ударил её по руке.

— Я сам расплачусь с тобой, ведьма.

Шаринка охнула и прижала руку к губам. Глаза её по-прежнему недобро сверкали, но теперь она выглядела более покорной.

— Как скажешь, владыка. Но она должна хоть что-то мне дать.

— Одну, — Ирвальд поднял палец вверх, — только одну монету.

— И прядь её волос.

— Одну монету, — повторил Ирвальд, — и я не сожгу твою собачью нору.

Ведьма шмыгнула носом и кивнула. Ярушка достала из кошелька монету и положила её в протянутую ладонь Шаринки. Та поднесла монету к лицу, зачем-то понюхала и подбросила на ладони.

— Еще не тронута, — пробормотала она, пряча ухмылку.

— Идём.

Ведьма махнула рукой в сторону огромного котла, висящего посередине пещеры над едва тлеющим очагом. Ярушка растерянно взглянула на Ирвальда — тот кивнул, и пошла вслед за ведьмой.

Шаринка усадила её на грязную циновку возле очага и принялась разжигать огонь. Пламя разгоралось неохотно и сильно чадило. Шаринка бросила несколько стебельков полыни, и Ярушка закашлялась от едкого запаха.

— Не знаю, что задумал владыка, но ты уж больно красива для этих мест.

Ярушка промолчала. Она не знала, что ответить ведьме. Красота была тем, чем её постоянно попрекали. И что было хорошего в такой красоте, если даже самой себе она становилась поперёк горла.

— Теперь тебе нужно помочиться.

— Что?

— Помочиться. Для заклинания.

Шаринка подтолкнула ногой деревянную площадку. Ярушка искоса посмотрела на Ирвальда, не спускающего с неё глаз.

— Я его отвлеку, — успокоила её ведьма, доставая что-то из кармана передника, — хочешь орешек?

Ярушка была так голодна, что вмиг забыла обо всём, что ей приказывал Ирвальд, и радостно схватила угощение.

— Бедная моя, — улыбнулась ведьма, поглаживая девушку по щеке, — ты совсем истощена...

— Ах ты, дерзкая тварь!

Шаринка ввизгнула и бросилась прочь в глубину пещеры. Владыка настиг её буквально в два прыжка, схватил за волосы и швырнул на пол.

— Наглая, глупая ведьма!

— Не трогай меня! Твой отец покровительствует мне. Ему не понра...

— Хочешь напугать меня отцом?

Лицо Ирвальда перекошилось от ярости. Он намотал несколько ведьмовских прядей на руку, обнажив шею, и занёс над головой несчастной меч. Ведьма беспомощно скулила, пуская пузыри слюны из дрожащего рта.

Ярушка выронила орешек, вскочила на ноги и бросилась к Ирвальду.

— Пойдите! Пожалуйста! Она не сделала ничего дурного.

— Уйди, неразумное создание! Я должен её проучить.

Но Ярушка вцепилась в его локоть и повисла, не давая как следует замахнуться.

— Не убивайте её.

Ирвальд дёрнул рукой, и Ярушка отлетела к стене, больно ударившись затылком. Голова закружилась, и она медленно сползла на пол. Ирвальд зарычал и выпустил ведьму. Та

мгновенно убралась куда-то в глубину пещеры и затаилась там, не издавая ни звука.

— Ты в порядке? — спросил Ирвальд, склонившись над Ярушкой.

Она кивнула.

— У тебя кровь, — заметил княжич, потягивая носом воздух.

Он дотронулся губами до её волос, и боль вмиг прошла. Ирвальд схватил Ярушку за воротник платья и приблизил её лицо к своему. Глаза его потемнели от гнева, щёки пылали синим пламенем.

— Запомни, дитя: никогда не лезь, когда владыка вершит правосудие!

— Не буду, — искренне пообещала испуганная девушка.

Ирвальд отпрянул — раздосадованный и немного смущённый. Он не собирался её пугать, и тем более калечить. Это случилось невзначай. Но как же она упряма в своём непослушании! Её тоже не мешало бы наказать! Рука сама потянулась к волосам, и вот пальцы уже перебирали волнистые пряди. Ирвальд с трудом сдержался...

— Я не собирался её убивать. Всего лишь отрезать косы.

— Зачем? Она всего лишь далее мне орех.

— Орех! Ха!

Ирвальд пнул ногой крошечную головку, лежавшую на циновке. Орех завертелся на месте, издавая пронзительное шипение. Кожура лопнула, но вместо спелого ядра на циновку вывалился крошечный крысёныш. Ярушка охнула, а к горлу подступила тошнота.

— Что она от тебя хотела? Что шептала тебе?

— Чтобы я помочилась в плошку.

— Вот отродье! Я все-таки снесу ей башку, — пообещал Ирвальд, — идём. И больше не слушай ведьм.

— Зачем ей это было надо? — спросила Ярушка.

— Хотела украсть твой облик.

— А это возможно?

— Вполне. Правда, ненадолго.

— И что в этом страшного?

— Как только облик спадёт, ты постареешь лет на сто.

— Я не проживу столько!

— Тогда ты умрёшь.

— Вы говорите об этом так спокойно, — пробормотала девушка, чувствуя, как кровь схлынула с лица. Жестокое место, жестокие обитатели. Как бы ей хотелось убраться отсюда подальше.

— И что теперь? — спросила она.

— Здесь много ведьм.

Они выбрались из логова, и Ярушка с упоением вдохнула свежий воздух.

Начинало смеркаться. В небе над головой кружились летучие мыши, едва не задевая их крыльями. Её слегка мутило от голода и усталости. Ужасно хотелось спать.

— Я по-прежнему готов предложить тебе кров, — шепнул Ирвальд. Но Ярушка покачала головой.

— Ты упряма.

— Мне нужно вернуться домой.

— Как знаешь.

— Она назвала вас владыкой. Это ваш титул? — вдруг спросила Ярушка.

— Нет. Владыки — мой род, также как твой — человеческий. А титул у меня княжеский. Мой отец — князь.

Ярушка не сильно его понимала. Судя по его одежде, сшитой из богатой ткани, украшенной серебряными нитями и синими камнями, по золотой подвеске и массивном головном уборе из чёрной блестящей кости, походившем на невысокую корону из пяти толстых зубьев, Ирвальд был знатного происхождения. Рукоять его меча была покрыта дивным узором, изображающим силуэты существ, и украшена красными камнями. Сам меч выглядел тяжёлым, однако Ирвальд, казалось, совершенно не замечал на бедре такую ношу. Владыка...

Это название очень ему подходило...

В этот раз Ирвальд повёл её к самому подножью горы. Небольшой холм, усыпанный васильками и белыми шариками отцвёвших одуванчиков, был гораздо ниже остальных.

— Открывай, маковица! — княжич топнул ногой, впечатав каблук глубоко в красноватую землю.

— Помни: ничего не брать! — Рывкнул он притихшей Ярушке.

Ведьма-маковица была куда симпатичней Шаринки — высокая, розовощёкая, с довольно приятным лицом. Глаза её были абсолютно белыми, а ресницы напоминали маковые лепестки — чёрные от краешков век, с ярко красной опушкой, длинные, почти до бровей.

Крошечный нос был практически незаметным. Из-под верхней губы, усеянной мелкими чёрными бородавками, торчали неровные желтоватые зубы.

Ведьма склонила голову, подобострастно сложив руки на груди.

— Приветствую, владыка.

— Можешь сделать так, чтобы её никто не замечал? — сквозь зубы процедил Ирвальд.

— Даже владыка?

— Нет. Обычные люди, зверье по ту сторону Гор.

— Могу, — ответила ведьма, уставившись на Ярушку немигающим взглядом, — чем ты заплатишь, дитя?

— Она даст монету, — ответил за неё Ирвальд, — и без глупостей, иначе твоя голова отлетит так далеко, что её не найдут даже твои псы.

Ведьма скривила губы в ухмылке. Подбородок опустился ещё ниже. Ярушка почувствовала напряжение, возникшее между владыкой и ведьмой. Должно быть, у них была своя, тёмная история. Тем не менее, Ирвальд почему-то привёл её к этой ведьме.

— Идём, дитя, — ведьма взяла Ярушку под локоть и повела за собой.

Земля у подножья расступилась, открывая ход, ведущий куда-то глубоко вниз. Каменные ступеньки были усыпаны песком, который противно скрипел под ногами. В этой пещере, как и в предыдущей, пахло сыростью и травами.

Они спустились вниз, и только тут Ярушка заметила, что Ирвальд не пошёл за ними.

— Ну что ты застыла, давай свою монету, — сказала ведьма.

Ярушка достала из-за пояса кошелек. Ведьма равнодушно сунула деньги в карман фартука и положила руки девушке на плечи.

— Присядь-ка, я погляжу на тебя.

Ярушка послушно опустилась на лавку, позволив ведьме рассмотреть себя.

— Не пойму, с чего он тебя отпускает, — пробормотала ведьма себе под нос.

Ярушка не ответила: ей и самой было невдомёк, почему он возится с ней, ведь это такие хлопоты. Проще было оставить её, послав на все четыре стороны.

— У тебя есть имя? — спросила она ведьму.

— Мальва.

— Хорошее имя, — улыбнулась Ярушка, — а я...

— Мне незачем знать твоё, — неожиданно грубо оборвала её Мальва, — я к тебе в подруги не набиваюсь. Сиди и молчи, пока я буду шептать.

Ярушка обиженно замолчала. Возможно, Ирвальд был прав, постоянно сыпля угрозами. Должно быть, по-другому ведьмы не понимали — грубые, лукавые создания. Оставалось лишь надеяться, что колдовство ей поможет, а не навредит.

Но раз Ирвальд позволил им остаться наедине — стало быть, этой грубиянке он доверял.

— Мне нужна твоя кровь, — потребовала Мальва, протягивая ей небольшой нож — три капли на этот лист.

— Ирвальд не велел.

— Иначе не подействует, — белесые глаза Мальвы буравили её насквозь. Ярушка не могла понять, говорит ли она правду или опять хитрит, как та, предыдущая. И почему Ирвальд остался снаружи, когда так нужен здесь?

— Ну же! — ведьма теряла терпение, — мне не стала твоя краса ценой собственной головы.

Девушка, наконец, решилась. Взяла из рук ведьмы нож и легонько уколола палец. Кровь брызнула во все стороны, и на зелёный лист упало намного больше, чем три капли. Ведьма подхватила листочек и закружилась по полу в неистовом танце, неуклюже подпрыгивая и громко клацая зубами. Затем она спрятала добычу за пазухой, подошла к Ярушке и взяла её за подбородок. Губы Мальвы шептали непонятные слова. Из рта повалил пар, и комната наполнилась странным ароматом. Ресницы ведьмы подрагивали, то поднимались вверх, то опускались, будто бабочка на цветке, играющая расписными крыльями.

— Три дня, — сказал ведьма, — заклинание продержится ровно три дня и ни минутой больше. Так что поторопись, девица. Теперь ступай. И передай княжичу, что я рада была помочь.

— Такие слова обычно говорят в лицо, — заметила Ярушка, — если всё ладно...

— Тебе до того не должно быть никакого дела — фыркнула Мальва и, подхватив грязные юбки, демонстративно исчезла.

— Спасибо, — поблагодарила Ярушка пустоту и поднялась по ступенькам, ведущим к выходу из пещеры.

Ирвальд сидел на траве, уперевшись локтями о согнутые колени, и смотрел в небо. На темнеющем полотне сумерек в шумной драке схлестнулись десятки летучих мышей. Крылатые создания неистово вопили, вгрызаясь друг дружке в крылья и отхватывая на лету кончики ушей.

— Мальва просила передать, что рада была помочь.

Ирвальд равнодушно пожал плечами. Ярушку так и подмывало спросить, что у него приключилось с этой ведьмой, однако, поразмыслив, решила держать язык за зубами. Она ведь тоже не хотела раскрывать ему свои секреты. Да и любопытство могло обернуться грубостью, как это было с ведьмой.

— Она сказала, что заклинание действует три дня.

— Значит, ты едешь в Хорив.

— Выбор не богат, — улыбнулась Ярушка, — и времени не так уж много.

— Выедешь на рассвете, — сказал Ирвальд.

— Но я потеряю целую ночь!

— Ты едва стоишь на ногах.

— Я сильная!

Ярушка гордо вскинула подбородок и выпрямилась, расправив плечи. Ей уже очень долго приходилось быть сильной. Детство закончилось со смертью родителей, и жизнь потребовала собрать волю в кулак, чтобы не раскиснуть, как мякиш в ковше.

— Выедешь на рассвете, — повторил Ирвальд, не сводя с неё тяжёлого взгляда ярких сапфировых глаз.

Он поднялся с травы и повёл её прочь из поселения ведьм. Они пересекли поле и углубились в лес. Везде, где ступал Ирвальд, наступала тишина: зверьё и птицы умолкали, чтобы уже через несколько минут, как пройдёт владыка, зайтись в неистовой какофонии самых невероятных звуков.

— Что это за плоды? — спросила Ярушка, указывая на дерево с огромными, как лопухи, листьями, среди которых красовались сочные бока фруктов, очень похожих на груши.

— Это коконы.

— То есть, они несъедобны, — разочарованно подытожила Ярушка.

— Морены пожирают их с удовольствием, особенно за пару часов до того, как они начнут лопаться. Потом это сложнее. Потом они начинают отбиваться.

— Должно быть, забавное зрелище.

Ирвальд улыбнулся, обнажив клыки. Улыбка вышла странной — искренней и зловещей одновременно. Ярушка поёжилась — не то от вечерней прохлады, не то от прокравшегося в сердце страха. Ведь она полностью в руках этого человека-зверя, которого знает всего лишь полдня, и который посреди всей той жестокости, с которой ей пришлось столкнуться, чувствует себя, как рыба в воде.

— Ты начала меня бояться, — заметил Ирвальд.

— Нет, я просто хочу спать.

— Мы почти пришли.

Деревья расступились, пропуская их на широкую поляну. Посередине было озеро. Свет луны резвился серебряными лодочками по волнам. Трава на берегу была высокой, густой и пахла ночной свежестью.

Ирвальд расстелил плащ на траве и жестом велел Ярушке располагаться. Она благодарно опустилась на мягкую прохладную ткань и вытянула уставшие ноги.

Княжич между тем снял сапоги и зашёл в воду. Спустя несколько секунд рука его нырнула в озеро и вытащила что-то большое, извивающееся, переливающееся в свете луны.

— Это рыба, — зачем-то уточнил он, глядя на застывшее в немом вопросе лицо Ярушки.

Ирвальд бросил добычу на траву и ловко оторвал ей голову. Орудя кончиками пальцев, очень напомилавшими когти хищной птицы, он снял с рыбы чешую и выпотрошил. Разделавшись с тушкой, он достал из ножен меч и нарубил веток.

Ярушка помогла сложить их в сноп. Едва она положила последнюю ветку, сноп занялся ярким пламенем, рассыпая по сторонам тысячи искр.

Девушка не видела, чтобы Ирвальд поджигал ветки. Да к тому же, они были ещё слишком сырыми, чтобы разгореться так ярко. Опять колдовство...

Ирвальд нанизал рыбу на лезвие меча и немного подержал над огнём. Воздух наполнился восхитительным ароматом жареного мяса. Ярушка чувствовала, что ещё вот-вот и она захлебнётся слюной, и, потеряв всякую стыдливость, кружила вокруг костра, радуясь, словно ребёнок.

Рыба оказалась невероятно вкусной. Владыка почти не притронулся к ужину, позволив Ярушке наесться всласть. Озёрная вода по вкусу напомнила берёзовый сок, и девушка с удовольствием пила её пригоршнями.

Ирвальд лишь улыбался своей странной улыбкой, напоминавшей битое горлышко кувшина с испещренными трещинками краями. Ярушка вдруг поймала себя на мысли, что это перестает быть в диковинку.

Глава 8

Ирвальд провёл всю ночь, так и не сомкнув глаз. Девушка мирно спала, распластавшись на его плаще. Волосы рассыпались по траве мягким ковром, к которому хотелось притронуться, зарыться пальцами. А ещё губы — полные, чуть влажные, изредка подрагивающие во сне. Ярушка спала так беспечно, словно мир вокруг не был полон опасностей, которых она лишь чудом сумела избежать. Ах да, она ведь под его защитой...

Девушка забавляла Ирвальда. И волновала. Он не мог пока понять, что больше.

Она не казалась ни наивной, ни особо смелой, но почему-то ему доверилась. Возможно, потому, что другого выхода не было.

Однако, пора было её отпускать.

Солнце уже золотило верхушки деревьев, времени оставалось все меньше.

Ирвальд склонился над Ярушкой и провёл пальцем по её щеке. Хотелось попробовать её губы на вкус, пока она спит. Но девушка открыла глаза и села, растерянно глядя по сторонам.

— Вспомнила? — спросил Ирвальд, поднимаясь над ней во весь рост.

— Да. Нужно идти.

— Возьми, — Ирвальд протянул девушке плод, похожий на яблоко, — некогда возиться с рыбой.

— Спасибо.

Ярушка неловко взяла плод обеими ладонями, глядя куда-то под ноги. Очевидно, она была голодна. Или её беспокоило что-то ещё.

— Ты в порядке?

— Да.

— Тогда поспешим.

Ядокрыл приветствовал хозяина радостным клетотом. Ванко равнодушно щипал траву, изредка подёргивая ушами.

— Конь не замечает тебя, так что будь осторожна, — предупредил Ирвальд, беря Ванко под уздцы, — он может испугаться.

— Думаю, справлюсь, — заверила его Ярушка.

Они быстро миновали расщелину, пройдя сквозь пелену густого серого тумана. И вот уже впереди показалась обычная земля: зелень полей была не такой буйной, и далеко вокруг, куда только мог достать взгляд, расстилалась равнина, изредка прерывавшаяся лоскутками холмов. Гор совсем не было видно, будто они растаяли в облаках, стелившихся почти по земле.

— Твой путь лежит в ту сторону, — Ирвальд протянул руку, указывая на север, — и

старайся обходить леса.

— Я даже не могу найти слов, чтобы описать, как я вам благодарна.

— Не стоит, — криво усмехнулся Ирвальд. Неведомое чувство, острое и не слишком приятное, пронзило тело насквозь. Ему нестерпимо хотелось срубить кому-то голову, пусть даже этому тупому коню, глупо таращившему глаза и фыркающему, как ведьмин плешивый пёс. Хотелось бы верить, что он домчит хозяйку в целости, а не сбежит по дороге.

— Возьмите, это на память.

Ярушка сняла с шеи крестик — довольно простой, на незатейливом кожаном шнурке, и положила его на раскрытую ладонь владыки. Шнурок был потёртым, скорее всего, она не снимала его уже несколько лет. Ирвальд сжал крестик в кулаке, не проронив ни слова.

— Прощайте, Ирвальд.

— Прощай, дитя. Береги себя. И помни: ты обещала забыть дорогу сюда.

Ярушка склонила голову в лёгком поклоне и повернулась к Ванко. Ирвальд помог ей забраться в седло. Ванко удивлённо стриг ушами, однако поутих, почувствовав знакомые прикосновения хозяйки. Ярушка натянула поводья и направила коня на север.

Она обернулась лишь однажды, но не увидела ничего, кроме тумана, стелившегося по земле.

Ирвальд стоял на вершине Горы и наблюдал, как Ярушка скачет по дороге к Хориву. Вскоре она превратилась в крошечную точку на горизонте, едва заметную зоркому глазу, а затем и вовсе исчезла.

— А-а-а, Юрей, — рявкнул Ирвальд.

Ядохрыль вскрикнул и захлопал крыльями.

— Ей не место в Межгорье, — зачем-то сказал владыка.

Юрей склонил голову набок, пытливо вглядываясь в лицо хозяина.

— Да пропади она к тиранам Преисподней!

Ирвальд взобрался на спину ядохрыля и больно сжал коленями бока. Юрей заклекотал и взвился в воздух, высоко-высоко в небо, и полетел на север.

Они догнали девушку довольно быстро.

Однако Ирвальд не стал снижаться, предпочитая парить невидимым в облаках. Четыре золотые звёздочки мелькали в небе, поигрывая с лучами солнца, однако они были достаточно высоко, чтобы не привлекать внимания.

Ярушка миновала селение, оставшись незамеченной. Спешившись у последнего дома, она привязала Ванко к дереву и проникла во двор. Хозяева спокойно занимались своими делами, пока она вошла в дом, взяла немного молока и хлеба, оставив на столе три золотые монеты.

Пообедав, она напоила коня из ведра, стоявшего у колодца. А после снова отправилась в путь.

Ирвальд следовал за ней до самого заката. Ядохрыль возмущённо щёлкал клювом — он не привык летать так медленно. Но владыка не обращал на него внимания: он хотел убедиться, что девушка выдержит дорогу одна.

И она не сдавалась — смелое, неразумное дитя. Не послушавшись Ирвальда, Ярушка заночевала в лесу, забравшись на дерево. Владыка невесело улыбнулся: скорее всего, к утру, лошадь загрызли бы волки. Но в эту ночь в лесу было тихо. Почуввав ядохрыля, зверье убралось прочь.

К утру Ирвальд задремал, а когда проснулся, Ярушки уже и след простыл. Он вскочил на ноги и потянулся, чувствуя усталость во всём теле. Он целый день поддерживал себя невидимым и почти ничего не ел. Это вымотало его до изнеможения.

Пожалуй, с него хватит. Глупо было следовать за Ярушкой до конца.

Скорее всего, она будет в Хориве к вечеру.

А Ирвальду пора возвращаться в Горы, пока отец не хватился. Тяжело будет объяснить старому князю, что заставило владыку покинуть Межгорье. Правда вряд ли придётся ему по душе.

Глава 9

Утро плавно перешло в полдень, когда Юрей перелетел вершины Гор. Скакун изрядно проголодался и недовольно дёргал головой. Ирвальд испытывал странное возбуждение: в груди клокотала ярость, требовавшая выхода, горло пересохло от жажды.

Они приземлились на поляне у озера. Ядокрыл радостно рванул в чашу в поисках добычи. Ирвальд опустился на колени возле берега и стал пить прямо из озера. Собственное отражение в воде, подрагивающее от лёгкого ветерка, еще больше искажавшего грубые, будто вырубленные из камня, черты, вывело его из себя. Он ударил кулаком по воде, вскочил и помчался через лес к хижинам, раскиданным на опушке довольно далеко друг от друга. Там жили лесные ведьмы.

— Топчанка, ты одна? — крикнул Ирвальд с порога.

Ведьма охнула от неожиданности и выронила небольшое весло, которым мешала зловонное варево, кипящее в котле.

— Ну и дрянь ты варишь, — Ирвальд с отвращением отмахивался от пара, норотившего окутать его с ног до головы.

— Я сейчас!

Топчанка схватила котёл обеими руками и выплеснула содержимое в окно. Затем достала из угла веник, сплетённый из зелёных трав и синих васильков, и стала размахивать им в воздухе, разгоняя вонь.

— Ну вот, мой господин.

Топчанка улыбнулась ему, кокетливо оттопырив пальцем краешек нижней губы. Зубы её были довольно ровными, но покрыты чёрными пятнами. Над губой красовалась россыпь бородавок. Ирвальд сглотнул подступивший к горлу комок.

Топчанка всплеснула руками и хлопнула себя по лбу. Затем повесила уже другой, чистый котёл над очагом и насыпала в него трав из мешка. Из огромной бутылки с узким горлышком, сплошь покрытой паутиной и пылью, налила зелье в деревянную плошку и выплеснула в котёл.

Чудной голубоватый пар поднялся до самого потолка и расползся по комнате. Ирвальд с наслаждением вдыхал аромат зелья. Ноздри его широко раздувались, подрагивая от удовольствия. Сладостная истома разлилась по всему телу.

— Иди сюда, ведьма.

Он привлёк Топчанку за плечи и прижал к себе. Зелье заволакивало её лицо, отчего она стала казаться ему почти красавицей. Ирвальд пытался вызвать в памяти образ темноволосой девушки с янтарным взглядом, нежно-розовой кожей и полными округлыми грудями, однако образ расплывался, не желая задерживаться на ведьме.

Ирвальд разочарованно сжал её плечи, так что они хрустнули, и ведьма завизжала от боли.

— Прости.

— Если господину так нравится...

— Нет.

Ирвальд закрыл глаза и провёл языком по её губам. Ярость или похоть требовала выхода. Зельё уже совсем затуманило разум, и княжич повалил ведьму на кровать, срывая одежду. Топчанка послушно принимала его крепкую ласку. Внутри она ликовала: княжич сам никогда не целовал её губы, но сейчас он клыками истерзал их в кровь...

Дурман развеялся быстро — видно, зелье не выстоялось, как следует. Ирвальд вновь почуял кисловатый запах гнили, идущей от её плоти. Он соскочил с кровати и подобрал одежду.

— У тебя есть еда?

Топчанка удивлённо открыла рот: княжич никогда не обедал у неё, она не была к этому готова.

— Есть немного кролика. И грибы.

От вида сырого мяса с заметным душком княжичу стало дурно.

— Что за мерзость ты ешь?

— Нормально, — пробормотала Топчанка и тут же спохватилась, — если ты немного...

— Нет времени, — махнул рукой Ирвальд.

— В следующий раз я буду готова! — пообещала ведьма.

Ирвальд скривил губы в улыбке и потянулся, чтобы потрепать её за подбородок, но передумал. В следующий раз...

Каждый раз он думал, как славно было бы, чтоб «следующего раза» не было. Но возвращался опять.

Покинув жилище ведьмы, Ирвальд обнаружил, что Горы уже окутали сумерки. Глаза слипались от усталости. Его очень интересовало, готовила ли повариха что-нибудь на ужин, ведь его столько дней не было дома.

Юрей терпеливо поджидал его под высоким раскидистым дубом. Княжич устало упал на его спину, зарывшись пальцами в жёсткие перья.

— Домой, — прошептал он.

Ядокрыл осторожно поднялся, чтобы не уронить хозяина, начинавшего посапывать в полудрёме. Через несколько мгновений они достигли замка Ирвальда.

Внутри княжича ожидал сюрприз. Отец собственной персоной ожидал его в приёмном зале, и выглядел весьма раздражённым.

— Где тебя носит?

— У меня много дел, — пожал плечами Ирвальд.

— Мы все наслышаны о твоих делах — сухо сказал Моращ, — каждая тварь Межгорья ведает, что ты устроил.

— И что мне до тварей? — глаза Ирвальда недобро вспыхнули, на скулах заиграли желваки.

— Спеси в тебе больше, чем здравого смысла. Однако это дало результат.

Моращ вдруг улыбнулся, в глазах плясали задорные огоньки. Он встал с кресла и обошёл вокруг сына, разглядывая его с головы до ног. Лицо его светилось от удовольствия.

— Небесные не против твоего союза с Отрадой.

Брови Ирвальда удивлённо поползли вверх.

— Э-э-э... С чего вдруг?

— Ты пытался убить ящера. Один! Это безрассудно. Орвилл уже поплатился за это!

— Да, ящер. Эта скотина спряталась в пещере. Мне не удалось его выманить.

— Ты здорово испугал его! — похвалил сына Мораш. — Я и не подозревал, что ярость в тебе так сильна.

— Ты только что упрекал меня в безрассудстве!

— Это так! Но ты нашёл смелость бросить вызов. Теперь мы объединимся, чтобы убить ящера!

— О да, — язвительно протянул Ирвальд. Три стареющих владыки и несостоявшийся жених будут рубить ящера в мясо — то еще зрелище. Отец словно прочитал его мысли и нахмурился.

— Еще рано сбрасывать нас со счетов, сын мой. Тебе понадобится наша помощь. Особенно теперь.

— Ты так странно говоришь! Что вы задумали?

— Ничего, — Мораш лукаво отвёл взгляд в сторону, — все в твоих руках. Этот замок мал для тебя, не находишь?

— В подземелье поместится войско.

— Но это не замок князя. Обитель Орвилла ждёт нового хозяина.

— Вы все так решили? — Ирвальд заметно напрягся. Он любил свой замок, и пока не готов был его покидать.

— Пока нет. Но Калеш уже объявил, что замок Орвилла теперь твой. К тому же, там тебя ждут.

— Кто?

— Отрада.

— Ха!

От изумления Ирвальд потерял дар речи. Он не мог себе даже представить, что девушка небес будет ждать его возвращения здесь, на земле. С чего бы это вдруг? Предполагалось, что он падёт ниц к светлейшим ногам и приползёт на Небеса, до смерти очарованный. Он подозрительно посмотрел на отца, чувствуя, как в груди закипает злость. Неужто они всё за него решили? Ну уж нет!

— А с чего вдруг она осталась, отец? Что вы затеяли за моей спиной?

— Мы обсуждаем союз с хранителями. Нам показалось, что девушка тебя заинтересовала. Это не так?

— Значит, ей приказали ждать меня в замке? — рявкнул Ирвальд.

Мораш, чувствуя, что ещё чуть-чуть и гнев сына выплеснется наружу, примирительно поднял ладони вверх.

— Никто ей не приказывал, Ирвальд. Она сама так решила. И нечему тут удивляться: голос твоей ярости слышали все в долине. Женщины любят силу больше, чем ты думаешь. Это хороший союз для князя, сынок. Подумай!

— Непременно, — язвительно пообещал Ирвальд.

— И смой с себя запах ведьмы. Он тошнотворен.

Ирвальд не ответил. На губах его заиграла плотоядная улыбка. От отца и самого зачастую несло ведьмами, как бы тщательно он это не скрывал. Странно, что Шаринка ничего ему не донесла — видно, он перестал к ней наведываться. И это было как нельзя кстати.

Никто в долине не знал про Ярушку, как будто её и вовсе не было. Да славятся Синие

Горы!

— А чем это ещё пахнет? — внезапно спросил Мораш и приблизился вплотную к Ирвальду, потягивая носом, будто ищейка, — славный запах!

— Это дурман, — нашёлся Ирвальд. Но Мораш продолжал обнюхивать его одежду, прикрыв веки.

— Такой молодой запах... Твой плащ пропитан им насквозь.

— Я спал на нём в лесу.

— Ты был за Горами? — Мораш открыл глаза. Лицо его потемнело от негодования, — это запах человека!

— Я купил этот плащ у торговцев. Он совсем новый, — солгал Ирвальд. Он не знал, что сказать отцу. Все, что угодно, только не правду. Отец не поймёт, почему он отпустил девушку. Ирвальд и сам не понимал...

— Я предпочитаю верить тебе, сын мой, — сухо ответил Мораш и взмахнул пальцами, указывая Ирвальду на выход, — ступай спать, а то едва держишься на ногах.

Глава 10

Над Горами бушевали молнии. Град сыпался с небес, разбиваясь о твёрдые скалы, и вот уже весь склон был усыпан ледяной крошкой, мерцавшей, словно бисер, при каждом всплеске молний.

Ирвальд не замечал, как бежит время. Час, два, три... он неподвижно сидел верхом на ядохрыле, выставив вперёд острие меча, и терпеливо ждал, когда ящер устанет.

Огромная тварь спряталась среди скал, слившись с ними цветом, как хамелеон...

Гроза началась как нельзя вовремя. Мокрые камни стали скользкими, мешая ящеру уворачиваться от меча владыки.

Ящер был огромен. Толстая кожа, покрытая чешуйками, словно кольчугой, надёжно защищала рептилию от ударов меча. Однако глаза, шея и перепонки между массивными когтистыми пальцами были уязвимы. У ящера был внушительных размеров хвост, увенчанный шипами. Им он обычно сбивал противника с ног и затапывал насмерть. Но против ядохрыла ящер был слишком неповоротлив.

Юрей камнем обрушивался на ящера и улепётывал прежде, чем тот успевал развернуть хвост для ответного удара. Ядовитые перья скакуна не могли причинить ему вред, пока одно из них не застряло в правом веке рептилии.

Ящер взвыл, ощутив, как глаз сводит судорогой от боли. Яда было недостаточно, чтобы убить, однако голова стала дёргаться и неметь. Ящер с трудом поворачивал шею.

Княжичу удалось отрубить несколько пальцев на передней лапе рептилии. Стон боли заглушил яростный клич владыки, разнесшийся далеко по Горам.

Ирвальд ликовал.

Ещё немного, и тварь полетит вниз со скал прямо в бушующий водоворот Вечности.

Но ящер внезапно замер. Ирвальд поспешил отвести ядохрыла в сторону, опасаясь подвоха. И тут рептилия изменила цвет.

Ирвальд зарычал от досады. Победа была так близка. Если бы не бесовской дождь, застилавший глаза, он успел бы заметить, куда юркнула тварь. Далеко уйти ящер не мог — яд не позволил бы ему так быстро передвигаться. Сохранять цвет стоило огромных усилий. Оставалось лишь ждать, пока тварь совсем вымотается.

Ирвальд занёс меч, готовый вонзить его в глаз ящеру, как только тот откроется. Но ящер крепко держался, несмотря на град, молотивший изо всех сил.

Ирвальд, сцепив зубы, тоже терпел. Ядохрыль распустил перья, выставив остриём вверх, и градины отскакивали от него, словно орешки.

Внезапно раздался звук, похожий на писк. Ирвальд наострил слух — раньше он такого не слышал. Звук приближался и стал походить на плач. Княжич достал из-за пояса кинжал и приготовился метнуть его в приближавшегося врага.

Одна из скал шевельнулась — толстое неповоротливое тело рептилии отделилось от поверхности и скользнуло вниз, прямо к копытам ядохрыля. Кожа ящера стала медленно принимать привычный цвет затхлого болота.

— Пощади, — вымолвил ящер, с трудом шевеля языком.

Ирвальд изумлённо смотрел на почти поверженного врага, молящего о пощаде. В Межгорье это было непринято. Ни щадить, ни требовать милости.

К тому же ящеры почти не разговаривали на языке двуногих существ. Но, видимо, княжич не знал всего до конца.

— С чего вдруг? — грозно спросил Ирвальд.

Плач раздался совсем близко. Владыка слегка повернул голову и сумел разглядеть небольшой комочек, покрытый зелёной чешуёй.

— Твой отпрыск? — спросил он ящера.

— Последний — прошипела рептилия, — пощади... мой род...

Ирвальд понял: ящер и его детёныш были последними в роду. Он и вправду не слышал, чтобы в Межгорье ещё встречались ящеры. Стало быть, убив этих двоих, он навсегда очистит от них Горы. Искушение было велико. Голова ящера стала бы достойным украшением над камином в замке князя, а слава ещё долго не давала бы покоя завистникам.

— Пощади, — упрямо повторял ящер, даже не пытаясь защититься.

— Что мне с того? — спросил княжич.

Рептилия не ответила. Возможно, не знала подходящих слов или не могла их произнести. Она молчала, уставившись на него единственным здоровым глазом. Из раны от отрубленных пальцев по-прежнему сочилась кровь.

Ирвальд знал, что вся долина ждёт голову ящера, изнывая от нетерпения.

— Я подумаю, — внезапно решил Ирвальд, пряча меч в ножны, — возможно, я убью тебя позже.

Княжич сжал коленями бока ядохрыля, и они взмыли высоко в Горы. Юрей сердито клекотал, не понимая, почему хозяин решил остановить битву.

«Пощади» — рабское стенание поверженного, подмявшего под себя свою честь и гордыню. Ящер позволил Ирвальду решать — жить ему или нет, целиком отдавшись на милость княжича. Стало быть, тварь признавала его власть.

И владыка улыбался, опьянённый дивным чувством победы.

Ликующий и возбуждённый Ирвальд взбежал по ступенькам замка.

— Отец! — радостно воскликнул он, крепко сжав предплечья Мораша, но, спохватившись, отпустил отца и почтительно шагнул назад.

— Ящеру удалось уйти?

— Увы.

— Но ты, я вижу, опьянён битвой, — с усмешкой заметил Мораш.

— И голоден, как зверь!

Мораш рассмеялся. Ирвальд нечасто поддавался эмоциям, как беспечный юноша. Но

именно сейчас он хорошо его понимал. Молодость была ключом, выплескивая наружу мощь владыки. Таким, как Ирвальд, подчинялись Горы.

— За обедом у нас будут гости.

Княжич поморщился. Волна разочарования медленно разрушала песчаную крепость его торжества.

Отрада...

Он и забыл про неё.

Обед прошёл в тишине. Ирвальд молча расправился с целым кроликом, запивая его кислым сидром.

Отрада почти не притронулась к еде. На губах её, подведенных ягодным соком, играла загадочная улыбка.

Волосы девушки были уложены в изящную корону, венчавшую несколько распущенных прядей. Взору княжича открывалась соблазнительная ложбинка между грудей, подчёркнутая алой головкой мака.

Что-то определённо изменилось.

Но Ирвальд всё ещё не мог забыть о том, что она говорила той ночью подруге. Насытившись, он встал из-за стола и вежливо откланялся, сославшись на усталость.

Мораш проводил его слегка недоумевающим взглядом, но не решился что-либо сказать.

Спать совершенно не хотелось. Ирвальд спустился в конюшни и вытер взмыленные бока ядохрыла. Юрею не нравилось, когда к нему прикасался кто-то чужой.

— Славная была битва, — шепнул княжич в самое ухо крылатого скакуна. Юрей демонстративно отвернул голову. Он всё ещё злился. Однако вряд ли его хватит надолго — до ближайшей прогулки в лес за вкусными белками.

Ирвальд похлопал скакуна по крупу и поднялся в хоромы.

На лестнице, ведущей на верхние этажи замка, он столкнулся с Отрадой.

— Я думала, ты уже спишь, — сказала девушка.

Ирвальд понимал, что она врёт. Скорее всего, она давно поджидала его и жаждала поговорить.

— Ты заблудилась? — насмешливо спросил княжич.

— Почему ты так холоден? — девушка нахмурилась и сложила губки в полосочку. Щёки её приобрели лиловый оттенок.

— А ты ожидала пламя?

— Ты ведёшь себя, как деревенский грубиян, — возмутилась Отрада, — у меня складывалось иное впечатление.

— Какое же?

— Я полагала, что ты готов предложить... голову ящера... к моим ногам...

Отрада с трудом подбирала слова, глядя на бесстрастное лицо Ирвальда. Раньше у неё хорошо получалось очаровывать мужчин. Этот же походил на кусок скалы с дыркой в том месте, где должно биться сердце.

— А что готова предложить ты?

— Намного больше, — улыбнулась небесная.

Ирвальд посмотрел на неё сверху вниз, так что Отрада почувствовала себя крохотной добычей, забившейся в угол перед неумолимым хищником.

— Что ты готова мне дать? Может, немного ласки?

Княжич грубо обхватил ладонью затылок девушки и поцеловал её в губы. Второй рукой

он приподнял её и прижал к стене, затем запустил свои пальцы под юбки. Отрада сжалась, как струна, и едва сдерживала крик. На лице было написано плохо скрываемое отвращение.

Ирвальд отпустил девушку без сожаления. Губы её были сухими, как пергамент, зубы противно скользкими, а язык мягкий и вялый, как болотный мох.

Она больше не казалась ему красивой.

В гостевой опочивальне княжич рухнул на кровать, заскрипевшую под весом его тела. Во рту стоял привкус крови. Несостоявшаяся невеста прокусила ему язык. Ирвальд не спешил исцеляться, наслаждаясь болью.

Он вдруг вспомнил другие губы, которые так и не удалось поцеловать. Глупец! Он мог бы потребовать хотя бы поцелуя. И не только поцелуя. Ирвальд помнил, как его волосы млели, невзначай дотронувшись до её груди.

Возможно, она тоже была бы холодна... Но почему-то при мысли о её губах по телу разливалось тепло.

Неожиданно владыке стало зябко и неудобно. Повеяло сыростью, пробиравшей даже сквозь одежду. Ирвальд приподнялся на локтях, и только тут заметил, что пол был покрыт цветами, пробивавшимися сквозь щели между камнями. Белые дрожащие стебельки ненадолго поднялись, и тут же поникли, распластавшись по полу.

Ирвальда прошиб холодный пот. Он слез с кровати и, стараясь не наступать на мёртвые стебли, подошёл к зеркалу.

Из серебряных недр на него глядело лицо — бледное, почти прозрачное. Черные ореолы глаз пронизывали насквозь, словно прощупывая каждый орган внутри его тела. Выражение лица было задумчивым.

— Чего тебе надо? — едва слышно прошептал Ирвальд, чувствуя, как потеют ладони. Таким образом могло появляться лишь одно существо в Межгорье, и оно было куда опаснее остальных существ. Даже владыки испытывали перед ним страх.

Тиран не ответил. Лицо в зеркале затуманилось и исчезло, оставив Ирвальда в страхе и недоумении.

Он никогда не встречался с тиранами, но знал о них всё, о чём шептались в Межгорье. Ничего хорошего такая встреча не сулила.

Княжич с трудом уснул. Ночью его мучили кошмары, в которых бледное лицо тирана преследовало его в нескончаемых лабиринтах. Кровь ящера текла по скале рекой и была ярко-синей.

А под утро Ирвальду приснились облака, высоко парящие над горными пиками. В облаках скрывалось другое лицо, почти невидимое под голубоватой пеленой. Изредка пелена рассеивалась, и с неба на него глядели глаза янтарного цвета.

Проснувшись, княжич не обнаружил на полу никаких цветов. Каменные плиты лежали плотно друг другу, так что между ними вряд ли мог протиснуться даже волос. Возможно ли, что это ему привиделось? Ирвальд не был уверен, но не стал ничего говорить отцу. Мораш и так был раздосадован его отъездом.

Отрада улыбалась княжичу, как ни в чём не бывало. Кокетливо складывала ладошки на груди, громко огорчаясь тому, что Ирвальд покидает замок так скоро.

Однако он всё же заметил, как в уголках девичьих ресниц подрагивала ненависть. Её горький аромат витал в воздухе. Нет уж, небесная точно не станет его невестой — что бы она ни задумала.

Ярушка достигла ворот Хорива на рассвете. Охранник с удивлением таращился на коня, одиноко бредущего вслед за телегой торговца, но мысли его вдруг попутались, и спустя мгновение, он уже и вспомнить не мог, что было не так с тем конём.

Но Ярушка заметила его взгляд и спешила. Не нужно привлекать к себе внимание. К тому же перед встречей с сестрой о многом ещё нужно было подумать.

Она долго бродила по городским улочкам, побывала на торговой площади. Смотрела на людей — суетливых, с хмурыми лицами, и всё казалось ей будто в новинку.

Ярушка всё никак не могла взять в толк, было ли это на самом деле, или же ей приснилось, что она побывала в сказочном мире, полном ведьм и невиданных существ.

За два дня пути она многое передумала, и всё больше склонялась к тому, что измученная голодом и страхом, она бредила. Возможно, вспомнила сказки, которые когда-то рассказывала нянька, мастерица на страшные истории про всякую нежить.

В прошлую ночь ей казалось, будто странный человек Ирвальд опять рядом. Но, взглядевшись в темноту, никого не увидела. Просто в лесу было так тихо, что она слышала биение собственного сердца, и это немного пугало.

Что до заклинания ведьмы, то и этому нашлась причина — видно, люди, трудившиеся с утра до ночи, как пчёлы на лугу, попросту не обращали на неё внимания.

Ближе к полудню девушка почувствовала, что ещё немного, и она рухнет прямо под копыта Ванко от голода и усталости. Пришлось повернуть коня к дому Любашки.

Сестра встретила Ярушку неприветливо, однако иного она и не ожидала. Не прогнала прочь, и то слава Богу. Хотелось вымыться с дороги и прилечь на мягкую перину. А дальше она решит, что делать.

Любашка позволила Ярушке поесть и сменить одежду, однако почему-то выделила ей нижние покои, недалеко от слуг. Видимо, хотела, чтобы сестра возмутилась, но Ярушка смолчала. Через пару дней за ней приедет Анджей, и они вместе вернутся в Залесье.

Этой ночью она спала на жёсткой кровати, как убитая. А утром её разбудили слуги.

— Вставай, — дородная баба грубо толкнула Ярушку в бок и стянула с неё одеяло.

— Это придётся сжечь, — сказала она маленькому сгорбленному старичку, стоявшему на пороге.

— Как ты смеешь? — вскипела Ярушка, но служанка ловко схватила её за косы и выволокла из светлицы.

— А-а-а, — завопила Ярушка, но та не обращала на неё внимания и тащила за собой.

— Дай хоть одеться, дура!

Ярушка была в одной сорочке, с босыми ногами, но мучительницу это не волновало. Она продолжала тянуть её за косы, пока не достигла дверей в гостевую, откуда доносился гул множества голосов. Затолкав девушку внутрь, служанка отпустила её волосы и отошла в сторону.

Ярушка осталась стоять посреди большой комнаты, в одной исподней, и стыдливо прикрывалась руками, чувствуя, как десятки взглядов буравят её насквозь. Было много мужчин — молодых, старых, в богатых и скромных одеждах. И все, как один, уставились на неё, не отводя глаз. Ярушку захлестнула волна стыда. Хотелось провалиться сквозь землю от такого позора.

Кто-то смиловался и накинул ей на плечи тяжёлый кафтан. Девушка тотчас же укуталась в него и почувствовала, как по щекам ручьями хлынули слёзы.

— Плачешь, ведьма? — громко спросил кто-то из толпы.

— Слезы твои нечистивы!

Ярушка похолодела, осознав, что все эти люди обращаются к ней. Слезы вмиг высохли, и она, наконец, осмотрелась вокруг.

Люди собрались в гостевом зале не просто так. Кто-то их сюда привёл, усадил на лавки, поставленные полукругом. А в центре зала в огромном кресле из красного дуба сидела её сестра.

Лицо Любашки было каменным, лишь глаза зловеще поблёскивали, не обещая ничего хорошего.

Заметив, что Ярушка на неё смотрит, Любашка подняла руку, призывая толпу к тишине.

— Знаешь, почему пришёл этот честный народ? — спросила она Ярушку.

— Нет, — ответила та.

— Несколько дней назад я позволила тебе уехать. Несмотря на зло, которое ты принесла в мою семью.

— Я не...

— Молчи! Мой муж мне всё рассказал, — Любашка стукнула кулаком по подлокотнику, и лицо её исказила гримаса страдания. Она вскочила и повернулась к толпе.

— Мой муж, честный человек, знатный купец, которого вы все знаете с младых ногтей! Мы венчаны в церкви, и брак наш благословлён Господом! А эта... эта ведьма завлекла его в свои сети. Навела на него морок. Соблазнила бесстыдным образом! Муж мой во всем признался мне!

Мужчины на лавках зашумели. Многие из них, действительно знавшие мужа Любашки, Савву, прятали в усах лукавую улыбку. И было почему.

Ярушка почти с жалостью смотрела на Любашку — сестра была некрасива. Кожа молочно-белая, нелюбящая солнце, от которого она покрывалась пунцовыми пятнами. Волосы тонкие, бледно-русые, такими же были и короткие, едва заметные ресницы. Щёки у сестры были рыхлыми, а грудь впалая, как у юнца. У них были разные матери.

Любашкина умерла родами. После этого отец взял другую жену — не такого знатного рода, но красавицу, молва о которой ходила по всему Залесью.

Мать Ярушки с любовью воспитывала всех детей отца, не делая между ними разницы. Но, видимо, ответная любовь приёмной дочери закончилась, когда на лице младшенькой стали проступать материнские черты.

Отец долго не мог выдать Любашку замуж, но Ярушке выходить вперед сестры не разрешал. Они и подумать не могла, что сестра затаит обиду...

— Твой муж неправду говорит, сестра! — спокойно сказала Ярушка.

— Как ты смеешь хоть слово молвить! — вскипела Любашка, — Бесстыдница! Ты соблазнила его и навела порчу. Будьте все свидетелями! Савва с тех пор заболел. И только стал выздоравливать, как она вернулась — и он снова слёг!

— Быть может, тому виной похмелье?

По залу пробежал хохот. Мужчины улыбались и кивали друг дружке головами. Савва был славный купец — любил погулять да выпить без меры. Голова его часто болела от похмелья.

— Всему виной колдовство, — Любашка почти визжала от негодования, понимая, что ей мало кто верит. Но у неё ещё были секреты, припрятанные в рукавах. Она победно улыбнулась, отчего-то напомнив Ярушке гадюку.

— А скажи-ка сестра, где слуги, что я с тобой отправила?

— Они бросили меня.

— Вот как? И почему же они тебя бросили?

— Я... не знаю...

Ярушка чувствовала сердцем подвох. Она вдруг вспомнила слова Ирвальда, что не зная пути, никто не сможет попасть в долину Синих Гор. Стало быть, слуги знали, куда её ведут. Стало быть, и сестра знала...

— А я скажу вам, люди!

Любашка стонала, заламывая руки, и с причитанием рассказывала притихшим мужчинам небылицы о колдовстве, которым с детства занималась сестра.

Ярушка молчала, читая на лицах уважаемых гостей недоверие и страх. Ведьм не любили и боялись не меньше Сатаны. Правда, повстречать их довелось лишь немногим. Но и этого хватало, чтобы сеять смуту и ненависть.

Ярушка невольно сложила руки в молитве, прося Господа вложить в уста верные слова. Ей нечем себя защитить, ведь скажи она правду, её тут же вздёрнут, а тело сожгут и развеют по ветру.

— Она оставила слуг, скрывшись в колдовском тумане у Ведьмовских гор. Крестьяне нашли их полумёртвых. Их тела были покрыты язвами.

— А где сейчас эти слуги? — поинтересовался один из купцов в знатной одежде, — они могут подтвердить?

— Я отправила их в монастырь. Господь излечит их раны.

— Пусть молвят сами, — сказал купец. Некоторые согласно закивали. Но кое-кто уже успел испугаться до полусмерти.

— А если ведьма напшёт чуму?

— Если она ведьма!

— Так проверим её! Бросим в озеро.

— Красота её — ведьминская.

— Ведьмы страшные, как грех, — продолжал настаивать купец. Видимо, девушка ему понравилась, и он незаметно подмигивал ей, залихватски накручивая на палец ус. Он был не слишком стар, но довольно тучен. И, судя по всему, умел гнуть свою линию. Вот и толпа уже прислушивалась к нему, внимая разумным доводам.

Ярушка грустно опустила глаза, рассматривая свои босые ступни.

— Никто не видел, как она появилась в городе, — внезапно сказала Любашка. В зале воцарилась тишина. И она, торжествуя, продолжила.

— Непонятно, как она вернулась в Хорив — разве что перенеслась по воздуху. Её не было несколько дней — и вот она здесь, цела и невредима. Разве так может быть?

Толпа молчала. Даже бойкий купец не знал, что возразить.

— Охрана у ворот не помнит, чтобы она входила. А вы сами знаете — нельзя не заметить такую красавицу. И лошадь её сама не своя — фыркает и брыкается, никого не подпуская. А раньше был добротный послушный конь.

— Ведьма, — несмело крикнул кто-то из мужчин. Остальные подхватили и повскакивали с лавок, потрясая кулаками. Бойкий купец незаметно исчез. И девушка поняла, что битва проиграна, едва начавшись.

— Анджей не простит, если меня казнят без суда, — сказал Ярушка сестре, едва мужчины поутихли,

— Это и есть суд, — возразила сестра, но взгляд её стал задумчивым.

— Он должен присутствовать, — настаивала Ярушка, — ты знаешь его норы.

— Если он узнает, — прошептала сестра.

— Я послала ему весточку ещё неделю назад. Он скоро будет.

— Ах ты!

Любашка со злостью отвесила сестре пощёчину и велела бросить в темницу.

Слуги, насмерть перепуганные, скрутили руки девушки за спиной и вытолкали вон из гостевого зала. Кафтан, упавший на пол, тут же подобрали и бросили в печь.

Глава 12

— Господи, как я рада тебя видеть! — шептала Ярушка, глядя пальцами лицо брата, перебирая каждую ямочку — на щеках, на подбородке. Анджей наклонился и поцеловал её, мокрую от слёз.

Эти два дня, что она провела в ожидании, были сущим кошмаром. Ярушку заперли в подzemелье, в узкой сырой комнате с высокими стенами и небольшим окошком в самом верху. Снаружи окошко закрывала решётка толщиной с запястье. Но будь оно даже открытым, девушка не умела карабкаться по стенам, так что сбежать она никак не могла. Да и некуда было бежать.

В комнате даже в полдень царил полумрак. Света попадало очень мало, и стены цвели плесенью. По углам пищали крысы. Ярушка сидела на деревянной скамье, покрытой тонким тряпьем, поджав ноги, и дрожала от холода. Она была в той же сорочке, в которой её выдернули из постели.

Еды почти не давали, слава Богу, оставили ведро и кувшин с водой, иначе было бы совсем туго.

К приезду брата ей всё же принесли кое-какую одежду — серое платье, совсем простое, должно быть, одной из служанок. И гребень — привести в порядок спутавшиеся волосы.

— Теперь ты со мной разговариваешь, — брат попытался улыбнуться, но вышло плохо. Он не умел лицемерить.

— Да... столько всего произошло... Любашка...

— Знаю-знаю, — Анджей любовно потёрся носом о её нос, как привык с детства.

— Ты не подумай ничего... Я не хотела её обидеть. И мужа её не привечала — меня от него воротит. Не знаю, за что она так.

— Зато я догадываюсь. Расскажи-ка, что стряслось.

Ярушка высвободилась из объятий брата и села на лавку, красная от смущения.

— Она решила выдать меня замуж. Савва приводил каких-то женихов. Любашка долго перебирала, всё ей было не так. Они ссорились, и мне перепало... Потом в какой-то момент всё затихло. Не стало женихов, и Любашка казалась довольной. Но однажды ночью я проснулась от того, что кто-то забрался ко мне в кровать и стал меня трогать. Это был Савва. Он сказал, что я должна заплатить ему за кров своей лаской.

— Мерзкий уд! — Анджей едва сдерживался, сжимая кулаки.

— Я закричала, прибежали слуги. А потом и Любашка. Но она даже слушать не стала. Я собралась и уехала в Залесье. Но по пути... по пути мы заблудились. Слуги меня оставили, так что возвращаться пришлось самой.

— Но почему ты не поехала в Залесье?

— По дороге я встретила человека, — пряча глаза, ответила Ярушка, — он сказал, что до Залесья слишком далеко, и мне одной не добраться.

— Что ж ты не нашла провожатого?

— Ехать с незнакомым человеком? Я не настолько... глупа. К тому же, денег у меня было мало. Я отправила к тебе голубя, и вернулась в Хорив. Напрасно...

Брат не стал спрашивать, откуда взялся голубь. Иначе пришлось бы что-то выдумывать. Ярушка не могла рассказать ему правду. Только не сейчас, когда убедилась, что это всё-таки не был сон. Ведьмы существовали, и Горы, и долина. И владыка Ирвальд, предостерегавший её от всяких опасностей.

Она обещала ему забыть дорогу через Синие Горы, и она будет молчать. В любом случае, скажи она хоть полслова, это обернётся против неё.

— Не надо было тебе уезжать, — вздохнул Анджей.

— Если бы ты не повесил Илая, мне бы не пришлось!

— Я не мог поступить по-другому, — жестко ответил Анждей.

— Мог! — воскликнула девушка, — и я до сих пор не могу тебя простить! И смотреть в глаза его семье.

— Надо было держать тебя взаперти, — отрезал брат, — отец тебя избаловал. Тогда бы ничего и не случилось — ни в Залесье, ни здесь.

— Довольно!

Ярушка задохнулась от возмущения. Она много чего могла бы рассказать брату, но это было бы лишь повторением того, что она уже говорила ему, и не раз.

Сейчас не время его сердить, не время копаться в прошлом, которое уже не исправить.

— Помоги мне, пожалуйста, — попросила она, — увези домой. Запри, если хочешь.

— Всё не так просто, — лицо брата выглядело сурово, — много достойных людей против тебя.

— Да что я им сделала?

Анджей вздохнул, не зная, что ответить. Но через секунду взгляд его смягчился.

— Я поговорю с Любашкой.

С этими словами Анджей поцеловал сестру и ушёл. Ярушка опять осталась одна в сырых стенах своей темницы, продрогшая до костей. Еды опять не дали, а воды в кувшине осталось на один глоток.

Она не догадалась попросить у брата плащ, и теперь корила себя за это. А между тем вечерело, становилось совсем холодно. Ещё несколько дней в заточении, и она заболит и может даже умереть. Как мама.

Только та сама обрекла себя на болезнь, не в силах пережить весть о гибели отца. Несколько недель она ходила на пристань, надеясь, что корабль его всё же приплывёт. Но он так и не приплыл, а мама, подхватив простуду, слегла в горячке да так и не поправилась.

Столько времени прошло, а Ярушке до сих пор их не хватало.

Если бы родители были живы, многого бы не случилось...

Теперь одна надежда на Анджея. Брат её, хоть и слыл гулякой да мотом, но за сестёр своих всегда стоял горой.

Анджей несся по купеческим палатам, подобно буйному вихрю. Слуги испуганно рассыпались по углам, остерегаясь невзначай получить пинок под нехстати подставленный зад. На лице молодого боярина бушевала буря: глаза сверкали, подобно грозам, губы сжаты, брови сошлись на переносице сплошной дугой.

Двери в хозяйскую комнату впечатались в стену мощным ударом ноги.

— Любава, ты ничего не хочешь сказать, прежде чем я разорву твой смердящий рот до

ушей?

Анджей был не на шутку взбешён, и Любашка в страхе вцепилась пальцами в подлокотник, прикидывая, звать ли слуг. Но слуги не поднимут на него руку, уж больно знатного он роду, а за такое — смерть. От Саввы, лицемерного труса, помощи не дождёшься, особенно после взбучки, которую она устроила ему накануне. Так что приходилось уповать на собственный лисий нрав.

— Ярина оскорбила мой дом, брат. Позарилась на моего мужа, и я...

— Даже не хочу слушать! На твоего Савву позарится лишь слепая корова.

— Но он мой муж, — спокойно возразила Любашка, с трудом подавляя гнев, клопочущий в груди, — да, он не вышел лицом, зато он знатный купец. И денег у него побольше, чем у некоторых.

— Это ты на что намекаешь?! — Анджей ещё больше рассверипел и сжал рукоять меча.

— А что я такого сказала, брат? — осмелела Любашка, — Это ведь ты промотал отцово богатство, и глазом не моргнул. Теперь твоя Купава думает, идти ли за тебя замуж. А ведь её отец вовсе и не знатен. Торгаш!

— Я вот сейчас отрублю тебе косы — будешь потом бояться на люди показываться! — пригрозил брат, но голос его стал тише. Рука скользнула по ножнам и убралась на пояс. Видно, Любашка задела его за живое.

— Не обо мне сейчас речь, — добавил он, чуть успокоившись, — зачем ты сестру затеяла со свету сжить?

— Да не сестра она мне вовсе! Выродок от какой-то залётной девки!

— Не смей! — Анджей несильно ударил её ладонью по лицу. Любашка притворно заплакала.

— Алеля растила нас, как своих. И сердце её за тебя болело не меньше, чем за Ярину. И она поддерживала отца, чтобы он не выдал её замуж вперед тебя, и не было тебе позора. А ведь могла бы и наоборот — отец её слушал!

— Да она искала жениха получше!

— Прикуси свой злой язык! Зайяр был знатного рода.

— Но она извела его, — прошипела Любашка.

Было время, когда она спать не могла от зависти и злобы. Но теперь могла вволю позлорадствовать — Зайяр был мёртв, а Ярина осталась без жениха, терпеливо ждавшего, пока Любашка выйдет замуж, добрых четыре года.

— Побойся Бога, — укоризненно покачал головой брат.

— Она ведьма! Наслала чуму на город незадолго до своей свадьбы. Все об этом говорят.

— Я первый раз слышу! Чуму привезли купцы, и это всем известно. А то, что ты мелешь — наглая клевета.

— Может и так...

Любашка склонила голову набок и прошла вокруг брата. Анджей был очень хорош собой — высокий, широкоплечий с блестящими каштановыми кудрями, спадающими на плечи. Пышные усы и ямочки на щеках морочили девкам головы. Да и он с младых лет не обходил стороной красавиц, тратил немало денег на дорогие подарки, и вообще любил погулять да пустить пыль в глаза. Так и промотал отцовское состояние.

Теперь, когда ветер в голове малость поутих, он готов был жениться. Да только завидных невест поубавилось — немного нашлось желающих отдать дочь за знатного, но разорившегося гуляку, пусть и гожего с лица. И если девки ещё как-никак улыбались, то

родители крутили носом.

А недавно в город прибыл новый купец. Дочь его, Купава, была довольно красива. И приданое за ней купец давал немалое. Анджей уже почти сговорился, но купец с ответом не спешил.

Немалой доли вины в том была казнь лесничего Илая. Тут уж Анджей ничего не мог поделывать. Порядки требовали его головы. Поднявший руку на боярина заслуживал смерти, тем более что поступок лесничего повлѣк за собою немало позора для Ярушки, пусть она и не была в том виновата. Иногда Анджею казалось, что уж лучше бы лесничий не вступался за неё. Тогда бы он сам разобрался с обидчиком, на равных.

— Суда не будет, сестра. Я заберу Ярину в Залесье и выдам замуж.

— Да кто возьмѣт-то её? — рассмеялась Любашка, — она уже стара для невесты. И молва про неё идѣт недобрая.

— Не так уж она и стара, — возразил Анджей, — многие и постарше вдов берут.

— А скольких женихов она извела? Сколько смертей за ней тянется? Нет, брат. Эта обуза не сулит ничего хорошего. Всѣ Залесье косо смотрит — из-за лесничего. Я слышала, как мать его кляла наш род на чѣм свет стоит. Люди злые на тебя. И всѣ из-за Ярушки.

Анджей не нашѣлся, что сказать. Сестра говорила правду. Молва не жалела ни его, ни сестѣр. Любашку — за то, что росла невзрачной не в пример брату и младшей сестре, всячески посмеивались и перемывали кости. Анджею — за крутой нрав и мотовство. Ярушку поначалу любили — и красивая она была, и добрая. Но со смертью Илая воспылали лютой ненавистью.

— Никто из местных не возьмѣт её, — упрямо говорила Любашка, — и заезжим историй наплетут, наш народ на такое мастак! А если и появится жених, так что за приданое ты за ней дашь? Останешься гол, как сокол. И не видать тебе тогда Купавы. Да и вообще ничего не видать.

— В дружину пойду, — неуверенно сказал Анджей.

— Да брось, — Любашка расхохоталась и всплеснула ладонями, — ты знатный боярин, удалой молодец, но лет тебе уже немало, да и войско своё снарядить денег нет. Хуже позора нечего и представить.

— Но что ты предлагаешь делать?

— Я, брат мой любимый, уже всѣ продумала. Пусть будет суд — а там народ решит. На то будет его воля — не наша.

— Ты думаешь, если Ярушку признают ведьмой, нам от того толк будет? Люди сторониться начнут.

— Наоборот, все решат, что несчастья в нашей семье из-за ведьмы. И когда её не станет...

— Что говоришь ты, глупая? Я не дам её казнить!

— Я о тебе только думаю, брат мой единокровный. Все несчастья уйдут вместе с ней. И на Купаве женишься, и приданое останется, и стыдиться никого не придѣтся. Скажем, что Алеля тоже ведьмой была — вспомни, сколько сыновей у неё родилось мѣртвыми. Только дочь выжила — потому что ведьмовскую силу унаследовала. А про нашу мать никто и мысли дурной не подумает.

— Не нравится мне то, что ты говоришь, — Анджей закрыл глаза, а сердце сжалось от стыда и ужаса. Было в словах Любашки зерно истины, но каким же горьким оно было — стало поперѣк горла и мешало дышать.

— А ты про то не думай, — Любашка подошла сзади и обняла брата за талию, прижавшись щекой к спине, — поезжай в Залесье. Все само сложится...

Глава 13

Путь домой затянулся на целый день. Пока Юрей гонялся по лесу за белками, Ирвальд разобрался с торговцами, изловившими птицу с человеческим лицом и схоронившими её в небольшой клетке под кафтаном. Он не пожелал слушать их рассказы о том, что за птицу им заплатила ведьма, и попросту срубил всем головы.

Были и раньше смельчаки, пытавшиеся вывезти диковинных зверей и птиц Межгорья, и всех их постигла та же участь. Владыки не терпели дерзости, считая, что лучшее лекарство от наглецов — срубленная голова. Но жадность людская не знала границ. Поэтому подлесок был усеян человеческими костями, изглоданными зверьём.

После расправы княжич задремал на маковом поле, а когда проснулся, в голове будто звенел колокол.

— Дьявол, маковица!

В отличие от других владык маковый морок действовал на него, пусть и не так сильно, как на других существ. Ирвальд знал, чьих рук это дело, но так и не собрался разобраться с маковицей. Он старался держаться стороной от ведьмы.

Поднявшись во весь рост, Ирвальд пошёл к лесу, пошатываясь, и добравшись до ручья, плюхнулся в него с головой. Сквозь журчание воды он услышал стук копыт ядохрыла.

— Нарезвился, плут? — смеясь, спросил он скакуна. Тот издал довольный крик и захлопал крыльями.

— Пора домой, — вылезая из ручья, сказал Ирвальд.

Наконец-то он прибудет домой, поплавать всласть в излюбленном пещерном озере, выспится в собственной постели. Небось, слуги его совсем заскучали и подустали от ворчливой Зельды, которая в отсутствие владыки не давала им спуска. Возможно, ей позволялось больше, чем следовало, однако Зельда была надёжна, как скала. Она нянчила Ирвальда, пока Ольжанка плела свои сети вокруг старшего брата, оберегая его, как орлица. Сейчас княжич доверял ей управляться с делами замка и готовить ему пищу.

Как они будут делить власть с его будущей женой, Ирвальд не мог представить. Ему и не хотелось это представлять. Тем не менее, отец был непреклонен.

Верховный владыка требовал наследника, и долго тянуть не получится.

Но не жениться ему, в самом деле, на Топчанке? Ирвальд расхохотался, представив себе лица владык, увидевших в княжеских палатах лесную ведьму.

Но на Отраде он точно не женится. Ирвальд до сих пор сплёвывал, вспоминая их единственный поцелуй.

И тут он совершенно некстати подумал о Ярушке. Её губы не давали покоя. Так ли они сладостны, как он себе представлял? Он вряд ли узнает об этом наяву. И через некоторое время её образ сотрётся из памяти.

— Интересно, добралась ли она? — спросил он Юрея, взобравшись ему на спину. Ядохрыл ничего не ответил, только склонил голову набок. — Можно узнать.

Ирвальд запустил руку в карман под кафтаном, однако ничего не нашёл.

— Вот дьявол!

Он соскочил с ядохрыла и перетрусил всю одежду. Шнурка с крестиком не было. Должно быть, он обронил его. Только вот где? За эти дни Ирвальд побывал во многих местах долины. Поиски займут вечность, если вообще увенчаются успехом.

Может, оно и к лучшему? Последняя связь оборвалась...

Ирвальд стоял у ручья, задумчиво поглаживая перья ядохкрыла. Юрей прикрыв веки от удовольствия и слегка подёргивал задними лапами. Внезапно владыка сжал кулак так, что острые когти впились в кожу, и на ладонях выступила кровь. Он вскочил на спину ядохкрыла и стиснул коленями бока.

Юрей взмыл в воздух и, сделав круг над лесом, полетел к селению ведьм.

Возле пещеры маковицы Ирвальд спешил и стал яростно топтать цветы, буйно разросшиеся с момента его последнего визита с Ярушкой.

— Мальва!

Ведьма выбежала из своей пещеры и всплеснула руками:

— Ты мне все заклинание разрушил!

— Ничего, переживёшь! И так всё поле загадила своей поганью.

— А-а-а, видать, тебя цепляет! — обрадовалась Мальва и, заткнув краешки юбок за пояс, прошла перед княжичем, насмешливо виляя ягодицами.

— Не зли меня, ведьма!

— А то что будет?

— Прикую на цепь и велю торговцам по ярмаркам водить.

— Не страшно, — Мальва показала язык, розовый и на удивление чистый, — лучше расскажи, с чем пожаловал. Неужто соскучился?

— Не дождёшься, — хмыкнул Ирвальд, — отдай мне кровь девицы, что я приводил.

— Какую кровь? — Мальва невинно захлопала алыми ресницами, однако по щекам побежали пятна.

— Не ври мне, ведьма!

— Да нет никакой крови. Она дала монету, и всё.

— Так я тебе и поверил!

— Истинная правда!

— У тебя минута, Мальва. Далее моё терпение иссякнет.

— Да чтоб мне головы не сносить! — Мальва довольно искренне заплакала. Голубые капельки слёз причудливо дрожали на кончиках ресниц.

— Ану-ка, в сторону.

Ирвальд оттолкнул ведьму, и та полетела, задрав юбки, к подножию холма, сминая по дороге васильки. Княжич ворвался в пещеру и принялся крушить всё, что встречалось на его пути. Вверх полетели охапки сухоцветов и пригоршни колдовской пыли из порубленных мечом ведьмовских мешков. Ирвальд принимался, надеясь почуять знакомый запах, однако в пещере было столько ароматов, что он терялся.

Мальва, очухавшись, вбежала следом и завывала, увидев, что устроил владыка.

— Будь ты проклят!

— Отдай то, зачем я пришёл, и твоя берлога не сгорит. Иначе...

Ирвальд поднял вверх раскрытую ладонь, которая тут же разгорелась синим пламенем и продолжала пылать, пока ведьма, утирая слёзы, не сдалась.

Мальва достала из тайника шёлковую салфетку, в которую был завернут листочек с кровью Ярушки, и нехотя протянула Ирвальду. Тот развернул салфетку и лизнул листочек кончиком языка. Глаза его закатились от наслаждения, дыхание стало частым и хриплым.

От удивления Мальва приоткрыла рот. Однако смолчала, не рискуя ещё больше гневить владыку.

— Покажи мне её, — потребовал Ирвальд.

Мальва послушно разожгла очаг и насыпала в котёл немного колдовской пыли. Затем оторвала самую малость от листочка и бросила в воду.

— Смотри.

По поверхности воды пробежала рябь, колдовская пыль засверкала тысячами мелких звёзд. Затем вода стала белой и густой, как молочный кисель. В середине образовалась воронка, которая росла и росла, захватывая воду вокруг. Затем всё стихло, и поверхность стала ровной и гладкой, как зеркало.

Ирвальд заглянул в него и увидел девушку. Сердце отчего-то бешено заколотилось. Она оказалась ещё красивей, чем он запомнил. Однако лицо её было грустным, и одета она была странно, как простая девка.

— Что это на ней? — спросил он ведьму, — какое-то серое тряпьё?

— А пёс её знает, — равнодушно ответила Мальва, — кто этих людей поймёт.

Больше ничего не удалось разглядеть — образ Ярушки задрожал и растаял. Вода забурлила и стала мутно-зелёной.

— Увидел? Теперь отдавай, что осталось.

— Э-нет.

Ирвальд сунул остаток листочка в рукав. Мальва в бешенстве запрыгала вокруг него, шипя от негодования.

— Кровь девственницы, ты, изверг! Она сама мне её дала, так что всё честно. Это моя кровь!

— Хочешь золота?

— Далось мне твоё золото!

— Возьми мою кровь.

— Волос! — торговалась Мальва, глаза её высохли и заблестели от жадности. Волос владыки стоил крови десятка девственниц. Но Ирвальду это хорошо было известно.

— Ты знаешь моё лекарство от наглости, — сказал он ведьме, — лучше уйди с дороги, пока я не передумал.

Ирвальд покинул разгромленное жилище ведьмы, свистнул ядохрыла и полетел в Горы. Вид этих мощных величественных вершин, утопающих в грозовых облаках, наполнял его сердце гордостью. Он, Ирвальд Кош, владыка этих Гор! И он летал над их вершинами, не уступая ветру!

С того места, где Ирвальд остановился, была видна башенка его замка. Он мог даже рассмотреть, как мелькает свеча в руке слуги, поднимавшегося по лестнице.

Однако он развернул скакуна в другую сторону — высоко над Горами, пересекая черту, за которой терялась их колдовская сущность.

Глава 14

Новый суд состоялся совсем скоро — на следующий же день Ярушку опять повели в гостевую комнату. На этот раз народу было поменьше, но девушке не удалось увидеть хотя бы одно знакомое лицо. Было несколько женщин в богатых одеждах, и все они глядели на Ярушку неприветливо, так что мороз пробежал по коже.

На этот раз Любашка молчала. Сидела в хозяйском кресле и не двигалась, только слушала. За неё говорили другие. И как говорили! Будто пели песню, рассказывая те же небылицы, что раньше сестра, и красок совсем не жалели. Не боялись ни Бога, ни чёрта.

Ярушка искала глазами Анджея, гадая, когда ж он, наконец, заткнёт им рот. Но его не

было. Неужто он бросил её?

Она посмотрела на сестру в упор. Любашка хищно улыбнулась, довольно сверкая глазами. И Ярушка поняла, что брат не придёт.

Люди в комнате шумели, вполголоса переговариваясь между собой. Бабы бросали на неё взгляды, полные ненависти. Мужики хмурились и поглаживали длинные бороды.

— Сжечь ведьму! — крикнул кто-то, и в комнате воцарилась тишина.

Один из обвинителей громко прокашлялся и заговорил медовым голосом.

— Может, испытаем её водой?

— Вот ещё — колодец отравим, — пискнула одна из баб. Остальные согласно закивали.

— Но сжечь ведьму можно лишь с благословения церковников, а они нынче к князю отправились.

— Так отправим им гонца за дозволением!

— Негоже князю про то докладывать, — вмешалась Любашка, — а то гляди, весь город прочистить велит.

Народ заволновался и поутих. Ярушка стояла ни живая, ни мёртвая, гадая, что ещё придумала сестра.

— Завтра к вечеру у нас будет поп — привезём из соседнего Перемышля. Он и решит.

Перемышль... Ярушка ничего не слышала о Перемышле, но люди вокруг заметно оживились и довольно закивали друг другу. Видать, славен был поп из тех краёв. Только будет ли он милостив к девице? Ярушка и думать боялась. Не стала бы сестра за ним посылать, будь в его сердце хоть капля жалости...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ярушку опять поволокли в темницу, но на этот раз забрали кувшин с водой и тряпье, покрывавшее лавку. Бросили на пол коврижку сухого хлеба, уже надкушенную с одного бока, и захлопнули дверь. Снаружи раздалось лязганье замка, зашумели цепи. Видно, её не собирались открывать до утра.

Есть совсем не хотелось, однако она подобрала хлеб и стала понемногу грызть, чтобы хоть как-то отвлечься от рвущих сердце и душу мыслей.

Вот как повернулась судьба...

А ведь ещё три года назад Ярушка была завидной невестой, и жених у неё был хоть куда. На Зайара заглядывались девки, привечали их матери. И богат он был, и статен, и умён.

Отец сговорил их, когда Ярушке было четырнадцать, и с той поры Зайар терпеливо ждал — целых три года, пока Любашку не выдали замуж. И за это время всего лишь один раз поцеловал невесту — жаркими молодыми губами, так что у Ярушки захватило дух.

Но в портовый город, куда Зайар приехал по своим купеческим делам, пришла чума. В Залесье вернулась страшная весть — молодой купец заболел и умер по дороге домой.

Ярушка долго печалилась, но годы молодые взяли своё, и вскоре уже новые женихи оббивали пороги.

Но в ту пору князь призвал отца в стольный город. И оттуда он уже не вернулся. Корабль, на котором отец держал путь домой, затонул. Вскоре не стало и матери. И с тех пор на порог их дома перестала ступать радость. Удача отвернулась, а нынче и ушла совсем.

Ядокрыл летел, как вихрь, под самыми облаками. Копытца его блестели в звёздном небе как стайка ретивых светлячков. Ирвальд гонял его целую ночь, лишь изредка останавливаясь и позволяя перекусить белками и кроликами, которыми кишели здешние леса.

Едва на небе стала разливаться утренняя заря, они достигли города. Перелетев ворота, Ирвальд велел опуститься на городской площади.

Повсюду пахло людьми и разными нечистотами, лошадиным навозом и несвежей едой. Ирвальд морщился от омерзения и плевался. Вот поэтому в Межгорье не было городов — лишь небольшие селения, которые время от времени перемещались, чтобы не засорять земли. Владыки сжигали оставленные дома синим пламенем, очищая долину.

Людей в городе было мало — все ползали, как полусонные мухи, с хмурыми скучными лицами. Дородная девка с трясущимися грудями мела площадь, другая, потоньше, собирала капусту, рассыпавшуюся из мешка, и складывала горкой.

— Ты думаешь, ведьму сожгут?

— Типун тебе на язык, Дарья, — ответила толстуха, продолжая лениво махать метлой, разворачивая клубки пыли.

— Так охота же поглядеть, — не унималась Дарья, забыв про капусту, присела на корточках и сложила руки под подбородком.

— Отродясь не было такой напасти в городе. Не приведи Господь.

— А слыхала, что сказывают? Будто ведьма задумала приворожить купца. А он не поддался.

— Не поддался, — плечи толстухи затряслись от смеха, пышные груди заходили ходором, — мамочки! Не поддался.

Дарья расхохоталась вслед за подругой и повалилась на бок, развалив капустную горку.

— А ну ша, дуры! Не то вожжой отхожу!

Хромой мужичонка с немытыми растрёпанными волосами бежал по площади, размахивая вожжами. Девицы тут же спохватились и вернулись к работе.

Ирвальд усмехнулся и вскочил на спину Юрею. Людишки со своими мелкими сплетнями не занимали его.

В городе было слишком много запахов. Он достал листочек, приложил его к губам и закрыл глаза, прислушиваясь. Тонкий, едва уловимый звук, похожий на звон натянутой тетивы, звал его дальше.

Миновав высокие дома, которые у людей считались богатыми, Ирвальд очутился на краю города, у самой стены. Дом, на который указывал звук, выглядел довольно вычурно. Выбеленные стены, расписные ставни, причудливые башенки.

Ирвальд спешил и обошёл дом вокруг.

— Да где же ты?

Если Ярушка спит, решил он, то не станет её будить. Просто посмотрит ещё раз и улетит обратно. Если же бодрствует...

Ирвальд надеялся, что она не поднимет крик прежде, чем он пояснит, зачем пришёл. А вот на этот вопрос ответа заготовлено не было. Одна дурь в голове. И зачем ему понадобилось ещё раз её увидеть?

Лучше бы Ярушка спала...

Звон тетивы становился громче и настойчиво звенел в ушах, однако шёл почему-то от земли. Ирвальд посмотрел под ноги — голая земля, камни, пыль. Что за дьявольщина?

Княжич обошёл стену дома, всматриваясь в высокие окна, но чем выше он поднимал голову, тем дальше становился звук. Наконец, он заметил небольшое окошко, уходившее в землю. Оно было столь мало, что Ирвальд едва смог бы пролезть в него. Окошко было закрыто решёткой с толстенными прутьями. Княжич удивлялся, какой был в нём прок —

свету давало мало, и даже за версту разило сыростью, ведь и талая, и дождевая вода непременно стекали через окошко внутрь.

Звон неожиданно прекратился, и княжич понял: он на том самом месте. Но ведь этого быть не могло! Ирвальд опустился на колени и заглянул в окошко. Глаза его хорошо видели в темноте, и он тот час же заметил Ярушку, сидевшую на скамье, подобрал колени до подбородка. Волосы были распущены, а глаза — большие и яркие, будто светившиеся в утренней полутьме. Княжич не сразу догадался, что это слёзы.

— Тираны Преисподней! — выругался Ирвальд и вырвал решётку из окна. Без прутьев отверстие стало немного шире, и владыка протиснулся внутрь и сполз по стене в комнату, больше напоминавшую склеп.

— Ну, здравствуй!

Ярушка широко открыла глаза и тут же зажмурилась. Нет, этого просто не могло быть. Но глядя сквозь полуопущенные ресницы, она ясно различала уже знакомый силуэт.

Ирвальд стоял возле стены, молча, ожидая, когда она придёт в себя.

— Вы? — только и смогла сказать Ярушка.

— Я, — невесело улыбнулся владыка, — вижу, тебе здесь хорошо живётся.

— Надо было ехать в Залесье, — Ярушка нервно хихикнула и закусил губу.

— И что на этот раз? — поинтересовался княжич.

— Меня объявили ведьмой.

— Они никогда не встречали ведьм? — удивлённо воскликнул владыка, — даже на мгновение тебя нельзя представить ведьмой! Ни у одной ведьмы нет ровных зубов.

— Им нет до того дела. Любашка затаила на меня обиду. Её муж... Он... Он пытался ко мне приставать, и я его прогнала.

— Ах, вон оно что, — догадался Ирвальд, — это о тебе судачат на городской площади.

— И что говорят?

— Что пора отсюда бежать. Вставай, чего расселась, — прикрикнул он на девушку.

Ярушка с трудом разняла затёкшие от долгого сидения ноги. По телу пробежали мурашки. Её слегка шатало от голода и усталости. Она начала падать, тогда Ирвальд подхватил её на руки.

— Ты должна обнять меня за шею. Сзади. Иначе я тебя не вытащу.

Он опустил её на пол, прищёлкнул каблуком обнаглевшую крысу, вздумавшую шнырять по босым ногам Ярушки, и повернулся спиной. Девушка привстала на цыпочки и обвила руками плечи княжича.

Ирвальд ловко вскарабкался по стене, цепляясь когтями, и у самого окна велел Ярушке взбираться по его спине. Девушка с трудом протиснула пышную грудь в узкое отверстие и выбралась наружу, подталкиваемая рукой владыки.

Ирвальд пролез следом почти мгновенно. Ярушке оставалось лишь удивляться невероятной гибкости, с которой его широкие плечи смогли изогнуться так, чтобы пройти в столь неподходящий лаз. Он встряхнулся, расправляя тело, принимая прежнюю форму, чем напомнил ей, что он всё ж таки не человек.

Ирвальд снял с себя плащ и обернул вокруг Ярушки, закутав с ног до головы.

— Спасибо, — вымученно улыбнулась она, — я совсем продрогла.

— Это защита от перьев Юрея, — сказал Ирвальд, — они ядовиты.

Ярушка смущённо кивнула головой.

Княжич усадил её на спину ядохрыла и пристроился рядом. Юрей радостно крикнул и

взмыл в небо навстречу утреннему солнцу. Ярушка закрыла глаза от слепящих лучей и положила голову на грудь владыки. Волосы Ирвальда скользнули по её спине, путаясь с девичьими кудрями, и он едва не застонал от нахлынувшего вожделения.

Глава 15

Неподалёку виднелся лес, и княжич велел ядохрылу спуститься в самой густой его части. Из кустов во все стороны ринулись зайцы. Юрей молнией рванул за ними, щёлкая острым клювом по макушке.

Ирвальд развёл костёр, чтобы девушка смогла согреться, отобрал у ядохрыла заячью тушку, сорвал с неё шкуру и нанизал на меч.

Ярушка почти не притронулась к еде. Зато Ирвальд подобрал всё, поглядывая на ядохрыла, хрустящего костями, подумывая, что бы ещё отнять.

— Я видела сверху озеро, — сказала Ярушка, — могу я искупаться?

— Ты больше не мёрзнешь?

— Мне нужно... столько дней в темнице. Я до сих пор чувствую запах крыс.

— Думаю, не стоит.

Ирвальду не хотелось думать о том, как обнажённая девушка входит в воду. Не сейчас. Он и так пребывал в смятении.

Ярушка опустила голову, кутаясь ещё глубже в плащ. От ткани исходил резкий запах дыма, дождя и мускуса. Она поймала себя на том, что ей нравится этот запах.

Ирвальд забросил в кусты последнюю кость, вытер о листья пальцы и пристально уставился на Ярушку.

— Ты ничего не хочешь рассказать?

— Я не знаю, что добавить.

Девушка сжалась в комочек и закусилась нижней губой почти до крови. Она явно лукавила. Ирвальд напрягся, а на скулах заходил желваки. Он с трудом сдержался, чтобы не схватить её за волосы и не наказать за упрямство.

— Твоя сестра взъелась не тебя неспроста!

— Я не пыталась соблазнить её мужа. Мне это не нужно, — обиженно сказал Ярушка.

— Твоя сестра такая же, как ты?

— Не понимаю...

— Понимаешь!

Ирвальд окинул её взглядом с головы до ног. Ярушка и раньше замечала подобные взгляды мужчин, но Ирвальд глядел так на неё впервые. Ей стало неудобно, щеки налились румянцем от смущения.

— Она немного... немного другая.

— Тогда понятно.

— Что?

— Она должна была просто отправить тебя домой. А объявить ведьмой — это слишком жестокая месть. Но если она дурнушка...

— Думаете, дело только в зависти?

— А в чём ещё?

— От меня много неприятностей, — призналась Ярушка.

— Каких ещё? — удивился Ирвальд.

— Мне бы не хотелось...

— А мне очень! Заметь, я спасаю тебя уже в который раз!

— Спасибо, — грустно улыбнулась девушка, — если бы не вы... Но что вы делали в Хориве? Я думала, вы не покидаете Горы.

— Иногда покидаем. У меня было тут одно дельце, — солгал Ирвальд, — и на площади я случайно услышал, как говорят про ведьму. Охота была посмотреть.

— На ведьму? Вы хотели её спасти?

— Нет, — усмехнулся Ирвальд, — никогда не видел, как жгут ведьм.

— Это ужасно! — в страхе воскликнула Ярушка.

— У людей свои порядки. Мы предпочитаем не вмешиваться.

Ирвальд хотел добавить, что настоящая ведьма сумела бы за себя постоять. Мало кому из людей удалось бы поймать ведьму и сунуть в костёр. А если бы и удалось, то вряд ли бы это осталось безнаказанным. Совет ведьм стёр бы обидчиков в порошок и развеял по ветру. Поэтому все ведьмы, когда-либо сожжённые людьми, были обычными шарлатанками. Или неудобными — вроде самой Ярушки.

Но девушка и так выглядела испуганной, так что он промолчал.

— Что ты теперь будешь делать? — чуть погодя спросил Ирвальд.

— Я могу попросить вас отвезти меня в Залесье?

— Видно, придётся, — нехотя буркнул княжич.

— Вам я тоже доставляю неприятности, — пробормотала Ярушка, — но мне действительно не обойтись без помощи.

— Как же!

Ирвальд вскочил на ноги и громко щёлкнул пальцами. Ядокрыл выбрался из чащи, с треском ломая ветки, и, отряхнув перья, с радостным криком взвился на дыбки.

— Какой величественный зверь! — восхищённо прошептала девушка, — хотела бы я его погладить.

— Перья ядовиты, — с улыбкой ответил Ирвальд и потрепал Юрея за шею.

— На вас яд не действует?

— Нет.

— Пора ехать?

— Да, — Ирвальд почувствовал, что в горле пересохло, и негромко прокашлялся, — мне нужно возвращаться в Горы. Поэтому лететь придётся быстро. Готова?

Ярушка кивнула. Румянец по-прежнему играл на щеках. Отблески догорающего костра причудливо плясали в янтарном омуте глаз. Ирвальд вспомнил о поцелуе, который собирался потребовать, и от мысли об этом ему стало жарко. Только бы она не отшатнулась и не убежала прочь...

Юрей нетерпеливо заклекотал и захлопал крыльями. Мощный поток воздуха растрепал длинные волосы владыки, закрыв прядями глаза. Ирвальд тряхнул головой и заметил, что Ярушка больше не смотрит в его сторону. Взгляд её был устремлён в небо, к пушистым облакам, проплававшим над лесом. Он тихо вздохнул, аккуратно поднял девушку и усадил на спину скакуна.

— Надеюсь, в Залесье, тебя встретят с большей радостью, — пошутил Ирвальд. Ярушка не ответила. Плечи её опять поникли, а кровь схлынула с лица.

— Что такое? — резко спросил княжич, нахмутив брови.

— Все в порядке, — неуверенно прошептала Ярушка.

Ирвальд стащил её с ядокрыла и поставил перед собой, крепко сжав хрупкие плечи.

— Не отводи очей, — потребовал он, хватая пальцами подбородок, — рассказывай, что

не так в Залесье?

— Меня там не сильно любят.

— Почему?

— Из-за Илая, нашего лесничего. Мой брат велел повесить его.

— Но ты-то тут причём?

— Всё из-за меня.

— Он тоже пристаивал к тебе? — сквозь зубы спросил Ирвальд.

— Нет, что Вы. Илай бы не посмел. Он вступился за меня.

— И за это его повесили?

— Он зарубил моих обидчиков топором. Один из них был знатного рода.

— А за это казнят?

— Да. Простой люд не может поднимать руку на знать, — девушка грустно покачала головой, — хотя по мне так, это несправедливо.

— А что за обида была?

Девушка опять покраснела и положила ладони на предплечья владыки, отводя их в сторону. Освободившись, она подошла к едва тлеющему костру и присела на корточки...

Воспоминания нахлынули с новой силой, отдавая всё той же горечью, что и год назад...

Ярушка часто ездила в лес верхом на Ванко, собирала цветы и ягоды, купалась в лесном озере. Все об этом знали, и никто никогда не трогал боярскую дочку. В деревнях поблизости её любили и привечали свежим коровьим молоком и мягким хлебом только что из печи. Поэтому девушка не знала страха, бродя по здешнему лесу.

С Илаем она была знакома с детства. Ещё будучи ребёнком, они с матерью гуляли, а молодой лесничий кланялся, приветливо улыбаясь. Едва же Ярушка стала подрастать, взгляд лесничего изменился — стал тяжёлым и задумчивым. Ни для кого не было секретом, что Илай неровно дышал к боярышне, но лишнего себе никогда не позволял.

Вскоре Илай женился на дочери кузнеца, и рассказывали, что в молодой семье все складывалось. К осени ждали первенца.

К тому времени у Ярушки объявился новый жених, Гришай. Не стар и не молод, не беден, но и не богат. Не красавец, но знатных кровей. Ярушке он не сильно пришёлся по душе. Но с братом ему удалось сговориться. И вот уже начинали готовиться к свадьбе.

В воскресенье после утренней службы девушка, как обычно, поехала в лес прогуляться, насладиться последними деньками девичьей свободы. Она расседлала Ванко на берегу озера и пустила выпить воды. Лето выдалось прохладным, поэтому купаться Ярушка не стала, боялась простудиться. Она нарвала цветов и села на берегу плести венки.

Внезапно из чащи показался Гришай.

— Одна? — спросил он Ярушку. Та, слегка помешкав, кивнула.

— Это хорошо.

Что-то в его голосе ей не понравилось. Она поднялась и позвала Ванко. Однако Гришай перехватил коня и привязал его за поводья к дереву.

— Что вы задумали? — испуганно спросила Ярушка.

— Негоже брать невесту, не отведав, так ли она сладка, как кажется, — сказал Гришай, схватил её за плечи и притянул к себе. От него дурно пахло потом и брагой.

Девушка отбивалась от его липких холодных губ, оставляющих на щеках смрад гнилых зубов. Дрожь отвращения пробирала её насквозь.

— Держи её, — крикнул Гришай.

Кто-то схватил Ярушку сзади за талию и рванул к себе. Гришай замахнулся и вlepил ей пощёчину, затем вторую. Потом её кинули на землю, лицом вниз. Какой-то мужик уселся впереди неё, навалившись руками на плечи. Гришай между тем задрал её юбки и подогнул колени. Ярушка кричала, но крик её скорее походил на писк.

Внезапно Гришай захрипел и упал. Державший её мужик вскочил на ноги, хватаясь за меч, но не успел вытащить его из ножен. Ударом топора голова его раскололась надвое, и он завалился на спину, брызгая кровью.

Ярушка отползла в сторону, опустила юбки и увидела Гришая, всего в крови, с выпученными мёртвыми глазами. Рядом, тяжело дыша, стоял Илай с топором.

— Спасибо, — только и могла прошептать Ярушка, заливаясь слезами. Илай ничего не сказал, помог ей подняться, оседлать коня и повёл прочь из леса...

Анджей велел повесить Илая, как того требовал закон. Но люди его не поняли — им казалось, молодой боярин будет милосерден к спасителю сестры. Но гневаться на брата в открытую никто не посмел. Зато недовольство обрушилось на Ярушку. Мать Илая голосила на городской площади, проклиная непутёвую боярышню, справедливо считая, что та сама накликала беду, гуляя в лесу без сопровождения. Многие, кто любил Ярушку раньше, отводили взгляд и старались лишний раз не заговаривать.

Особенно тяжело стало, когда жена Илая умерла родами, так и не сумев разродиться. Мать Илая считала, что всему виною горе из-за смерти мужа.

Анджей слушал городские сплетни, скрипя зубами от ярости. Отцово наследство таяло, как церковная свеча, а тут ещё народ нагонял смуту.

Ярушка чувствовала себя ещё хуже: вина терзала сердце, не давая покоя, ей было стыдно за волю брата и безумно жаль лесничего. Поэтому она спросила разрешения уехать к сестре. Брат не противился...

Ирвальд слушал её со странным выражением на лице. Брови его хмурились, а глаза то и дело вспыхивали голубыми искрами. Ярушка никак не могла истолковать его взгляд, и смутилась.

— В Межгорье вы бы тоже велели повесить Илая? — осторожно спросила она.

— Нет.

Ирвальд не знал, как объяснить девушке, что в его мире вряд ли могло произойти нечто подобное. Никто не нападал на тех, кто мог за себя постоять. А кто не мог — прятался либо искал покровителя. Но уж если бы сумели кого обидеть, то семейство пострадавшей не успокоилось бы, пока не разорвало обидчика в клочья. И за это им бы никто и слова не сказал. Напротив, желающих поучаствовать в расправе пришлось бы отгонять палками.

А уж если бы кто и вступился за девушку, то непременно потребовал бы награды — не лаской, так золотом.

— Так что же ждёт тебя в Залесье? — спросил Ирвальд.

— Может, народ уже отошёл, — в голосе Ярушки не было уверенности, но она храбро улыбалась.

— Весть о том, что тебя признали ведьмой, прилетит быстро.

— Анджей спрячет меня.

— Куда?

— В монастырь.

— Славно! И долго ты будешь там прятаться?

— Это лучшее, что может быть, — сказала Ярушка.

— Почему? — от удивления Ирвальд едва не потерял дар речи. Монастырь?

— Брат не сможет дать за меня приданое, и ему это только на руку. А я останусь жива.

Ирвальд громко хмыкнул и издал звук, напомнивший Ярушке кошачье рычание.

— Скажи мне, где сейчас твой брат? Неужели, получив весточку, он не смог добраться до Хорива?

— Не знаю, — призналась Ярушка, — он приезжал еще до суда. Но здесь у него нет такой власти, как в Залесье. А там мою судьбу будет решать он, а не сестра. Я не верю, что Анджей позволит казнить меня.

— До чего ж ты неразумна, дитя, — Ирвальд укоризненно покачал головой, — вверять себя тем, кому выгодна твоя гибель?

— Думаете, у меня есть выбор? — вскипела Ярушка и сжала свои маленькие ладошки в кулачки. Плащ соскользнул с плеч и упал на землю. Ирвальд поднял его и снова укутал её с головы до ног.

— Нет, — просто сказал он, сверкнув глазами.

Княжич опять усадил Ярушку на спину ядохрыла и устроился сзади, удерживая её за талию. Девушка расслабилась, почувствовав себя в безопасности, и невольно положила голову ему на грудь. От Ирвальда исходил тот же запах, что и от плаща, только примешивался ещё слабый аромат трав. Голова закружилась, и стало клонить в сон. Ярушка не заметила, как задремала.

Проснувшись, она глянула вниз, и с удивлением увидела уже знакомые синие вершины.

— Куда мы летим? — спросила она Ирвальда.

— Домой.

— Но это не Залесье.

— Да, — владыка приподнял краешки губ в улыбке, — мне не хочется лететь туда, чтобы вызволять из следующей темницы. Могу не успеть.

— Но что я буду тут делать? — растерялась Ярушка.

— Мне нужна жена, — сказал княжич, пристально глядя на девушку. Зрачки его сузились и стали почти незаметными в яркой синеве глаз. Казалось, он что-то искал на её лице — ответ на какой-то лишь ему известный вопрос. Но что она должна была ответить?

Могла ли она отказаться? Или выбора не дано? Если бы он спросил её об этом на земле, она хотя бы чувствовала почву под ногами. Но здесь, в небе, он целиком владел всем, включая и её саму. Сама мысль об этом внушала страх, и Ярушка невольно прижала кончики пальцев к губам.

— А какие обязанности у вашей жены?

Ирвальд неожиданно рассмеялся, обнажив небольшие клыки, остро заточенные, словно у хищного зверя.

— Не знаю, я не был женат, — но, увидев, как расширились глаза девушки, добавил, — думаю, ты справишься.

— Зачем это вам? От меня одни хлопоты.

— Под моей защитой тебя никто не тронет, — пообещал Ирвальд, — значит, и хлопот не будет.

Ярушка взволнованно поправила прядь волос, падавшую на щеки. Кровь гулко стучала в висках, заглушая свист ветра.

— Ты молчишь, — спокойно заметил Ирвальд.

— Просто... я не ожидала...

— Я тоже, — не кривя душой, пробормотал княжич, и чуть громче добавил — отец настаивает, и он не отступится, пока я не женюсь.

— Но мы такие разные, — сказала Ярушка, глядя на его когтистые пальцы. Ирвальд заметно напрягся, — вы княжич, а я здесь никто. У меня даже одежды нет.

— Это поправимо, — усмехнулся Ирвальд.

— У вас другой цвет кожи, — разволновавшись, девушка неожиданно осмелела, — и вообще, вы совсем другой — сильный и немного... хищный... Ваша жена должна соответствовать.

Ирвальд молчал, чувствуя, как понемногу накатывает ярость. Губы сжались в прямую линию, лицо потемнело, как грозовые тучи.

— Мне кажется, ваш отец будет недоволен, — тихо добавила Ярушка, сознавая, что наговорила лишнего.

— Отец примет мой выбор, — холодно сказал владыка.

— И всё же подумайте...

— Это вежливый отказ?

— Нет, — Ярушка покачала головой, — я согласна. Но у меня нет клыков, когтей, я не умею колдовать и рядом с вами совершенно неповоротлива. Разве вы находите такую невесту привлекательной? Мне кажется, вы достойны кого-то получше. Хотя бы с приданым.

Она говорила эти слова всерьёз — Ирвальд не заметил ни тени насмешки, ни даже малейшего намёка на кокетство. Эта безумно красивая девушка спрашивала, находит ли он её привлекательной? Ирвальд не знал, что ответить. Ему жутко хотелось овладеть ей, прямо здесь, в небе над долиной, в пушистом саване облаков. Но ведь она не поймёт его, не ведая страсти, это неискущённое человеческое дитя...

— Мне не нужно твоё приданое, — сквозь зубы процедил Ирвальд, направляя ядоткрыла к дому.

Часть вторая. Свадьба

Глава 16

— Зельда! — громко крикнул владыка, спешиваясь. Ярушка легко соскользнула ему на руки. Ирвальд поставил её на землю. Ноги, затёкшие от долгого сидения, подкашивались. Ярушка застыла на месте, разминая ступни.

Ирвальд выругался себе под нос, поднял её и понёс внутрь замка.

— Зельда!

Он усадил девушку на лавку и тут же ушёл куда-то, даже не оглянувшись. Звук его тяжёлых шагов разлетелся далеко по коридорам замка.

Ярушка огляделась по сторонам. Она ещё никогда не бывала в подобных местах: высокие стены, сложенные из тёмного, почти чёрного камня, переливались в отблесках факелов и казались бархатными. Под самым потолком виднелись причудливые фигурки, вылепленные, должно быть, из чёрной глины. Блики пламени причудливо играли на лицах глиняных существ, и казалось, что они хищно улыбаются, выставив передние зубы.

Факелы торчали из держателей, выполненных в виде огромных пауков, будто впившихся в стену когтистыми лапами. Глаза пауков сверкали драгоценными камнями. Пламя потрескивало — то угасая, то разговарываясь с новой силой, переливаясь всеми оттенками красного.

Девушка, как замороженная, любовалась огнём факелов, как вдруг совсем близко снова раздались шаги владыки. На этот раз он был не один.

Ярушка удивлённо открыла рот при виде создания, напоминавшего кучку камней, сложенных горкой. Кожа у создания была серебристо-серой, плоть лежала буграми, отчего напоминала вздувшийся труп. Черты лица лишь отдалённо походили на человеческие — крошечные бусинки глаз глубоко засели в круглых отверстиях глазниц, ресниц совершенно не было. Нос был грубо вырублен, как будто наспех, губы перекошены и заметно приподняты к правой щеке. Пряды жидких чёрных волос собраны в куцую косу.

Судя по юбкам и огромному белоснежному переднику, существо было женщиной.

— Это Зельда, — сказал Ирвальд Ярушке, — она поможет тебе привести себя в порядок.

С этими словами он ушёл, оставив их вдвоём. Ярушка попыталась улыбнуться. На лице каменной бабы ровным счётом ничего не отражалось.

— Идём со мной.

Голос её был гулким, словно исходил из глубокой пещеры. Ярушке стало совершенно не по себе, однако выбора особого не было. Осторожно ступая босыми ступнями по холодному каменному полу, она последовала за Зельдой.

Они прошли по коридору и неожиданно оказались в комнате, залитой ярким солнечным светом. Окна, высокие, до самого потолка, утопали в сиянии. Ярушка подбежала к окнам и выглянула наружу.

— Красота-то какая, — радостно воскликнула она.

— Смотри, не вывались, — раздался рядом противный скрипучий голос.

Ярушка от неожиданности отпрянула назад и едва не упала, споткнувшись о какое-то существо, маленькое и юркое, ловко шмыгнувшее между её ногами.

— Миклош, не шали, — грозно прикрикнула Зельда, — не то порву твой зад на лоскутки.

Ярушка огляделась вокруг, но никого не увидела. Только слышала звук, похожий на урчащего от злости кота. Она улыбнулась, как можно приветливей, и спросила Зельду:

— А кто это был?

— Местный паяц, — буркнула каменная баба.

— Неправда!

Существо выпрыгнуло на свет прямо из-под плаща, в который была укутана Ярушка. Это был маленький человечек — почти ребёнок, едва доходивший ей до колена. Он был неестественно худ. Руки довольно крупные для такого роста, с вытянутыми пальцами, но без когтей. На рыжем, усыпанном веснушками лице застыла насмешливая ухмылка.

— Я помощник хозяина, — гордо воскликнул человечек. Щёки его при этом совершенно не шевелились, только губы. Глаза тоже будто застыли в пространстве, ничего не выражая. Ярушка вдруг вспомнила деревянных кукол, которыми торговали на рынке. У Миклоша было такое же лицо — застывшее, как неживое.

— Тоже мне, помощник, — не унималась Зельда, — клоп на побегушках. Пошёл вон отсюда.

— А это невеста хозяина? — спросил Миклош.

— Твоё какое дело?

— Пойдите, — попросила Ярушка, — я хочу познакомиться, Миклош. Моё имя — Ярина.

— Да оставь его, — махнула рукой Зельда, — нечего время терять.

— Ярина, Ярина. Глупое людское имя, — Миклош скорчил рожу, подпрыгнул, как заяц, и вприпрыжку умчался прочь.

Зельда ничего не ответила — молча развернулась и пошла дальше. Ярушке ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

Они прошли ещё один коридор и поднялись по лестнице вверх. Зельда отвела её в комнату — достаточно просторную и светлую, с высокими окнами и такими же бархатными стенами, по которым так и хотелось провести рукой.

Мебели в комнате было немного — большая кровать с балдахином, деревянный шкаф, лавка и большое зеркало в причудливой резной оправе. Из стен торчало несколько выступов, на которых красовались мраморные канделябры.

Увидев кровать, застланную пушистым одеялом, девушка почувствовала, что ещё немного, и свалится от усталости. После долгих ночей на жёсткой деревянной скамье в сырой темнице, полной пищущих крыс, ей так хотелось зарыться носом в мягкие подушки и забыться сладким сном.

Однако Зельда не позволила ей уснуть. Каменная фурия притащила лоханку с водой и помогла ей вымыться, поливая из кувшина. Затем довольно грубо расчесала волосы. Было больно, но Ярушка терпела, сцепив зубы. Ей хотелось отнять гребень у Зельды, но та выглядела так грозно и неумолимо, что Ярушка побоялась даже открыть рот.

Затем Зельда куда-то ушла, но вскоре вернулась, швырнув ей ворох зелёной одежды и клубок ниток с воткнутой посередине иглой.

— Другой одежды нет, придётся подогнать под себя. И не мешкай — скоро обед.

Оставшись одна, Ярушка развернула одежду и приложила к себе. Платье было велико — и в талии, и в плечах. Печально вздыхая, она взяла в руки клубок с иглой. Что с этим делать — она не знала. Боярышне негоже было шить. Вышивать красивые узоры на платочках и полотенцах — это она умела, но шить — никогда не шила.

— Ничего, — решила она, — как-нибудь справлюсь.

После двух часов возни с иголкой, исколов пальцы в кровь, Ярушке удалось кое-как подогнать одежду. Она оделась и посмотрелась в зеркало — выглядело довольно жалко. Фасон платья сильно отличался от тех, что она привыкла носить, и оставалось лишь молиться, чтобы её не подняли на смех.

— И почему здесь все так неласковы? — вслух пробормотала она

В дверь постучали. Ярушка не успела и слова сказать, как дверь приоткрылась, и в комнату прошмыгнул Миклош, корча в ухмылке наглую физиономию.

— Зельда велела тебя позвать.

— Спасибо, — поблагодарила девушка.

— Неважное тряпье. Но у Зельды больше ничего нет. И других баб здесь тоже нет.

— Это всё равно лучше, чем то, в чём я пришла.

— В плаще хозяина? — оскалился Миклош. Глаза его по-прежнему не двигались, и Ярушка не могла взять в толк, смотрит ли он на неё или же куда-то в другую сторону. — А то, что было под ним, пахло крысиной мочой. Зельда сожгла то непотребство.

Ярушка почувствовала, как щёки краснеют от стыда, но сдержалась и промолчала.

— Зельда велела тебе собрать волосы. Хочешь, помогу? — неожиданно предложил Миклош.

— Нет, я сама справлюсь, — отказалась Ярушка, с ужасом вспоминая, как ей помогала Зельда.

— Лучше поторопись, не то все будут ждать.

— Все — это кто?

— Хозяин и Зельда.

— Здесь есть ещё кто-нибудь?

— Ты задаёшь много вопросов, — заметил коротышка.

— Я не знала, что нельзя спрашивать.

— Спрашивать можно. Но у нас этого не любят.

— Как у вас строго

— То ли ещё будет! — захохотал Миклош.

— А что мне ещё следует знать?

— А чего я тебе должен, как на блюдечке, все выкладывать? Сама узнаешь.

— Сама так сама, — пожалала плечами девушка и стала плести косу.

— Нет, не так, — вдруг сказал Миклош и глаза его неожиданно заблестели.

— А как?

— Собери немного на затылке. А остальное пусть будет так.

Ярушка оторвала немного нити из клубка и присобрала волосы, как велел коротышка.

— Так у вас девушки ходят?

— Девушки, — расхохотался карлик, — у нас — девушки!

— Я опять что-то не то спросила? — растерялась девушка.

— На сотню верст вокруг — одни ведьмы. Они страшнее, чем моя рожа после попойки

— Я видела одну довольно симпатичную, — тихо сказала Ярушка.

— Ты, видно, тоже была пьяна, — коротышка затрясся в очередном приступе хохота.

— И имя у неё красивое — Мальва.

Миклош неожиданно перестал смеяться, а лицо его посуровело.

— Хозяин водил тебя к Мальве?

— Да, а что?

— Ничего.

— Может, всё же скажешь?

— То хозяин может сказать, а моё дело — заткнуться.

— Ну, хоть намекни, может, чего стоит бояться? — настаивала Ярушка.

— Лучше молчи об этом, — посоветовал Миклош, — и с Зельдой не вздумай болтать.

— Спасибо.

— За что?

— За совет, — улыбнулась Ярушка.

Рыжее лицо Миклоша сделалось пунцово-красным, он тихо выругался и шмыгнул прочь из комнаты.

Ярушка ещё несколько секунд покрутилась перед зеркалом — пугало пугалом в дорогой ткани, — вздохнула и пошла вслед за коротышкой.

Миклош молча шагал впереди, изредка подпрыгивая. Кулачки его были крепко сжаты, а рыжие волосы торчали колом, будто он злился на весь белый свет. Девушка не решалась с ним заговаривать, опасаясь, что он взорвётся от гнева, хотя и понятия не имела, что стало тому причиной.

Они спустились по лестнице в довольно просторный зал. На последней ступеньке Ярушка замерла на мгновение, с интересом рассматривая открывающийся ей вид.

Стены были из того же бархатистого камня. Невысокие окна, начинавшиеся чуть выше головы, пропускали достаточно света, но не было столь ярко, как в той комнате, что выделили ей. Всю дальнюю стену занимал камин в виде трёх открытых пастей диковинных зверей. Острые зубы каменных хищников спускались до нижних челюстей, сквозь пустые глазницы пробивались отблески голубоватого пламени.

В центре зала стоял большой стол из тёмно-синего мрамора. Во главе сидел Ирвальд. Ноги его были закинuty на скамеечку, стоявшую рядом с камином, а в руках он держал длинную штуковину, не то резную палку, не то дудку. Владыка подносил её ко рту, а после выдыхал в воздух белёсые облачка дыма. После он передал палку сидящему рядом существу, отдалённой напоминающему человека, совершенно чёрного, покрытого блестящей лоснящейся короткой шерстью. Существо сказалo что-то, прижимая палку к губам, должно быть, что-то весёлое, потому что владыка зашёлся смехом, откинув назад голову. Волосы его рассыпались по плечам и тряслись, напоминая Ярушке мелкую рябь на вечернем озере.

Миклош довольно громко чихнул. Ирвальд с гостем наконец-то заметили Ярушку. Владыка убрал ноги со скамьи. Палка мгновенно исчезла. Существо быстро поднялось, очевидно, намереваясь уйти, и посмотрело на владыку. Тот, помешкав мгновение, кивнул. Существо легонько поклонилось Ярушке и стремительно исчезло из обеденного зала.

— Я вам помешала? — спросила Ярушка.

— Нет, — ответил Ирвальд, задумчиво глядя на девушку.

— Какой необычный запах, — заметила Ярушка, присаживаясь на стул, любезно отодвинутый для неё коротышкой, — только голова отчего-то кружится.

Миклош прыснул со смеху, Ирвальд же оставался спокойным, только глаза его заблестели.

— Надеюсь, ты проголодалась?

— Немного, — солгала Ярушка, чувствуя, что желудок ещё немного и намертво прилипнет к спине.

— Зельда приготовила обед.

Ярушка кивнула и опустила глаза, не зная, что сказать. Она чувствовала себя неловко — в чужом доме, среди незнакомых людей, в нелепой одежде и совершенно не представляя, как следует себя вести.

— Ваш гость довольно необычен, — наконец, решила она.

— Это мой конюший, — ответил Ирвальд, — он зверолод.

— Похоже, вы с ним дружите.

— Да, Себрий служит мне много лет.

— Тогда почему он ушёл?

— Чтобы не пугать тебя.

— Но мне все равно придётся привыкать, — заметила девушка, — здесь столько всего необычного.

— Знати не положено обедать со слугами, — голос Ирвальда звучал сухо, — у людей не так?

— Так, — подтвердила Ярушка, — но в каждом доме свои порядки, верно?

Миклош издал за спиной девушки неопределённый звук. Ирвальд насмешливо улыбнулся.

— Слуги обедают отдельно, лишь когда в замке знатные гости.

— Значит, я пока гость?

— Как ты пожелаешь, — Ирвальд пожал плечами.

— Я не возражаю против честной компании.

— Вот и славненько, — крикнул Миклош, забираясь на стул справа от неё.

— Сбегай, кликни Себрия, — велел Ирвальд.

Миклош, нехотя, сполз со стула и вприпрыжку умчался из обеденного зала.

Конюший вернулся, и Ярушка смогла рассмотреть его поближе. Зверолод, как назвал его Ирвальд, был весьма занятным: шерсть покрывала его с головы до ног, короткая, как у хорька, лишь на голове была чуть длиннее, спускаясь до плечей лоснящейся гривой. Глаза у него были красные, круглые, как у кота, с чёрными зрачками-щёлочками. Нос Ярушка не смогла распознать, а вот рот Себрий открывал достаточно широко, сыпля не совсем понятными шутками-прибаутками, чтобы можно было разглядеть алые дёсна с вполне человеческими ровными зубами, слегка желтоватыми, какие бывают у людей постарше.

Мужчины непринуждённо беседовали, но время от времени Ярушка ощущала на себе туманный взгляд владыки.

Зельда принесла огромный поднос с множеством блюд. Основное из них составляла гора тушек, обжаренных на огне до румяной корочки. Было что-то, напоминавшее печёные овощи, огромная плоская варёва, источавшего мясной аромат, пучки душистой травы.

Чёрная полупрозрачная тень метнулась к столу, проворно расставляя снесь. Когда поднос опустел, тень выплыла из комнаты и больше не появлялась.

— Это Хна, — шепнул Миклош, — она не ест с нами.

— Почему? — также тихо спросила Ярушка.

— Тени питаются огнём из камина. Как только мы уйдём, они придут сюда и сожрут пламя.

— Их много? — удивилась девушка.

— Про то хозяин ведаёт. Их трудно сосчитать. Вечно прут ото всюду, приходится отгонять.

— А что они такое?

— Кто их знает? Бродят по горам, прячутся в пещерах от дневного света. Чахнут от голода, пока молния не ударит в сухое дерево. Или хозяин не разведёт синее пламя. Они служат ему как верные псы.

— Вот почему в камине такое пламя.

— Ага, — с набитым ртом сказал Миклош, — только владыка Синих Гор может наколдовать такое пламя. От красного тени сходят с ума и пожирают друг друга, пылая, как факел.

— Жутко, — пробормотала Ярушка.

— Ты чего не ешь? — вдруг спросила её Зельда.

Четыре пары глаз тотчас же уставились на девушку, и она с ужасом почувствовала, что краснеет. Ярушка даже не заметила, как перед ней появилась тарелка, полная коричневых комочков, плавающих в густом киселе. Она схватилась за ложку.

— Это летучие мыши, — громко сказал Миклош, — и немного порубленных змей.

Ложка замерла на полпути ко рту. Глаза Ярушки расширились, и она с трудом проглотила застрявший в горле комок. Взгляд её скользнул по столу — где бы взять хлеба. Но его не было. Значит, они не едят хлеб. По-правде, она не помнила, чтобы видела хоть где-то возделанные поля. Обитатели Межгорья не пахари. Значит, они едят то, что есть.

— Вкусно, — не унимался коротышка, хлебная варёво ложкой.

Ярушка посмотрела на Ирвальда. Они сидел, закусив губу так, что один клык торчал наружу, и она поняла, что он едва сдерживает смех. Чего они от неё ждали?

Девушка выпрямилась и мужественно поднесла ложку ко рту. Змеи так змеи. Придётся привыкать.

Проглотив второй кусок довольно нежного мяса, Ярушка вновь посмотрела на Ирвальда. Тот перестал смеяться, только глаза его стали ярко синими, как васильки.

— Мы не едим летучих мышей, — пояснил Себрий, — за этим столом. Может, Миклош щёлкает их у себя под одеялом, про то не могу знать. Но по мне так, их мясо горькое и вонючее, как навоз.

Миклош что-то зашипел, однако тут же притих под грозным взглядом Ирвальда.

Ярушка с трудом доела то, что было в тарелке, отказавшись от остального.

Тень, неожиданно возникшая позади неё, налила ей в кубок немного вина. Ярушка с удовольствием выпила, чувствуя, как по телу разливается благодатное тепло. Всё оказалось не так уж и плохо...

Глава 17

После обеда владыка куда-то исчез. Себрий, откланявшись, ушёл на конюшни. Зельда скрылась на кухне, а коротышка Миклош нарочно замешкался за столом, запихивая в себя остатки еды.

Ярушка осталась предоставленная самой себе и стала бродить по замку, рассматривая и восхищаясь диковинками. Очень скоро она заметила тень, стелившуюся по стене, и окликнула её.

— Хна?

Тень замотала головой и съёжилась.

— Хаш-ша... — услышала девушка.

— Тебя зовут Хаша? — догадалась девушка. Тень кивнула.

— Ты умеешь говорить?

Хаша не издала ни звука, и Ярушка поняла, что беседы не получится. Тем не менее, Хаша следовала за ней по пятам.

— Покажи мне что-нибудь особенное в замке, — попросила Ярушка.

Тень махнула рукой, указывая на лестницу, ведущую наверх. Ярушка поднялась по ступенькам, оказавшись в коридоре возле комнаты, которая, очевидно, теперь будет её пристанищем. Тень полетела дальше.

Стены замка изменились — вместо красивой кладки они стали сплошь каменными, будто они вошли в пещеру. Вглядевшись, Ярушка поняла, что так оно и было. Они нырнули в небольшой проход, спустились по вырубленной в скале лестнице, и Ярушка почувствовала, как в лицо ей пахнуло свежестью.

— О, Господи, как здесь чудесно!

Посреди пещеры виднелось небольшое озеро. Серебристые воды переливались крошечными волнами, бегущими от небольших водопадов, несущих воду из подземных источников. С потолков пещеры спускались длинные сосульки сталактитов, светившихся в темноте ярко-голубым светом. Стены пещеры также были усеяны светящимися кусками пород, отчего напоминали звёздное небо.

— Я могу искупаться? — спросила девушка тень.

Хаша сделала какой-то неопределённый жест и кивнула. Ярушка радостно схватилась за завязки на платье, но вдруг замерла.

— Ты ведь девушка? Я могу раздеться перед тобой?

Тень хмыкнула и куда-то исчезла, оставив Ярушку в одиночестве. То ли Хаша была мужчиной, то ли не хотела её смущать, она так и не смогла понять. Впрочем, это было уже неважно.

Ярушка сбросила платье и с опаской ступила в воду, вглядываясь в глубину — в этом краю можно было ожидать чего угодно. Однако никто не выпрыгнул на неё из воды, озеро по-прежнему оставалось спокойным, и Ярушка с наслаждением окунулась в его прохладу. Она плавала и ныряла, улыбаясь, словно дитя на ярмарке. Маленькие серебристые рыбки вились стайками вокруг запястий, коленей, едва прикасаясь к коже крошечными губами, оставляя светящиеся точки. Выбравшись, Ярушка увидела, что всё тело светится, будто окутанное серебристой сетью.

Неожиданно она почувствовала чьё-то присутствие. Будто лёгкий ветерок пробежал по коже. Она огляделась вокруг, но никого не увидела.

— Кто здесь? — озадаченно спросила она.

В пещере царила тишина. Даже шум водопадов, казалось, замер.

— Хаша?

Никто не ответил. Ярушка быстро подняла платье, с трудом натянула на мокрое тело и, кое-как справившись с завязками, поспешила вернуться в замок.

Ирвальд стоял, будто зачарованный, а перед глазами по-прежнему мелькал образ обнажённой девушки. Тело её было совершенным: полные налитые груди с тёмными ягодками сосков, тонкая талия, упругие холмики ягодиц. Когда она вышла из воды, покрытая сорусом озёрных водорослей, Ирвальд почувствовал, как кровь в жилах закипела, словно в разгар жесточайшей битвы. Больше всего соруса скопилось на волосках между бёдер — казалось, будто она сочится серебристым соком. Владыка понимал, что вот-вот и начнёт терять голову — это было диковинное чувство, которое ему не нравилось.

Когда Ярушка ушла, Ирвальд облегчённо вздохнул и рухнул в озеро прямо в одеянии.

Рыбки бросились врассыпную. Он яростно мотал головой, вытряхивая воду из волос, и тихо ругался, чувствуя, как тяжелеет намокшая одежда.

— Надо же, наша...

То самое место, из-за которого владыка так любил этот замок. Слуги не ходили сюда, зная, что это его святыня. А она наша...

Ирвальд выбрался из озера и разделся догола. Затем снова нырнул в воду, опустившись на самое дно. Когда он вынырнул на поверхность, его волосы пылали серебром. Собственное отражение в воде порадовало княжича.

Но, пора было заняться делами — пора завершить начатое до конца.

Спустя четверть часа Ирвальд, переодевшись в новое платье, оседлал ядохрыла и полетел в долину. Неподалёку от расщелины, идущей через врата в иной мир, раскинулся табор торговцев.

Несколько десятков шатров из крепкой парусины никогда не пустовали: торговцы постоянно прибывали, сменяя друг дружку, привозили товары из разных миров, выменивая их на зелье, чистое золото и серебро.

Вокруг табора сновали тени и стражи-зверолюды, зорко наблюдая за тем, чтобы никто не вывез из Межгорья чего не следовало.

Купить в купеческом таборе можно было всё, что угодно, и кого угодно. Про всё была своя цена. За некоторые товары можно было заплатить и жизнью. К примеру, если кто-то решался провезти младенца, то продавца лишали головы вместе с покупателем. Уж больно могучее колдовство творили на крови новорожденного ведьмы.

С появлением Ирвальда шум в таборе поутих. Торговцы замерли, заискивающе глядя на богатого покупателя, гадая, за какой диковинкой пожаловал владыка.

Ирвальд неторопливо прошёл через весь табор, остановившись возле уже знакомых ему торговцев. Маришка, еще довольно молодая цыганка, в ярких цветастых юбках, кокетливо подмигнула владыке. Муж её, Тадеуш, дородный светловолосый русич, подобострастно склонился, приветствуя Ирвальда.

— Чем можем угодить знатному княжичу?

— Нужна одежда, — Ирвальд покосился на толпу торговцев, вытянувших шеи, стараясь уловить каждое слово, и сделал знак Тадеушу. Тот мигом распахнул шатёр, пропуская его внутрь.

Юрей растянулся у входа в шатёр, распушив перья, отбивая охоту у любопытствующих подойти поближе и развесить уши.

— Женские платья. Обувь... и что там ещё может понадобиться знатной даме.

— У дамы есть предпочтения? — спросила Маришка.

— Наверное, — растерялся Ирвальд, — но я тебе доверяю.

— А сколько одежды?

— А сколько может понадобиться?

— У женщин обычно нет меры, — добродушно рассмеялся Тадеуш.

— Для начала стодитя несколько. Одно свадебное, — чуть тише добавил Ирвальд.

— А можно взглянуть на даму? — поинтересовалась цыганка.

— Зачем тебе?

— Нужно же знать, что искать. Девушки разные бывают — худые и не очень, высокие и такие, что в пупок мне дышат, — сказал Тадеуш, продолжая растекаться в улыбке.

— Она примерно, — Ирвальд приложил ладонь на два пальца до своего плеча, — не

худая в груди. Ступня с мою ладонь. Да, и волосы у неё почти такие же, как у твоей жены, волнистые, только светлее. Княжне не подобает ходить простоволосой. Позаботьтесь, чтобы было что предложить.

— Она из людей? — вдруг спросила Маришка. Тадеуш бросил на жену быстрый взгляд, полный гнева.

— Ты откуда знаешь? — спросил Ирвальд, кладя ладонь на рукоять меча, — не лги мне, цыганка.

— Да что тут скрывать! — Маришка пожала плечами, закутанными в пёстрый платок, — Шаринка на каждом углу болтает, что княжич приводил к ней девицу — красавицу с янтарными глазами.

— Что ещё болтает?

— Да ничего толкового.

— Не зли меня! — пригрозил Ирвальд.

— Что морок просил навести, — цыганка опустила глаза, должно быть, проклиная себя за излишнюю болтливость.

— Морок?

— Любовный...

Ирвальд со злостью пнул сундук, попавшийся ему под ноги. Ворох блестящих тканей разлетелся по шатру. Маришка стыдливо прикрыла уши, чтобы не слышать поток ругательств, совершенно неподобающих княжичу. Но было занятно слушать колдовскую брань. Что-то, а ругаться Маришка любила не хуже старого солдата.

— Три дня сроку! — рывкнул Ирвальд, швыряя Тадеушу кошелёк с золотом, и покинул шатёр. Позади раздался хлопок и всхлипывание — должно быть, Тадеуш отвесил жене хорошую оплеуху. Ирвальд усмехнулся: недалёкие бабы распускают язык почём зря, не мудрено, что глупость потом смывают слезами.

Или кровью...

Княжич щёлкнул пальцами, и ядокрыл вскочил на ноги, готовый к полёту. Ирвальд прыгнул ему на спину и легонько сжал бока.

— К пещерным ведьмам, — зло улыбнулся владыка. В груди клокотала ярость.

— Шаринка!

Голос Ирвальда разнёсся по всей пещере подобно раскату грома.

— Где ты, дура? Я же всё равно найду, — пригрозил княжич.

Ведьма не отзывалась, но он ясно слышал запах страха, круживший в воздухе. Запах становился сильнее, и вот его уже чуть ли не тошнило от зловония испуганной ведьмы. Ирвальд метался по пещере, разнося всю утварь в щепки. Но ведьма удачно спряталась, потому что зловоние стало утихать.

— Я сожгу твоё логово к дьяволу, — зарычал Ирвальд.

Глаза его сузились и стали ярко белыми. Два крошечных искрящихся шарика молний отделились от зрачков и взмыли в воздух. Столкнувшись, они разразились белым пламенем, стремительно пожиравшим всё вокруг — нехитрую мебель, коренья и даже стены. Пауки в углах скукожились, сгорая заживо. Летучие мыши запищали в агонии, махая пылающими крыльями. Владыка, криво усмехаясь, прошёл сквозь огонь к выходу из пещеры.

Спустя минуту на пороге показалась Шаринка. Лохмотья на ней пылали, ведьма истошно визжала, хлопая себя скрюченными ладонями. Десятки ведьмовских псов сбежались со всех холмов на запах поджаренной плоти и громко лаяли, подпрыгивая, вокруг

Шаринки, не решаясь наброситься на неё в присутствии владыки.

Ирвальд зарычал, показывая зубы, и свора скрылась за ближайшим холмом, наблюдая за ними из укрытия, готовые в любой момент сорваться и сожрать раненую ведьму.

— Твой отец, — прохрипела Шаринка, ползая на коленях.

— Полагаю, ему будут неинтересны твои оправдания. Так же, как и мне.

Ирвальд схватил Шаринку за волосы, намотал их на ладонь, приблизив лицо ведьмы вплотную к себе. Лёгкая голубая дымка сорвалась с его губ, проникая сквозь приоткрытый рот ведьмы. Плоть её перестала сочиться ранами и разгладилась, исцеляясь чарами владыки. Шаринка попыталась сложить губы в благодарной улыбке, но Ирвальд молниеносно ткнул её головой в землю и взмахнул мечом. Копна рыжих волос отлетела прочь, срубленная по самый корень.

Подумав, Ирвальд пнул Шаринку ногой, переворачивая на спину, с силой разжал упирающуюся ведьме зубы и отхватил кончик языка.

— Будь ты проклят! — захлёбываясь кровью, прошептала Шаринка, отползая назад к дымящейся пещере.

— Зря сотрясаешь воздух, ведьма, — сказал княжич, вытирая меч о траву, — лучше беги, пока я сдерживаю твоих псов.

Шаринка с трудом поднялась на ноги и побежала через поле, то и дело спотыкаясь и падая. Псы взвыли от бешенства — лишённая колдовской силы ведьма была лёгкой и желанной добычей, однако не тронулись с места. Ирвальд покачал головой — годы жестокости, голода и унижений, которым их подвергали ведьмы, поддерживали в сердцах прислужников неугасаемое пламя ненависти. Теперь вся стая будет охотиться на Шаринку, пока не разорвёт на части. Но ему не было жаль ведьму. Если та успеет окрепнуть и выжить, пока не отрастут волосы, то уж точно усвоит урок.

Силуэт ведьмы исчез среди густой полевой травы. Ирвальд вложил меч в ножны, готовясь вскочить на спину ядохрыла, как вдруг увидел, что Юрей лежит на земле, беспомощно дёргая крыльями. Тело скакуна было увито белой лозой, будто верёвкой, столь крепкой, что зверь даже не мог пошевелиться.

— Что за дьявол! — успел крикнуть Ирвальд прежде чем земля разверзлась под его ногами, и он покатился вниз, больно ударяясь о камни. Голова закружилась, глаза слипались от крови, струившейся со лба. Наконец, он упал на твёрдую ровную поверхность лицом вниз. Рот был полон пыли и осколков зубов. Ирвальд приподнялся на локтях, сплёвывая на землю, и отдышался. Затем перекатился на спину и осмотрелся: вокруг были каменные стены — голые, выщербленные временем, крошащиеся мелкими камешками. Пещера напоминала глубокий колодец, а он лежал на самом дне, чувствуя спиной каждый камешек, впивавшийся в кожу. Створки пещеры захлопнулись, отрезая солнечный свет и погружая владыку в кромешную тьму.

— Что за ловушку ты устроил, отец? — прошептал Ирвальд. Он не мог поверить, что Мораш накажет его за расправу над Шаринкой.

Хоть он и бросил вызов его покровительству, но ведь то взбалмошная ведьма, а Ирвальд — его сын. И пусть у отца достаточно жёсткие понятия о чести, Шаринка не стоила того, чтобы Ирвальд лежал здесь, как беспомощный червь, истерзанный в кровь. Княжич проглотил обиду и погрузился в морок, заклиная своё тело. На восстановление ушло достаточно сил, и он задремал, но сон его был тревожен. Ему снились руки — вывернутые, искалеченные, лишённые кожи, тянущиеся к нему из почвы, словно корни деревьев. Руки

хватали его, стремясь оторвать кусок плоти. Ирвальд вздрагивал от мерзости и просыпался, но после опять проваливался в сон.

Спустя некоторое время он открыл глаза, почувствовав себя достаточно окрепшим, чтобы попытаться выбраться из ловушки. Стены казались сплошными, так что единственный выход был наверху — откуда он и упал. Ирвальд сбросил с себя кафтан, закинул за плечо меч и стал карабкаться вверх.

Пещера оказалась невероятно глубокой. Ирвальд вскарабкался уже достаточно высоко, но выход казался всё дальше, будто пещера растягивалась.

— Проклятие преисподней! — воскликнул Ирвальд, повиснув на стене, чтобы немного отдышаться, — что за дьявольское место?

Внезапно стены задрожали. С самого дна послышались странные звуки. Ирвальд понял, что к нему кто-то приближается. Кто-то очень большой. Он посмотрел вниз и увидел восемь светящихся зелёных точек, расположившихся друг напротив друга. Точки приближались, симметрично покачиваясь и становясь всё больше. Ирвальд уже мог разглядеть тёмные пятна на яркой зелёной поверхности и вдруг с ужасом понял: это глаза.

Чудовище поднималось к нему, обдавая гнилым смрадом смерти. Звук его когтей, скребущих каменные стены, отдавался зловещим эхо в самую глубину пещеры.

Ирвальд что есть силы стал карабкаться вверх, но вдруг что-то липкое обхватило его ноги и швырнуло в противоположный бок. Он ударился спиной, раскинув руки, пытаясь зацепиться за что-нибудь, чтобы не рухнуть вниз. Запястья и щиколотки вмиг обхватила та же липкая верёвка и припечатала к стене.

«Паутина» — мелькнула догадка, и он почувствовал, как стынёт кровь в жилах. К нему приближался огромный паук.

Всего лишь несколько метров отделяли Ирвальда от хозяина зловещей пещеры. Паук тяжело переставлял лапы и, наконец, остановился, нависнув над Ирвальдом всем своим гигантским телом.

Ирвальд ещё не встречал в Межгорье столь огромных существ. Глаз паука был чуть меньше головы владыки, так что он мог видеть в нём собственное отражение.

— Страшно?

Ирвальд не слышал голоса — паук говорил с ним, проникая в голову, перебирая, будто кости, его мысли.

— От тебя несёт страхом...

Паук открыл целых три пасти, увенчанные усиками-щупальцами, и несколько раз выдохнул, издавая при этом булькающий звук. Ирвальд едва не задохнулся от смрада, повеявшего из глоток паука, и внезапно понял: тварь смеётся. Жалкий, униженный владыка, висит перед ним, распятый, как кролик, готовый к освежеванию, и это его веселит.

Сцепив зубы, Ирвальд собрал волю в кулак, и произнёс, глядя прямо в изумрудные глаза своей смерти.

— Ты, видно, питаешься падалью, тварь? Не много ль тебе чести схватить владыку?

— Гордыня — это то, что мне больше всего нравится в твоём роду, Кош, — равнодушно ответил паук.

— Что тебе надо?

— Немного свежей пищи.

— Не подавишься?

Паук не ответил. Щупальца зашевелились и прыснули в лицо Ирвальду слюной, жгучей,

как кипящее масло. Ирвальд не смог сдержать стон, вырвавшийся из горла — до того было больно. Он прикрыл веки, чтобы уберечь глаза.

Глаза... Его мощное оружие...

Ирвальд перевёл дух и пристально уставился на паука.

— Твоя магия не возьмёт меня, — рассмеялось чудовище, однако смех его вскоре поутих. Ирвальд не сводил с него глаз, сверля взглядом, проникая в самую суть.

Лапы паука затряслись и стали дёргаться невпопад. Чудовище засыпало. Один зелёный глаз закрылся, затем второй. И вот уже осталась лишь одна полуприкрытая зелёная щёлочка. Ирвальд продолжал колдовать, истекая потом в изнеможении, но паук неожиданно тряхнул головой, сбрасывая сонный морок.

— А ты ловкач!

Паук со всей силы ударил княжича лапой, покрытой шипами, по щеке. Кожа лопнула, покрываясь десятками мелких ран, сочащихся кровью. Паук поднёс лапу ко рту: из пасти вырвались сотни маленьких трубочек — язычков и принялись высасывать капельки крови. Ирвальд содрогнулся от отвращения.

Паук скривился, а зрачки зловеще сузились, превратившись в тоненькие полосочки. Из волосатого брюха выскользнул длинный тонкий щуп, блеснувший в воздухе острием, и вонзился прямо в сердце княжича. Ирвальд взвыл от боли. Пещера перед глазами внезапно залилась ярким светом и лопнула, рассыпавшись на тысячи осколков. Владыка чувствовал, как кровь покидает сердце, направляясь напрямиком в паучий желудок. Неужели такой будет его смерть — глупой, бесславной и, возможно, потерянной для семьи? Отец годами будет искать его тело, но сможет ли найти хотя бы кость, обглоданную смрадным чудовищем?

Ярушка, обнажённая, с серебристым холмиком между точёных бёдер, дурманящая кровь не хуже ведьмовского любовного зелья, кому достанется она?

Ярость заволокла пеленой глаза владыки. Ирвальд заревел, зарычал, изрыгая пламя — синие язычки вырывались отовсюду — изо рта, носа, ушей и глаз княжича. Пламя становилось всё выше, объяв паутину. Липкие волокна съёжились и начали таять. Ирвальд рванул паутину, освобождая правую руку. Паук надул щёки, готовясь выпустить ещё виток, но не успел — острый шип вонзился в один глаз, затем в другой.

Тварь завизжала, заливаясь изумрудной слизью. Между тем Ирвальд сподобился достать рукой меч и вонзил его глубоко между глаз паука. Чудовище громко выдохнуло ему в лицо, забрызгивая едкой слюной, но тотчас же сникло, сорвалось и полетело вниз. Зелёные огоньки глазниц исчезали один за другим, и под конец Ирвальд услышал громкий стук упавшего тела и треск разлетевшегося на части панциря паука.

Страхнув с лица зловонную жижу, Ирвальд смазал ею паутину, чтоб не была такая липкая, высвободил вторую руку и ноги, и стал карабкаться по паутине вверх. Высоко над ним показалась щель, сквозь которую пробивался свет. Он облегчённо вздохнул и ринулся вперед навстречу свободе.

Глава 18

— Никак не пойму, чем она тебе не угодила? — вслух размышлял Миклош, запихивая за щёки остатки тушёной гадюки. Коричневый жир сочился между пальцев, стекая по ладони на замызганные рукава. Коротышка с наслаждением облизал руки и даже высосал немного из рукавов.

Зельда покосилась на него и с отвращением швырнула поварёжкой.

— Сгинь!

Но Миклош и не подумал даже шевельнуться. Теперь он приступил к плошке, вылизывая жир с боков. При этом он громко плямкал, доводя каменную бабу до бешенства.

— Совсем молода и безропотна.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — буркнула Зельда, гремя посудой.

— У неё нет замашек всяких таких знатных дам. И она уж точно не задвинет тебя куда подальше, как это бы сделала любая здешняя княжна.

— Да уж, велика честь! Хозяин, видно, подобрал её в поле.

— Не скажи, — Миклош громко рыгнул и похлопал себя по животу, — в ней чувствуется порода. Манеры и всё такое. И она далеко не глупа.

Зельда промолчала, продолжая возиться с кухонной утварью, перекладывая её с места на место. Могучие плечи возмущённо подрагивали.

— Смотри, Зельда! — пригрозил Миклош, — не то хозяин укажет тебе твоё место.

— Никогда!

Каменная баба грозно рыкнула и стукнула по столу кулаком. Плошка с остатками пиршества высоко подпрыгнула, слетела со стола и покатила по полу.

— О да! — коротышка захлопал в ладоши, радуясь, что сумел-таки задеть за живое, — ты этого и боишься, правда? Невеста слишком красива для этих мест. И неиспорчена спесью. Хозяин точно потеряет голову!

— Гляди-ка лучше за своей! — прикрикнула Зельда, — или думаешь, я не вижу, как ты распустил слюни.

— Да сдалась она мне! — излишне бойко воскликнул Миклош. Голос предательски сорвался в писк. Коротышка смутился и соскочил с табуретки.

— Ты злая гримза, — рявкнул он напоследок.

— Иди себе, — прошептала Зельда и замерла, прижав огромные ладони к груди, — хороша, не к добру, хороша. И век её короток. Не будет счастья от такой жены...

Миклош покинул кухню и вприпрыжку помчался по коридорам замка, выискивая невесту владыки. Зачем ему понадобилось её видеть, он и сам не знал. Скорее всего, не хотелось маяться от безделья в одиночку. Не в конюшни же идти — там дел всегда невпроворот, да и Себрий за работой редко бывал добрым — всё норовил огреть батоном, чтоб не путался под ногами.

В замке невесты не оказалось. Тогда Миклош спустился в сад, где и нашёл Ярушку среди розовых кустов, напрочь облепленных пернатыми болтушками.

— А ну прочь к бесовой матери! — грозно крикнул коротышка.

Птички испуганно взвились, возмущённо осыпая его ругательствами. Миклош достал из-за пояса рогатку, и стайка болтушек мигом затерялась в кронах исполинских дубов.

Ярушка звонко рассмеялась. Смех её, девичий и нежный, звонким колокольчиком разлился по всему саду. Болтушки тоже захохотали, высунув любопытные мордочки из-под листьев.

— Ты забавный, — улыбнулась девушка, — обязательно было всех разгонять? Мы так мило беседовали.

— О чём можно говорить с глупой птицей?

— О том, о чём глупая птица не станет говорить с грубым мальчуганом.

— Я не мальчуган, — вскипел коротышка, покрываясь ярко-красными пятнами, — я в три раза старше тебя.

— Низкий поклон твоей мудрости!

Болтушки дружно закивали головками-ягодками и загалдели, перебивая друг дружку. Ярушка вновь рассмеялась, прикрыв лицо рукавом — уж больно потешно выглядел злобствующий коротышка. Волосы топорщились во все стороны, как усы у рыжего кота, а изо рта вырывались, лопаясь, разноцветные пузырьки.

Внезапно что-то спугнуло птичек с человеческими лицами. Они дружно охнули и сорвались в чашу, неистово голося. По ногам пробежал холодный ветерок, взметнув юбки девушки вверх. Ярушка стыдливо одёрнула платье и озадаченно посмотрела на Миклоша. Тот выглядел растерянным.

— Добра не жди, — прошептал он.

Ярушка протянула ему руку. Миклош вытер ладонь о штанину и осторожно, будто не веря своим глазам, дотронулся до её пальцев. Мягкая шелковистая кожа, пахнувшая розовым цветом и мятой. Коротышка вновь покраснел до кончиков ушей. Нос зачесался, и Миклош громко чихнул.

— Тише, — вдруг сказала Ярушка, сжимая ладонь, — кажется, здесь кто-то есть.

Розовые кусты зашелестели. Сквозь колючую поросль просочились белые стебли, заплетая всё вокруг причудливыми узорами.

— Идём, — едва слышно скомандовал Миклош. Однако уходить было поздно.

Из глубины сада показались четыре светящихся глаза, и на лужайку, ломая кусты, выскочил огромный белый пёс.

С первого же взгляда Ярушка поняла, что зверь пришёл не с добром. Шерсть его топорщилась, как у разъярённого кабана, две пары глаз метали молнии из-под злобно прищуренных век, пасть широко распахнута, обнажая два ряда длинных острых клыков.

Бежать было некуда, звать на помощь — бессмысленно. В один миг чудовище могло разорвать её пополам или проглотить целиком, пока кто-либо успеет добежать хотя бы до сада.

Если что она и успела усвоить в этом безумном мире, так это то, что в нём не было места страху. Страх был погильею. Поэтому Ярушка, глубоко вздохнув, призвала все свои силы, чтобы не бояться.

Она осторожно толкнула коротышку назад, закрывая собой, и улыбнулась зверю.

— Кто ты? — ласково спросила она.

Пёс не ответил, но глаза его перестали метать молнии.

— Ты не умеешь говорить? — предположила Ярушка, — не беда. Мы рады любым гостям.

Пёс неспеша обошёл вокруг неё, бесшумно ступая когтистыми лапами, величиной с доброе колесо от телеги, и громко сопел, втягивая воздух.

— Если ты покажешь, зачем пришёл, я смогу помочь, — настаивала Ярушка, продолжая улыбаться.

Пёс зарычал, но не злостно, скорее, по привычке. Шерсть на спине улеглась волнистыми прядями, сверкая на солнце серебром.

— Может, хочешь немного моей крови? — неожиданно предложила Ярушка и осторожно достала из-за пояса булавку. Быстро кольнула себя в запястье и протянула руку прямо под нос чудищу. Ручеек алой крови змейкой струился по ладони, капая на землю.

Пёс заволновался, заскулил, принюхиваясь, и несмело вильнул хвостом. Затем с жадностью облизал ладонь, смакуя каждую капельку крови, покуда она не перестала течь. Затем громко залаял и завертелся волчком, норovia ухватить себя за хвост.

Буйство длилось недолго. Спустя несколько минут зверь успокоился, зыркнул на девушку двумя парами горящих глаз и попятился назад в глубину сада. Белые корни, расплетаясь, уползали вслед за ним.

— Вот те на! — только и смог выговорить Миклош, выглядывая из-за спины Ярушки. Девушка стояла ни живая, ни мёртвая, бледная, как солнце в грозное утро, и прижимала к сердцу ладонь.

— Зачем ты позволила ему отведать крови? — коротышка нахмурил брови.

— Здесь её любят, — прошептала Ярушка.

— Следует рассказать хозяину, когда вернётся.

— Когда вернётся, — эхом повторила Ярушка, опускаясь на землю, — когда вернётся...

— Эй, — Миклош наклонился и похлопал по её щекам, — вставай, пора убираться.

— Да.

Ярушка, будто во сне, поднялась на колени, затем во весь рост, и, спотыкаясь, побрела к замку. Коротышка только мог догадываться, насколько ей было страшно, и сколько сил ушло на то, чтобы улыбаться чудищу. А ещё она укрыла его за собой, как беспомощное дитя. Это было горше всего.

Миклош готов был разрыдаться от обиды.

Ладонь девушки безвольно болталась у бедра. Коротышка заскрипел зубами от злости и неожиданно для самого себя цапнул Ярушку за руку — больно, до крови. Она охнула, приходя в себя, и изумлённо уставилась на Миклоша, потирая укушенную ладонь.

Он больше не мог сдерживать слёз и умчался, сломя голову, куда глаза глядят, оставив Ярушку одну перед входом в замок.

Навстречу уже спешил Себрий — скакуны, почуяв незваного гостя, заволновались и подняли шум. Миклош прошмыгнул мимо него и скрылся в глубине сада.

Глава 19

Тиран Лаорт задумчиво сидел перед зеркалом, наблюдая за тем, как владыка извивается в предсмертной агонии, отдавая жизнь — каплю за каплей — в прожорливое тело паука. Ирвальд был ловок и силён. И столь же безрассуден и бесстрашен. Ярость не оставила его даже на смертном одре. И это было забавно...

Лаорт царил в подземельях Гор почти тысячу лет, и мало что могло его позабавить. Владык он не любил — также как и большую часть обитателей Межгорья. Но с ними приходилось считаться.

Лаорт злобно сжал кулак, а в глазах сверкнуло презрение. Тысячи лет длилась война тиранов, владык и хранителей. Тысячи лет пьянящих побед и бесславных поражений, наполненных смыслом и красотой неизбежной гибели, пока, наконец, земля не содроглась, отказываясь принимать души сражённых воинов, и солнце поглотило их, иссушив источник силы тиранов до последней капли.

Солнце навсегда изменило тиранов, сделав их тела уязвимыми. Даже крошечный лучик, упавший на кожу, причинял невыносимую боль. Агония была столь ужасной, что некоторые сходили с ума, опалённые солнечными лучами, и молили о смерти. Но солнце могло убивать их годами, испепеляя слой за слоем восстанавливавшуюся плоть.

Тираны навсегда ушли в подземелье, заключив перемирие с владыками. Бессмысленно было сражаться за то, что больше не могло им принадлежать.

Владыки стали важным союзником, как оплот между тиранами и хранителями, не пожелавшими заключать перемирие. И пусть небесные упрямы не представляли особой

угрозы, их мелкие нападки причиняли тиранам множество неудобств.

Горы невольно оберегали тиранов, а владыки отправляли в источник немало живительных душ.

Несколько сотен лет Лаорт зорко следил за источником, заботясь о том, чтобы тот был полон. Жизнь кипела, бурлила в его голубоватых водах, наполняя сердце тирана умиротворением. И всё же Лаорт скучал по битвам. Наблюдая, как княжич борется из последних сил, призывая пламя Гор, тиран жалел, что не стоит напротив него с обнажённым клинком.

Его размышления прервало появление пса. Белый зверь раболепно распластал по полу свою тушу и полз, поскуливая и виляя хвостом.

— Стожар, — Лаорт снисходительно улыбнулся, позволив псу облизать свои босые ступни. Как вдруг что-то привлекло его внимание. Он приподнялся из кресла и втянул носом запах, идущий из собачьей пасти.

— Кровь девственницы?

Пёс заскулил, вымаливая прощение хозяина, и жалобно распахнул все четыре глаза.

— Владыка не тронул её, — пробормотал Лаорт, поигрывая кончиками пальцев по нижней губе. Это слегка озадачивало. Он привык считать, что владыки совокупляли всех без разбору, но, видать, столетия мирной жизни приструнили их блудный нрав. Или же Лаорт, ослеплённый презрением, судил неверно. Но это кое-что меняло.

— Довольно, Вилчур!

Тиран повернулся к зеркалу и замер в недоумении. Он увидел, как Ирвальд раздвигает мечом расщелину в потолке пещеры. Солнечный свет озарил его измученное лицо в потоках зелёной слизи, и владыка выбрался на поверхность.

Лаорт вскочил с кресла и подбежал к зеркалу, ища глазами Вилчура. Огромное тело паука лежало на дне пещеры. Источник бурлил, принимая новую жизнь.

— Я не думал, что он настолько силён, — восхищённо воскликнул Лаорт, — пожалуй, всё случится несколько иначе...

Ирвальд выполз из расщелины и в изнеможении упал на траву, жадно глотая чистый воздух. Тело сотрясилось в конвульсиях, а сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Он так и лежал, раскинув руки, пока вечерняя заря не позолотила небо россыпью далёких звёзд. Раны затягивались медленно, но боль стала утихать.

Небо поглотила ночь, густо намешав тёмно-синие краски, и нависла над ним, пристально глядя единственным глазом луны.

Ирвальд почувствовал, как по щеке стекают прохладные капли. Он повернул голову и увидел Юрея. В клюве у ядохрыла было ведро, из которого он поливал владыку. Глаза зверя блестели в лунном свете, взгляд казался туманным. Заметив, что Ирвальд смотрит на него, ядохрыл швырнул ведро на землю и радостно заклекотал, хлопая крыльями.

— Я ещё жив, приятель, — смог прошептать Ирвальд, — помоги... подняться.

Ядохрыл наклонил голову, позволив ему ухватиться за шею, и осторожно поднял. Ирвальд, шатаясь, забрался на него верхом. Ядохрыл неторопливо побрёл к озеру, откуда черпал воду. Ирвальд почуял источник, волосы на голове зашевелились и встали дыбом. Он нетерпеливо сполз со спины ядохрыла и погрузился в озеро целиком.

Вода целила его, наполняя силой разорванные мышцы. Волосы неистово трепетали, поглощая чистую, как утренняя роса, влагу. Ирвальд вынырнул, чтобы глотнуть воздуха, и вновь опустился на дно, позволяя воде вершить своё колдовство.

Уже на рассвете он, наконец, вылез на берег и забылся сном. Верный скакун лежал рядом, не смыкая глаз. Перья его топорщились в бессильной ярости, а клюв скрежетал, сдерживая крик негодования. Он готов был прикончить любую тварь, рискнувшую потревожить сон хозяина, и обитатели долины с опаской обходили озеро стороной.

Ирвальд проспал целый день, а проснувшись, почувствовал, что силы почти вернулись. Он даже сумел рассмеяться и взлохматил перья Юрея на макушке — чего скакун страшно не любил.

— Жаль, что нельзя вернуться и раздобыть трофей. Повесить в обеденной зале, чтоб была охота поменьше жрать.

Ядокрыл возмущённо крикнул и захлопал крыльями, вспушивая волосы владыки.

— Да не бойся, я не стану туда соваться.

Ирвальд присел на корточки и стал начищать меч. Лезвие было покрыто густой кровью паука, успевшей намертво присохнуть. От неё до сих пор исходил смрад, и княжич поразился, что желудок его был пуст.

— Вид у тебя, однако! — раздался позади голос отца.

Ирвальд повернул голову и посмотрел на него исподлобья, но ничего не сказал и продолжил возиться с мечом.

— Во что ты ввязался? — спросил Моращ, — ты даже не почувял, как я приблизился. Враг уже снёс бы твою голову с плеч.

— У тебя за спиной ядокрыл, — заметил Ирвальд.

— От него проку мало, — недовольно сказал Моращ, — скачет, как оголтелый.

— Не стану спорить, что тебя он узнает по запаху.

— Где твоя одежда, Ирвальд? Ты не можешь бродить, как оборванец. И что за мерзостью от тебя несёт?

— Ведьма оказалась коварной, — сверкнув глазами, ответил Ирвальд. Губы его сложились в плотоядной улыбке, которая всегда бесила отца.

— Это ты так отделал Шаринку?

— Думаешь, кто-то другой бы посмел?

— На что она тебе сдалась? Глупая баба.

— Но и ты, видать, не забыл к ней дорогу.

— Слово покровителя, — пожал плечами Моращ, продолжая буравить сына взглядом. Его не так-то легко было сбить с толку, — что там стряслось?

— Болтала много дурным языком.

— Мне нет дела до болтовни, Ирвальд! Что с тобой?

Моращ положил руку на грудь сына и содрогнулся. Ирвальд с изумлением увидел, как в глазах старого князя промелькнул ужас.

— Сынок, — прошептал Моращ, проводя обеими ладонями по щекам Ирвальда, — твоё сердце... В нём дыра...

— Она почти затянулась, — Ирвальд попытался усмехнуться, но получилось неважно.

— Сядь, я тебя исцелю.

Княжич послушно опустил на траву, а Моращ зарылся скрюченными пальцами в волосы сына, шепча заклинание, передающее силу от владыки к владыке. Пальцы его слабели, а Ирвальд вновь почувствовал лёгкость в груди.

— Спасибо, — сказал он отцу, освобождаясь.

— Ведьма не могла сотворить такое! Разве только ты доверился ей, приняв зелье?

— Нет такого зелья, чтобы я принял его от Шаринки, отец. Это был паук.

— Какой паук? — удивился Мораш.

— Огромный. Я бы смог станцевать у него в желудке.

— В этих краях не слышали про таких пауков, — Мораш задумчиво погладил подбородок.

— Значит, мне привиделось, — скривился Ирвальд.

— Лишь в преисподней водится крупная тварь.

— Я не был в преисподней, — заверил его Ирвальд, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. Он мог и сам догадаться, что провалившись под землю, мог угодить напрямик туда. Но разве мог путь в самую из ужаснейших обитателей быть настолько прост? Княжич всё же не мог в это поверить.

— Пора прекратить шляться, где попало. Не забывай о своём долге, младший владыка!

— Да... Отец. Я нашёл себе невесту, — немного смущаясь, сказал Ирвальд.

— Вот как? — обрадовался Мораш, и глаза его засияли, — из чьего она рода?

— Это важно?

— Ведьма? — глаза Мораша потемнели.

— Нет.

— Да что ты тянешь, Ирвальд?

— Сам увидишь, — улыбнулся княжич, — свадьба на новолуние.

— Надеюсь, она скоро понесёт.

— О небеса, князь! Я всё ж твой сын, а не племенной жеребец. Или мне покрыть её и исчезнуть восвосяи?

— Твой долг сохранить род владык. И я хочу увидеть внука раньше, чем водопад Забвения.

На этом отец с сыном расстались. Каждый полетел в свою сторону. Ирвальд направил Юрея к замку и сделал несколько кругов вокруг Горы, пока не наступила темнота. В иной день он, не мешкая, вернулся бы домой в любом виде. Но сейчас он не хотел, чтобы Ярушка видела его оборванным и истощённым.

Между тем в окнах замка горел свет, а подлетев поближе, Ирвальд услышал шумные голоса. Княжич подвёл ядкрыла вплотную к стене и заглянул в окно.

В обеденной зале царило оживление. Себрий скакал возле камина, судя по всему изображая зверя, пару десятков болтушек кучкой сидели на спинках стульев и звонко щелкали. Всюду толпились тени. И даже громоздкая Зельда восседала в углу с недовольным видом и плела что-то из длинных тонких прутьев.

Ярушка заняла тот же стул, что ей изначально показал Миклош. Она сидела, положив подбородок на сложенные в замок ладони, и улыбалась, глядя на весь этот балаган. Очевидно, им всем было весело, и Ирвальд неожиданно ощутил то самое странное чувство, с привкусом горечи и наслаждения, которое испытал возле пещерного озера. Подавив острое желание разогнать всех к дьяволу, Ирвальд пристально посмотрел на Зельду. Каменная баба почувствовала его взгляд, отложила плетение и тихо покинула зал.

Не говоря ни слова, она собрала ужин на кухонном столе и, пока Ирвальд поглощал еду с жадностью изголодавшего зверя, принесла ему чистую одежду и гребень для волос.

Насытившись, он оделся и причесал длинные пряди. Однако к тому времени обеденный зал опустел. Ярушка отправилась спать, и Ирвальду ничего другого не оставалось, как последовать её примеру.

Наутро к замку прибыли торговцы. Тадеуш с женой привезли немало всякой всячины. Ирвальд с лёгким недоумением рассматривал ворохи бабских хитрых штучек, гадая, куда это все девать.

Тени проворно утащили тюки с одеждой наверх, в комнату невесты. Ярушка с восхищением смотрела на блестящие платья их дорогой парчи, хлопая в ладоши, словно дитя.

— Господь всемогущий, Хна! У меня никогда не было таких одеяний.

Она сбросила с себя уже успевшее надоесть платье Зельды и выбрала новое, синего цвета, украшенное чёрным бисером. Хна помогла ей справиться с завязками.

Ярушка крутилась перед зеркалом, прикладывая одно за другим остальные платья.

— Так много? — несколько смущённая пробормотала она. Ей стало неловко. Столько чести ради того, чтобы взять в жёны невесту без приданого.

Видно, её лицо заметно погрузтело, потому что Зельда, угрюмо взиравшая на всё это великолепие, внезапно оказалась рядом и дёрнула её за локоть.

— После свадьбы твой муж станет князем. Помни об этом. И принимай всё, что тебе положено, с достоинством.

— Ирвальд очень щедр, — прошептала Ярушка.

— Это не подарки, — сказала Зельда, — ты в княжеском доме.

Ярушка не нашлась, что сказать. Каменная баба угнетала её, то и дело упрекая по мелочам, нарочно подчёркивая свою нелюбовь. Ярушка не знала, чем заслужила такую немилость. Но в то же время она понимала, что придётся смириться. Зельда пользовалась особым расположением в доме — это было заметно уже хоть по тому, что никто из слуг не осмеливался ей перечить, хотя в отсутствие Ирвальда многие стремились показать свой нрав. Пожалуй, только Миклош не сильно её боялся.

Коротышку не видно было уже который день. Ярушка подозревала, что он боится, что она пожалуется Ирвальду на его вольности. Но она не собиралась этого делать. Шлейф неприятностей тянулся за ней, как за кобылой хвост, и Ярушке не хотелось раздувать ещё один костёр из тлеющих угольков. Она уговорила Себрия хранить всё в тайне, и он, после недолгих колебаний, согласился. Он тоже опасался гнева хозяина за то, что сумел прощёлкать зверя до того, как он забрался в сад. Поэтому все молчали.

— А та, которая выбирала платья, тоже здесь? — вдруг спросила Ярушка

— Зачем тебе? — Зельда удивлённо нахмурила брови.

— Пусть придёт, — велела Ярушка, обращаясь к Хне.

Зельда промолчала. Могучая грудь всколыхнулась от возмущения, а губы плотно сжались, превратившись в ровную борозду.

Хна шепнула хозяину пожелание Ярушки. Ирвальд удивился, но возражать не стал. Цыганка проворно поспешила вслед за тенью, с интересом рассматривая стены замка, в котором отродясь не была. Не то, чтобы обитель княжича купалась в роскоши, но дух величия определённо присутствовал, отчего по коже пробежали мурашки.

Маришка ахнула, увидев невесту княжича. На своём веку она повстречала немало пригожих девиц. Но в этот раз злобный язык Шаринки сумел-таки подобрать верные краски: девушка была красавицей — такой, что даже завидовать было не с руки.

Ярушка приветливо улыбнулась цыганке. Зубы её были ровные, белые, как бусинки жемчуга. Маришка вдруг вспомнила о грядущей свадьбе, и по телу пробежал озноб. Владыка и эта красавица...

Представить себе синюшные пальцы, увенчанные когтями, на нежном светящемся бархате девичьей кожи...

Интересно, сколько зелья наготовила ведьма, чтобы невеста так улыбалась?

— Ты сама выбирала? — спросила Ярушка цыганку.

— Кто ж ещё? — усмехнулась Маришка, — цвета Синих владых, всё, как положено.

— Мне подходит твой вкус.

Маришка пожала плечами, довольная похвалой.

— Ты умеешь укладывать волосы? Я поняла, что косы здесь не плетут, а ничего другого я не умею.

— Почему же? Многие бы заплели. Но сложно соорудить красоту, если на голове — дратина. Госпожа видела ведьм?

— Случалось, — подмигнула ей девушка.

— Но гоже ли цыганке дотрагиваться до волос княжны? — осторожно спросила Маришка.

— Мы ведь обе нездешние, — сказала Яриушка, усаживаясь в кресло перед зеркалом и протягивая цыганке гребень, — мне бы хотелось иногда поглядывать на прежний мир хоть одним глазком.

Маришка понимающе кивнула и взяла гребень. По части волос она была мастерица, так что невеста не прогадала. И водить дружбу с княжной — слыхано ли про такую честь для обычной цыганки-полукровки? Маришка была дочерью балаганной танцовщицы и заезжего купца, отвесившего за щедрые ласки матери кошель монет и сгинувшего восвояси. Обычно таких, как она, обходили десятой дорогой, а матери прятали детей за юбками, опасаясь сглаза. А здесь ей вручили гребень и доверили самое ценное — молодой волос, за пучок которого любая ведьма готова отвалить солидный куш.

Но Маришка не глупа и не станет гневить владыку. У Кошей глаза везде, где только простираются Синие Горы.

Глава 20

Новолуние наступило быстро — не успели и глазом моргнуть. Свадьба ожидалась скромной, однако Ирвальд и не догадывался, что понятия скромности старших владык могут отличаться от его собственных. Семейство Кошей заполонило замок — отец, его братья, их жёны и дочери, а также их слуги сновали повсюду, создавая много излишней суеты.

Какого-то дьявола пожаловали хранители, включая Отраду — вот уж кого Ирвальд точно не хотел видеть в день своей свадьбы.

— Отец, с чего вдруг небесные оказали такую честь? — недовольно спросил он Мораша.

— Это Калеш, — хмыкнул Мораш, — не знаю, что озарило его светлую голову. Может, у него были планы, которые ты нарушил?

— Меня не касаются его планы.

— Значит, он просто их пригласил.

— Ну, конечно же, — хмыкнул Ирвальд, нервно теребя прядь волос.

— Где же твоя невеста? Все сгорают от нетерпения, — раздался позади сладкий женский голос. Отрада подошла незаметно, так что владыки переглянулись, гадая, слышала ли она их разговор.

Девушка кокетливо улыбалась, хитро взмахивая густыми ресницами. Но улыбка вдруг погасла, глаза сузились, став похожими на щёлочки, готовые метнуть молнии.

Ирвальд догадался, что Ярушка вошла в зал — хотя бы потому, что стало тихо.

Десятки глаз уставились на невесту. Ирвальд кожей чувствовал волнение, вызвавшее в крови присутствующих мужчин, и пламя зависти, встрепенувшееся в женских сердцах. Интересно, каково сейчас Ярушке под этими взглядами? Это дитя, должно быть, совсем растерялось.

Ирвальд вышел навстречу невесте с улыбкой, едва затрагивающей кончики губ. Как он и ожидал, Ярушка искала его в толпе, а глаза её были широко распахнуты от страха. Встретившись с ним взглядом, девушка вздохнула от облегчения, по щекам разлился румянец.

Ирвальд застыл на месте, будто прирос ступнями к каменному полу. Он не хотел, чтобы невеста приближалась — только не сейчас, когда наваждение сковало все его члены, мешая двигаться. Странное дело — он настолько привык видеть её растрёпанной, в простых одеждах, что не сразу узнал в пышном свадебном наряде. То была невероятно красивая незнакомка, плывущая к нему из самых похотливых сновидений.

Ярушка была одета в платье цвета утреннего неба, украшенного серебром. Белые кружева нижних юбок подчёркивали яркую голубизну наряда, отчего казалось, будто она скользит по облакам. Волосы собраны на затылке в причудливый узор, украшенный синими цветами с дрожащими на лепестках серебряными капельками. Длинная прядь спускалась на одно плечо, подчёркивая гибкую белую шею. Серебряные сережки, ожерелье из горных алмазов сверкали, отражаясь искорками в янтарных глазах.

Ирвальд только и сумел, что подать ей руку, двигаясь, будто во сне, и повёл её по семейному кругу, кланяясь каждому из старших владык, принимая их благословения.

Затем, согласно обычаю, Ирвальд взял обе её ладони в свои и сказал — громко, чтобы услышали все прибывшие на свадьбу гости:

— Я выбрал тебя в жёны. Согласна ли ты делить со мной радости и невзгоды, стать матерью моих детей и принять обязанности, возложенные на жену княжича?

— Согласна, — голос Ярушки срывался от волнения, но всё ж прозвучал достаточно громко.

— Обещаешь ли ты быть верной чести владык Синих Гор?

— Обещаю.

— Тогда я нарекаю тебя своей женой — перед лицом семьи и почётных гостей этого замка.

Ирвальд приблизил свои губы к её губам и едва прикоснулся в поцелуе. Она была удивительно тёплая и мягкая, благоухала весенним разнотравьем. После поцелуя, девушка смущённо отстранилась, должно быть, чувствуя себя неловко. Ирвальду и самому стало не по себе — жарко от охватившей всё тело страсти, и досадно от того, что вокруг полно шумных, любопытных гостей.

Едва их руки разъединились, тотчас же заиграла музыка, начались танцы. Тени сновали повсюду с разносами, полными всевозможных яств и напитков. Калеш подошёл к Ирвальду, похлопал по плечу и, залихватски улыбаясь, попросил подарить ему первый танец с невестой.

— Первый танец полагается отцу, — заметил Ирвальд.

Но Мораш махнул рукой и кивнул. Ярушка бросила на Ирвальда испуганный взгляд, но Калеш уже увлёк её за талию и повёл в толпу гостей.

— Я узнал этот запах, — сказал Мораш, как только их оставили одних, — вот значит,

какой плащ ты купил у торговцев.

— Хвала твоей памяти, отец.

— О чём ты только думал, сын мой? — сухие растрескавшиеся губы старого владыки дрожали, а глаза были полны горечи.

— Чем она тебе не приглянулась? — искренне удивился Ирвальд.

— Да всем! У меня уже была человеческая жена... Тебе ли не знать, чем это всё закончилось. Ты не сможешь вечно держать её в мороке.

— Я и не держу, — сухо сказал Ирвальд.

— Ты хочешь сказать, что она добровольно стала твоей?

— Да, она могла отказаться. Но согласилась.

Мораш задумчиво посмотрел в сторону танцующих. Невеста выглядела немного растерянной, но держалась вполне достойно. Калеш, старый дьявол, ловко кружил её в танце, который, очевидно, был для неё в новинку — девушка то и дело не попадала в такт, тыкаясь носом ему в грудь. Но это было поправимо.

— Смотри, не пускай её в своё сердце, Ирвальд, — мрачно произнёс Мораш, — век её недолог. А новая жена может не быть столь красивой.

— Мы только поженились, а ты уже справляешь её кончину? Отец!

— Лишь раз в жизни я видел красавицу, равную ей, сынок... И поверь мне, это не так просто стереть из памяти.

— Я не стану об этом думать, — лицо Ирвальда потемнело, на скулах заиграли желваки, — и не собираюсь никому отдавать своё сердце.

— Это правильная мысль, — похвалил его Мораш, — главное, не забудь её.

— Спасибо за наставления, — Ирвальд уже пылал от гнева.

— Я беспокоюсь, сын.

— Я понял. Но это пустое. Мне пора — я должен потанцевать с женой.

Ирвальд торопливо покинул отца и, скрипя зубами, принялся высматривать новоиспеченную хозяйку замка в толпе гостей.

— Ты часом не нас ищешь? — раздался за спиной голос Калеша.

— Да.

— Вот, передаю руку невесты мужу.

Старший владыка широко улыбался. Однако улыбка его выглядела зловещей — морщины избороздили худое лицо, делая его похожим на потрескавшийся кувшин. Губы уже не покрывали клыки, и они торчали, как у оскалившегося пса. Говорили, что когда-то Калеш считался одним из немногих красивых владык, но сейчас тяжело было в это поверить. От былого величия старику остался лишь рост — на добрых полголовы выше любого из гостей, да прямая не по годам осанка.

Ярушка поспешно высвободила пальцы из ладони Калеша и встала рядом с мужем. На лице было написано облегчение. Ирвальд видел, что она напугана, но к чести своей, старалась не подавать виду.

— Я хотел бы ещё кое-что добавить, Ирвальд, — торжественно сказал Калеш и поднял вверх правую руку, призывая к тишине. Музыка смолкла, а гости обернулись к старшему владыке.

— Уже много веков Горами правят четыре князя. Так повелось у наших дедов, и наших отцов, и так будет у наших детей и внуков. Наш младший брат Орвилл безвременно покинул этот мир. И Синие Горы готовы принять нового князя!

Гости захлопали в ладоши, а три князя Кош подняли вверх свои мечи в знак уважения к новому титулу Ирвальда. Младший владыка достал из ножен меч и подошёл к остальным князьям. Четыре острия соединились в одной точке, как четыре стороны света. Мужчины семейства Кош дружно ударили себя левым кулаком в грудь и зарычали. Глаза засверкали, а из открытых ртов выплеснулось пламя. Стены замка содрогнулись от грозного боевого клича, вырвавшегося из глоток владык. Клич Ирвальда звучал громче всех.

В праздничном зале начался хаос. Женщины громко приветствовали князей, слуги пританцовывали, улюлюкая. Под потолком, откуда ни возьмись, закружились летучие мыши, хлопая крыльями и радостно вереща.

Совсем рядом с невестой раздался протяжный волчий вой. Ярушка вздрогнула и схватилась за горло. Едва дыша, она повернула голову и увидела Себрия, гордо скалившего зубы. Он снова завыл, с наслаждением прикрыв глаза. Едва вой стих, он поклонился новой хозяйке, улыбаясь во весь рот, однако слова застряли в глотке, едва он увидел, что она бела, как полотно.

— Простите, — только и смог прошептать он, проклиная себя, на чём свет стоит. Он и забыл, что для Ярушки всё происходящее — в новинку. Хороша будет невеста, испуганная до полусмерти в первую брачную ночь.

— Князь, князь! — тихонько окликнул Себрий Ирвальда, добравшись до него сквозь толпу, — думается мне, вам стоит пойти к невесте.

— Уже иду, — ликующе воскликнул Ирвальд и, схватив с разноса скользящей рядом тени кубок, в один глоток осушил его.

Вид Ирвальда, взъерошенного, в сверкающих голубых одеждах, расшитых серебром под стать её свадебному наряду, с горящими синим пламенем глазами и клыками, торчащими из-под слегка приподнятой верхней губы, привёл её в ужас.

Ярушка никогда не видела его таким. В ушах до сих пор стоял его клич — громче и яростней, чем у самого лютого зверя.

Ирвальд заметил, как изменилось лицо невесты, и радость его померкла.

В голову совершенно некстати закрались слова Мораша. Как же он был глуп, взяв жену из мира людей! Она здесь чужая. И уже в день собственной свадьбы смотрит на него, как на чудовище.

А ведь он и есть чудовище!

Яростное, безрассудное.

И как только он мог поверить, что это дитя примет его как мужа?

Как всё же некстати Калеш объявил его князем. Быть может, ей стоило ещё немного привыкнуть...

— Сын мой! — тяжёлая рука Калеша легла на его плечо, — у меня нет своих детей. Ты теперь наш единственный сын.

Ирвальд грустно усмехнулся, закатив глаза к потолку, затем тряхнул головой, сбрасывая пелену тоскливых мыслей, и повернулся к старику.

— Теперь это принадлежит тебе.

Калеш протянул ему кольцо верховного владыки — главный символ владычества, который передавался первенцами рода своим первенцам. Было строго запрещено передавать его младшим владыкам.

— Но я не могу принять такой дар! — воскликнул Ирвальд, однако сердце уже наполнилось ликованием.

— Ты единственный первенец. И это кольцо перейдёт твоему сыну. Я всё сказал.

Калеш замолчал, глядя на него исподлобья, давая понять, что разговор окончен, и кольца он обратно не возьмёт. Ирвальд склонил голову, позволив старшему владыке коснуться лбом своего лба, и надел кольцо на палец.

Кольцо было древним, покрытым орнаментом, разгадать который, пожалуй, уже не мог никто. Золото потемнело от времени, а синие кристаллы истёрлись, но всё же это был знатный символ рода.

Ирвальд сжал ладонь в кулак и снова разжал, любясь украшением. Кольцо плотно обхватило палец, словно было выковано по его руке.

Ирвальд искал глазами отца. Мораш стоял неподалёку и выглядел немного растерянным. Видно, Калеш не посвящал братьев в свои планы. Или же отца мучила ревность — ведь он не мог оказать сыну такой почести.

Затем Ирвальд опять вспомнил про невесту. В этой суматохе он совершенно потерял её из виду. Он бросился искать её по всему залу и нашёл в компании хранителей небес. Отрада что-то рассказывала Ярушке, важно задрав подбородок кверху, норовя подчеркнуть своё превосходство. На лице жены была написана скука, и у Ирвальда отлегло от сердца. Только дьявол знал, чего могла наговорить ей вероломная хранительница, но, похоже, Ярушка совсем её не слушала, думая о своём.

— Позвольте, я похищу свою жену, — вежливо поклонился Ирвальд, уводя Ярушку за собой. Она благодарно сжала его ладонь холодными пальцами.

— Устала? — спросил Ирвальд.

— Немного. Примите мои поздравления. К сожалению, я не умею так громко радоваться, как остальные. Но я счастлива за вас.

— Благодарю, — сквозь зубы процедил Ирвальд.

Он задумался над тем, как она примет его этой ночью. И что будет с ней, когда наступит утро. Понимает ли это дитя, что он уже не просто добрый молодец, который от нечего делать вызвался спасти её из передраг?

Что если отец прав, и жена вовсе не готова его принять? Быть может, поэтому её взгляд столь доверчив и бесхитроsten, потому что она уверена — Ирвальд не причинит ей вреда.

Задумывалась ли она о супружеском ложе? Он сомневался, и это угнетало со страшной силой.

Ирвальд мотнул головой, хмурия брови. Настроение было испорчено, и всё, чего ему сейчас хотелось — это взмыть высоко в небеса и, затерявшись за облаками, забыться в порывах ледяного ветра...

Ярушка едва дождалась, пока свадебное торжество подошло к концу. Зельда и несколько теней проводили её в опочивальню, подготовленную для молодожёнов. Там было очень красиво — огромное ложе, накрытое голубым покрывалом с вышитыми золотом бутонами роз, стены задрапированы полупрозрачной тканью, переливающейся при свете факелов. По углам были расставлены чаши с благовониями, источавшими дивный аромат.

Тени помогли ей раздеться и надеть тонкую, как паутина, сорочку. Ярушка беспомощно сжалась в комочек, дрожа, как осиновый лист. Руки отказывались слушаться, ноги подгибались от страха.

Тени, наконец, исчезли. Зельда тоже ушла, как всегда, неодобрительно бурча себе под нос, и Ярушка осталась одна. Она в ужасе забралась под покрывало и прижала колени к груди. Ей было страшно.

Существа, которых сегодня довелось увидеть, были ужасны. Эти лица с клыками, эти зловещие взгляды, не сулящие ничего хорошего, эти дикие неистовые вопли...

Ирвальд принадлежал к этим существам, и только сейчас она это поняла.

И с ужасом ждала, когда он придёт, чтобы продемонстрировать ей ещё одну свою сущность. Ярушка не знала, как быть, и что делать. Будет ли он неистов и поставит её на колени, чтобы овладеть с той же яростью, с какой изрыгал пламя, раздирая спину острыми когтями? Она вдруг вспомнила, как Ирвальд потрошил рыбу — ловкими, точными движениями разрезая плоть, словно бритвой.

Ярушке вдруг стало так страшно, что она была готова умереть. Не в силах больше сдерживаться, она заплакала, уткнувшись в подушку. И даже не заметила, как уснула.

Глава 21

Солнце пробудило спящую красавицу первыми лучами. Ярушка приподнялась на локтях, удивлённо озираясь по сторонам, пока, наконец, не вспомнила, где находится.

Ирвальд так и не пришёл.

Она вздохнула с облегчением и воздела руки к небу, благодаря Всевышнего за оказанную милость. Она вряд ли бы пережила эту брачную ночь.

Ярушка слезла с кровати и открыла шкаф. Вся её одежда была аккуратно сложена тенями. Выбрав платье попроще, она скинула сорочку и оделась. Пальцы уже приноровились к завязкам на платьях, и Ярушка вполне справилась без теней.

Она поправила волосы, радуясь, что не сильно повредила свадебную причёску. Разве что цветы примялись и остались лежать на подушке, но то была небольшая беда.

Главное, что гости разъехались — Ярушка больше не слышала клёкота ядохрылов, шумных перебранок слуг. Замок тихо просыпался, встречая новый день.

Где, интересно, провёл ночь её муж?

Ярушка посмотрела на своё отражение в зеркале и заметила складку, появившуюся между бровей. Она прикусила нижнюю губу, стараясь унять трепет, некстати появившийся в груди. Какое ей до этого дело?

Ярушка удивлялась самой себе, вспоминая вчерашние терзания, но всё же не смогла прогнать назойливую мысль.

Почему же он не пришёл?

— Разве ты не этого хотела? — спросила она своего зеркального двойника.

Дверь легонько скрипнула, и в проёме показалась тень. Ярушка вымученно улыбнулась и кивнула, позволив ей войти.

Тень немного повозилась с покрывалом, разравнивая складки, и поклонилась Ярушке, приглашая идти за собой.

Они спустились в обеденный зал, где всё уже было накрыто к завтраку. Однако за столом была лишь Зельда.

— Доброе утро, — поздоровалась Ярушка.

Щеки её покраснели, кровь застучала в висках, когда она поняла — каменная баба знает, что Ирвальд не ночевал с ней в одной постели. Должно быть, его вообще не было в замке, раз они сели завтракать без него. Ярушку так и подмывало спросить Зельду, где её муж, но гордость одержала верх. Пусть думает, что её это не волнует.

Хотя волновало, да ещё и как!

Ярушка с трудом сделала несколько глотков цветочного напитка и встала из-за стола. Есть совершенно не хотелось. Откровенно говоря, она не знала вообще, что делать. Как себя

вести, какие задавать вопросы. Привычный мир рухнул, как песчаный куличик. Хуже всего было то, что Ирвальд оказался совсем по другую сторону. Ярушка очень хотела его видеть. Но кресло его пустовало.

Шатается, чёрт синемордый, по невесть каким делам!

В замке вдруг стало душно, и Ярушка пошла в сад. Птицы-болтушки с человеческими лицами тоже куда-то запропастились. Зато она увидела Миклоша, сидевшего на камне. В руках у коротышки были нож и кусок древесины. Он что-то вырезал — должно быть, мастерил куклу или иную игрушку.

Ярушка не помнила, чтобы Миклош был на свадьбе. С того момента, как он укусил её за руку, коротышка вообще не попадался ей на глаза.

Вот и сейчас, заслышав её шаги, Миклош спрыгнул с камня, норовя улизнуть.

— А ну постой! — крикнула Ярушка.

— Мне не следует здесь быть, — грустно ответил Миклош, — я даже не знаю, что сказать.

— Я не держу на тебя зла, — улыбнулась Ярушка, — а ты исхудал! Уже столько дней не обедаешь за столом.

— Дел было невпроворот, — солгал коротышка, густо краснея.

— Это точно. Но если хочешь, Зельда накрыла на стол. И еды осталось вдоволь.

— Спасибо...

Миклош сорвался с места и вприпрыжку помчался завтракать. Пятки его так и сверкали, отчего Ярушка громко рассмеялась.

— Прожорливый плут, — раздался позади голос мужа.

Ярушка охнула от неожиданности и обернулась, оказавшись почти в объятиях Ирвальда. Князь подхватил её за локти, придерживая, затем отстранился и отступил в чашу.

— Что ты бродишь в такую рань? — спросил он её.

— Уже совсем и не рано, — заметила Ярушка, поглядывая на солнце, высоко стоявшее над кронами деревьев, — хотела прогуляться в тишине.

— Извини, что помешал.

— Вы... нисколько, — поспешно сказала Ярушка, — гости были такие шумные, но вы... не могли бы показать мне лес? Я ещё не гуляла по здешнему лесу.

— А мне казалось, что ты уже знаешь там каждую птицу, — вздохнул Ирвальд.

— Только тех, что прилетают в сад. Одна я не хожу в лес.

— Ладно, идём.

Ирвальд поманил её за собой, и Ярушка радостно засеменила следом, едва поспевая за широкими шагами мужа, пока тот не услышал её тяжёлое дыхание и не сбавил шаг. Они долго шли молча, погружённые каждый в свои мысли. Ярушка очнулась первой.

— Непривычно видеть вас без ядохкрыла.

— Ему тоже полагается отдыхать.

— Но вчера его никто не тревожил.

Ирвальд не ответил. Он-то прекрасно знал, каково пришлось Юрею. Они летали, соревнуясь с потоками ветра, целую ночь. На рассвете скакун уже хрипел от усталости. А Ирвальд всё никак не мог уговориться — ярость была ключом, мешая уснуть. Но сейчас она немного поутихла.

— Я вижу озеро! — голос Ярушки наполнился ликованием. Она подхватила юбки и, радуясь, как малое дитя, побежала вперёд.

— Это всего лишь лужа, — скривился Ирвальд и, расстелив плащ на траве, уселся, наблюдая, как молодая жена резвится, плескаясь босыми ступнями в воде.

— Ах!

Ярушка неожиданно выскочила из воды, стряхивая что-то с ноги.

Ирвальд глубоко вздохнул и заметил с укоризной.

— Я предупреждал. Или ты уже забыла?

— О чём? Что меня опять укусят? Да что они все на меня взъелись?

— Ты девственница... Лакомый кусок.

— Но откуда им это известно?

— Твой запах, — просто сказал Ирвальд.

— Вы хотите сказать, что от меня несёт за три версты? — разозлилась Ярушка.

— Дальше, — ухмыльнулся Ирвальд, любуясь, как молнии начинают искриться в её глазах.

— Но ведь вы легко это можете исправить!

Она взглянула на него, затем вдруг покраснела и прижала ладонь к губам. Ирвальд сделал вид, что ничего не заметил, поднялся и достал меч из ножен. Подойдя к озеру, он стремительно вонзил острие в воду. Раздалось шипение. Озеро забурлило, выплёскиваясь из берегов. Что-то завопило, сначала тихо, затем громко, да так, что засвистело в ушах.

— Некоторых стоит проучить, чтобы понимали, кто здесь хозяин, — рывкнул Ирвальд, стряхивая склизкое серое существо, походившее на жабу-переростка, на траву.

Ярушка брезгливо наморщила нос и отскочила в сторону.

— Мерзость-то какая!

— Кое-кто из твоих приятелей находит их очень даже ничего.

— В каком смысле?

— Миклош, — оскалился Ирвальд, начищая меч, — когда я нашёл его в лесу, он только ими и питался.

— Значит, он раньше жил в лесу? Понятно, почему он такой диковатый.

— Какой уж есть, — пожал плечами Ирвальд, — надеюсь, он не доставил тебе хлопот?

— Нет, — поспешно ответила Ярушка. Правая бровь Ирвальда удивлённо поползла вверх, но он не стал ничего спрашивать.

— А каков его народ? Имя у него вполне человеческое.

— Я сам назвал его, — признался Ирвальд, — ему не дали имени.

— Почему? — удивилась она.

— Миклош самый младший в семье понурышей. Пятнадцатый или шестнадцатый отпрыск, немного переросток. Таких понурыши обычно съедают, но Миклош сбежал.

— Съедают? — переспросила Ярушка, — как так?

— У них мало самок, — спокойно пояснил Ирвальд, — а те, что есть, редко доживают до старости. Мрут примерно на двадцатых родах. Поэтому лишних мальцов съедают, пока у них не началось... В общем, пока они не смотрят на самок. Потом их мясо горчит и смердит тухлятиной.

— Господи, как жестоко! Зачем же рожать столько детей?

— Не все могут себя контролировать — глаза мужа блеснули — как в еде, так и в похоти... Для понурышей быть съеденным всё ж лучший выход, нежели все те коварства, которые устраивают молодые самцы, чтобы обладать самкой. И старые — чтобы её не потерять.

— А вам он на что сдался?

Ирвальд не сразу нашёлся, что ответить. Иногда случалось, что к нему прибивалась нечисть вроде теней или Миклоша. Если ей находилось место в замке — она оставалась. Если же нет — то вылетала вон, хотя такое случалось не так уж и часто. Ирвальд не задумывался, зачем ему эта свора — она просто была, и пока не мешала, он позволял ей существовать рядом.

— Сперва он забавлял меня — так лихо откусывал бошки этим жабам, что любо дорого было смотреть. Потом увязался за мной, а уж Зельда нашла ему применение.

Тут Ирвальд немного приврал. Каменная баба сразу прогнала понурыша, но тот не сдавался. Каждый раз провожал и встречал владыку, приветливо кланяясь и поднося подаяние в виде замученных тушек жаб и лесных птиц, которых с удовольствием поглощал ядохрыль. Понурыш не брезговал ни малейшим поручением, которые на него сыпались ото всех в замке, получая в благодарность лишь пару тумачков. Ирвальд чувствовал злость, кипевшую в груди коротышки, и гадал, когда же она вырвется наружу. Однако терпения у Миклоша было не занимать. И однажды Ирвальд, находясь в добром расположении духа, решил, что понурыш заслужил своё место в замке, пусть хоть на правах скомороха.

— Если он тебя смущает, можешь выставить его вон, — предложил Ирвальд.

— Что вы! — Ярушка возмущённо замахала руками, — он забавный, хоть и ворчун.

— А ещё он...

Ирвальд не договорил. Зрачки его сузились, так что синева полностью застлала глаза владыки. Ноздри, наоборот, расширились, шумно вдыхая воздух. Он согнулся пополам, вытянув вперёд голову, чем напомнил Ярушке охотничьего пса, почуявшего лису.

— Ступай в замок, — тихо велел он ей, — и не бойся, я тебя слышу.

Ярушка кивнула головой и побежала назад, не испытывая страха. Она не сомневалась в словах мужа. Видно было что-то, что заставило его отправить её одну. Она никак не могла выбросить из головы его взгляд — взгляд хищника, способного разорвать пополам любого, кто встанет на его пути. Ярушка знала, что Ирвальд её слышит — даже биение её сердца, и от этого становилось не по себе.

Она быстро достигла замка и нырнула внутрь, остановившись лишь возле обеденного зала. Отдышавшись, Ярушка поправила волосы, отряхнула сбившееся от бега платье и, скинув подбородок, вошла в зал.

За столом был лишь Миклош, с упоением поглощавший похлёбку. Ярушка вдруг вспомнила мерзкую жабу, болтавшуюся на острове меча, и ей стало дурно.

— Вы недолго гуляли, — громко чавкая, заметил коротышка.

— Пожалуй — раз уж ты ещё не лопнул, значит, не так много успел съесть.

— Старая жаба всё спрятала. Достались крохи, — пожаловался Миклош.

Значит, Зельды поблизости не было. Ярушка облегчённо вздохнула и уселась на стул.

— А ты не голодна? — вдруг спросил Миклош. Жирная капля задрожала на подбородке, готовая вот-вот сорваться и ляпнуть на воротник. Миклош утёр её рукавом.

— Нет, благодарю.

— Не нужно меня благодарить. Так не принято.

— Почему? — удивилась Ярушка.

— Ты княжна.

— Ну и что с того? Разве от меня убудет от добрых слов?

— Не стоит быть слишком хорошей, — настаивал коротышка, — достаточно прикрыть

глаза и слегка улыбнуться.

— А потом начать гневаться по пустякам и наказывать розгами? — рассмеялась Ярушка.

— Так делают глупые курицы, — замотал головой Миклош, — а знатные дамы держатся вдалеке. Иначе каждый возомнит себе невесть что.

— И как же я должна держаться с тобой? — Ярушка спрятала улыбку, глядя, как топорщатся непослушные вихры коротышки.

— Я вообще никто.

— Для никого ты слишком много болтаешь.

— Могу заткнуться.

— Пожалуй, не стоит. Вести беседу в одиночестве как-то не с руки. А куда делась Зельда?

— Мне-то что? Укатила куда-то свои бульжники. Может, торгуется с травницами. Может, проедает плешь Себрию за то, что скакуны сегодня кричали, как оголтелые. Дьявол её знает.

— А ты, — Ярушка положила подбородок на сложенные перед собой руки, — много знаешь?

— С чего ты взяла?

— Всюду суёшься с советами.

— Ну, повидал на своём веку, — Миклош горделиво выпятил грудь, словно петух на ярмарке.

— Знаешь, каковы обязанности хозяйки замка?

— А что, владыка про то ничего не говорил?

— Стала бы я спрашивать? — вздохнула девушка, — тут всё налажено. Осталось ничего не испортить.

— Да, какие могут быть обязанности? Раздвигай ноги да радуй хозяина!

Ярушка ахнула, заливаясь краской. Схватив со стола пустой кубок, она запустила им в Миклоша, однако коротышка увернулся, так что кубок пролетел мимо, ударился о спинку стула и с шумом покатился по полу.

— А что я такого сказал? — удивился понурыш, пожимая тощими плечами, — будто у людей не так!

— У нас не принято говорить такое вслух!

— Вот уж не поверю!

— Так поверь! Я ж не девка какая-нибудь. Мой брат бы уже всыпал тебе кнутом, если б такое услышал.

— Понятно, — ухмыльнулся Миклош, — сдаётся мне...

— И слышать не хочу, — Ярушка замотала головой, прикрыв руками уши. Уж больно щекотливую тему поднял коротышка. Лучше было говорить про что-то другое. Но, как назло, в мыслях вертелось лишь одно — Ирвальд не пришёл в её постель после свадьбы, а сейчас и вовсе уснул прочь. И если то, о чём говорил ей Миклош, было её единственной обязанностью, тогда зачем же она владыке? Неужто он просто пожалел её, как когда-то понурыша? Как и раньше жалел, когда выручал из всех передряг, что свалились на голову. Однако женитьба — как-то уж слишком для жалости.

— Расскажи-ка лучше, как у вас здесь заведено? — востропала она, отгоняя прочь накатившую вдруг тоску, — я видела много теней, несколько зверюродов, вроде Себрию. Они

принадлежат хозяину? Или работают за плату?

— Хозяин ничего нам не платит.

— Стало быть, вы ему принадлежите?

— Да нет, — Миклош озадаченно хмурил брови, — мы вольны уйти, куда хотим.

— Тогда зачем же вы служите владыке? Без денег?

— А зачем? Если мне что-то надо, я беру у торговца, а хозяин платит.

— Но так ведь можно набрать чего угодно!

— Можно, коли с головой не дружишь, но то быстро лечится. Хозяин щедр, но не любит, когда на плечах дурная башка. А так... Нам здесь неплохо живётся. Куда лучше, чем где-либо в Межгорье.

— Хорошо кормят? — подмигнула Ярушка.

— Здесь мы под защитой. А там — сами по себе. Что поймал — то сожрал. Или тебя сожрали. Как повезёт.

— Забавно. Только вот здесь так мало девушек, — осторожно заметила Ярушка, — и словом перекинуться не с кем. Тени только слушают, а что шумят в ответ — не понять.

— Только помни — хозяин их хорошо слышит, — предупредил коротышка.

— Да мне и нечего скрывать.

— Это только так кажется.

— По-моему, тебе только гадость всякая мерещится, — отмахнулась от него Ярушка, — а скажи мне, в Межгорье есть девушки, такие, как владыка?

— Это какие? — не понял Миклош.

— Быстрые, синеглазые, с острыми зубами?

— Как двоюродные сёстры хозяина?

— Примерно, — по-правде говоря, Ярушка их совсем не помнила — гости на свадебном торжестве были такие необычные и разные, а она — до смерти напугана, и единственное, что всплывало в памяти — это их пронзительные взгляды да жуткие клыки.

— Они живут в своём замке и здесь не появляются. На вашей свадьбе я впервые их видел.

— А другие такие же?

— Я никак не пойму, что ты хочешь узнать? — Миклош сердито насупился и сжал кулачки, — таскал ли хозяин сюда своих баб? Так и скажи!

— Я ничего такого не спрашивала! — вскрикнула Ярушка, чувствуя, как огонь стыда охватывает её всю, с головы до ног, покрывая краской до самых корней волос.

— Не таскал, — буркнул Миклош.

— Мне о том не надобно знать, — она сердито стукнула ладонью по столу, однако от сердца заметно отлегло. Коротышка заметил, как посветлело её лицо, и подмигнул, нагло скалясь, — и не вздумай сказать хозяину, что был такой разговор!

— Я дурак что ли? Да и вообще, — не унимался Миклош, — чего тебе переживать-то?

— Я не переживаю. Просто... я здесь совсем другая, нежели остальные.

— Это уж точно.

— Мне просто любопытно, как выглядят красавицы Гор.

— Какие красавицы? Есть парочка ведьм, на которых можно взглянуть, не вылакав с ведро поила.

— О ведьмах ты уже говорил. Я о тех, что из рода хозяина.

— Красавицах? — прищурил глаз, уточнил коротышка.

— Ну да, — Ярушка замерла, приоткрыв рот, ожидая, что ей скажет Миклош, но паскудник медлил с ответом, и она сникла, чувствуя, как волною накатывает грусть, — я знаю, что многим невдомёк, почему владыка взял в жёны меня, а не девушку себе под стать.

— Вот чудная! — понурыш хлопнул обеими руками по бёдрам и расхохотался.

— Чего ты? — обиделась Ярушка.

— Сдаётся мне, ты сравниваешь розу с лопухом.

— Ты странно говоришь, Миклош.

— А что тут странного? Роза в любом цветнике — царица. А лопух — он везде сорняк.

— У розы есть шипы, — грустно прошептала Ярушка.

— А лопухом удобно подтирать зад, — возразил Миклош.

— Наглец! — возмутилась она.

Миклош продолжал смеяться: губы его тряслись, а изо рта во все стороны летели брызги слюны, пахнувшие недавней похлёбкой. Ярушка поднялась со стула и, пригрозив понурышу кулаком, поспешила в свою комнату. Сейчас она впервые пожалела, что рядом нет Зельды. Её каменное лицо отвлекало девушку от ненужных мыслей, и та бы уж точно не позволила коротышке ляпать своим чёрным языком, что попало.

Глава 22

Ирвальд подождал, затаив дыхание, пока Ярушка добежала до замка и укрылась под его сводами. Этого хватило, чтобы существо успело удрать достаточно далеко, чтобы владыка перестал его слышать.

Ирвальд наклонился, впитывая запах, и заметил след, оставленный на траве. Он опустился рядом на колени, и приложил ладонь. Она едва была больше, чем один палец существа. Длинные вытянутые фаланги, острые когти, неестественно прямые и толстые — Ирвальд ещё не встречал таких существ. Следы были глубокие и располагались довольно близко друг к другу. Значит, он тяжёл и не сильно поворотлив.

От следов шёл стойкий запах помёта и жира. Стало быть, существо спало в собственных испражнениях, и за ним не приглядывали, вычищая шерсть. Оно было диким. Но что оно делало в долине Синих Гор? В местах, где Ирвальду был известен даже самый захудалый куст?

И почему никто в Межгорье не вопил о приближении чудовища?

Ирвальд выпрямился и осмотрелся вокруг. Птицы по-прежнему чирикали в дубовых кронах, повсюду шныряло зверье, будто и не было никакой опасности.

Но ведь ему не могло померещиться? И следы никуда не исчезли!

Ирвальд озадаченно ступил в чашу леса, замечая и другие следы. Чудовище, должно быть, лежало на боку, наблюдая за поляной у озера, где они с Ярушкой вели беседу. Почему же Ирвальд его не почуял? Должно быть, невесёлые мысли совсем задурманили голову.

Дьявол дёрнул его взять в жёны это дитя, к которому он не знал теперь, как подступиться.

Она сбивала его с толку, а Ирвальд этого не любил. Владыка должен быть всегда наготове, особенно после того, как едва не погиб, сражаясь с такой же огромной тварью.

И всё ж, почему лес так спокоен? С веток на владыку глядели любопытные мордашки болтушек, перешёптывающихся между собой. Их бы давно и след простыл, покажись чудовище хотя бы за версту.

Ирвальд обнажил меч и двинулся дальше по следам пришельца. На одном из дубов он заметил глубокие рытвины, оставленные лапой чудовища — пять ровных полос высоко над

головой владыки. Дыхание перехватило от едкого прогорклого запаха мочи. Ирвальд отвернулся, чтобы плотннуть свежего воздуха. Однако то, что пришелец помочился в его лесу, владыку порадовало: стало быть, он забрёл в долину случайно, иначе не стал бы оставлять столь явный знак своего присутствия. Но всё ж зверя придётся загнать и уничтожить, пока он не навёл шороху во всей округе.

Ирвальд прикинул, насколько он справится без помощи отца? Возможно, и справится — только сперва нужно увидеть пришельца, оценить его мощь и примерить силу. Этим и займётся сегодня новоиспечённый муж. Ирвальд злостно улыбнулся и продолжил путь.

Следы чудовища вели к Горам. Должно быть, оно облюбовало себе пещеру где-то у подножья. Однако Ирвальд не чувствовал запаха, присущего животной обители — ни гнили срыгнутой пищи, ни смрада разлагающегося мяса, ни вони сброшенной от линьки шерсти.

Может, пещера высоко в Горах? Он задрал голову, рассматривая склоны. Они были достаточно крутыми, чтобы отбросить мысль о том, что пришелец мог карабкаться по ним наверх. Для этого у него были слишком длинные когти, да и весу немало.

Нет, зверь пришёл не оттуда.

Ирвальд мрачно рассматривал свои ступни рядом со следом когтистой лапы. Нет, пожалуй, одному его не победить.

Он спрятал меч в ножны и повернул обратно. Следовало предупредить Себрия, чтобы не выпускал скакунов. Стены замка выдержат любой натиск, а на худой конец, можно уйти в Гору через пещеры, поэтому за обитателей он не опасался. Но быть дичью в собственных владениях князь не привык, и это его бесило.

Ирвальд прошёлся по следам чудовища, пока не достиг самого близкого к саду. Запах начал рассеиваться, а примятая трава вновь зеленела, как ни в чём не бывало. Проведи он весь день в замке, на завтра и не заметил бы ничего подозрительного. Может, он и раньше не замечал, пропадая целыми днями в Горах и за их пределами.

Ирвальд потянулся, расправляя затёкшие члены — на тело постепенно накатывала усталость. Сказывались бурный свадебный пир и бессонная ночь. Пожалуй, он всё же вздремнёт, а завтра подумает, что делать дальше.

Ирвальд вскарабкался по стене замка к своему окну, проник внутрь и поспешил к своей любимой пещере.

Это была его обитель, вырезанная искусным мастером прямо в скале, его источник силы и ярости, питающей само существо владыки. Ирвальд любил погружаться в озеро, чувствовать, как вода перебирает его густые пряди, разбивая их на сотню мелких, а затем складывает воедино при неспешном рывке на поверхность.

Однако на сей раз, пещера была занята.

Ирвальд обречённо вздохнул, наблюдая, как жена резвится в воде, зачёрпывая в ладони и брызгая себе в лицо серебристые капли. Она улыбалась, как шаловливое дитя. Князь почувствовал, как волнение, поднимаясь из самого естества, несётся по венам с бешеной скоростью, заставляя сердце рваться вон из груди.

Ярушка вдруг перестала резвиться, замерла и огляделась вокруг.

— Кто здесь? — спросила она.

Ирвальд не ответил. Пусть думает, что ей почудилось. Пусть испугается и уходит куда подальше.

— Ирвальд?

Князь продолжал молчать. Он даже задержал дыхание, так что единственным звуком,

прерывающим тишину, был шум падающей в озеро воды.

— Я знаю, что вы здесь, — настаивала упрямец, — почему вы не признаётесь?

Ирвальд усмехнулся и незаметно подвинулся поближе к самому краю воды, откуда ему было видно её всю, от мокрой макушки до кончиков пальцев на ногах, перебирающих в воде.

— Это неразумно, Ирвальд!

Ярушка сложила руки на груди, почти полностью укрыв от взора владыки вожделённые прелести, и надула губы.

— Я не вылезу отсюда, пока вы не признаетесь.

— И надолго тебя хватит? — рассмеялся Ирвальд где-то совсем близко.

Морок рассеялся, и девушка увидела, что владыка стоит, опустившись на колени, склонившись с берега прямо над её лицом. Губы его были совсем близко — синие, покрытые мелкими жилками, каждая из которых подрагивала. Из-под верхней губы блестели острые кончики клыков. Ярушка, как замороженная, смотрела на этот блеск, а во рту вдруг стало сухо, как будто она бежала целую вечность без единого глотка воды.

— Может, вы хотите ко мне присоединиться?

Ярушка не знала, зачем произнесла эти слова. Мать отреклась бы от неё, а отец прогнал, навеки покрыв позором, узнав, что дочь их бессовестно зазывает к себе мужчину, стоя нагой в воде, прикрываясь лишь ладонями. Мужчину, который до сих пор оставался для неё незнакомцем. Не ведая, кем она была для него — розой или лопухом?

— Отвернись, — только и сказал Ирвальд.

Ярушка послушно повернулась к нему спиной, сгорая от стыда и страха. Что он мог о ней подумать? Что собирается делать сейчас? Может, он просто уйдёт?

Она услышала всплеск воды. Руки Ирвальда гладкие и неожиданно горячие скользнули по её телу — по предплечьям, талии и ягодицам. Его ладони обвили вокруг её рук, разводя в стороны, а затем обхватили груди, легонько сжав соски. Ярушка слышала его тяжёлое дыхание над своим ухом. Ирвальд убрал её волосы назад и провёл языком по шее, слегка укусив за плечо. Было совсем не больно, но по телу пробежали мурашки. Он продолжал покусывать её, зализывая укусы шершавым, как у кота, языком, и это было приятно. Она старалась не думать о его руках, блуждающих по всему телу, иначе расплакалась бы от стыда. Должна ли она позволять своему мужу такое?

Ирвальд повернул её лицом к себе и взял двумя пальцами за подбородок.

— Боишься?

— Нет, — прошептала Ярушка, — немного стыдно. Я не знаю...

Ирвальд не дал ей договорить, накрыв её губы поцелуем. Этот поцелуй был не похож ни на один из тех, которыми её когда-либо целовали. Она и подумать не могла, что можно вот так целовать. Владыка нежно покусывал её губы, проникал внутрь, поигрывая её языком. Ярушка затрепетала, но уже не от страха. Это было новое, странное чувство. Ей нравилось то, что делал Ирвальд. Осмелев, она положила ладонь на его плечо, а второй обхватила прядь волос и зарылась в них пальцами до самых корней. Владыка зарычал, а руки его сжали тело Ярушки ещё крепче. Он отпустил её губы и переместил поцелуй на грудь, слегка задевая клыками соски. Девушка цеплялась за его плечи, а Ирвальд едва слышно рычал, будто пёс, обгладывающий сахарную кость.

Затем он отстранился, проплыл к берегу и притянул зачем-то свой плащ. Вернувшись, он обхватил Ярушку за талию и усадил на край берега, застланный плащом. Она снова застыдилась, прикрываясь ладонями. Ирвальд, оставаясь в воде, убрал её руки за спину,

заставив опереться о каменный пол, и развёл её ноги в стороны, закинув себе на плечи. Ярушка ахнула, когда он поцеловал её в то самое место, о котором и говорить-то было неловко, даже с матерью. Она сжалась в комочек, мучаясь от стыда и непонятной дрожи, охватившей всё тело. Ирвальд продолжал ласкать её языком, проникая в каждую складочку.

— Расслабься, — тихо велел он, поглаживая руками девичьи бёдра. Звук его голоса действовал на неё завораживающе. Ярушка закрыла глаза и позволила себе забыть на мгновение о стыде.

Ирвальд снова припал к её лону губами. Его ладони незаметно скользнули ниже, и Ярушка почувствовала боль — он проник в неё пальцем, разрывая девственную преграду. Язык владыки заиграл с ещё большей страстью, боль исчезла, уступив место неведомому доселе ощущению. Оно захватило её, будто воронка захватывает тихие воды, утягивая куда-то вниз, чтобы вытолкнуть наружу неистовым фонтаном искр, сыплющихся отовсюду. Девушка громко застонала, но, спохватившись, прикусила зубами палец, и ещё несколько секунд приходила в себя, пока искры не улеглись. Тело по-прежнему пылало сладким огнём.

Ирвальд выбрался из воды и, уложив Ярушку на наспех сооружённое ложе из одежды, прикрытой плащом, опустился сверху. На этот раз боль была чуть сильнее, и она широко открыла глаза, принимая мужа, и вцепилась в его спину, стараясь не думать о боли, а вспоминая волшебное чувство, которое довелось испытать. Это помогло, и она улыбнулась, дотягиваясь губами до его губ. Ирвальд легонько поцеловал её и задрожал, выплёскивая семя. Ярушка чувствовала тепло, разлившееся внутри её тела, и едва не застонала от сожаления, когда он покинул её, растянувшись рядом на голом каменном полу.

Чуть погодя, она пришла в себя и смущённо прикрыла наготу плащом. Ирвальд рассмеялся, отобрал у неё плащ и швырнул в сторону.

— То было моё лучшее платье, — смущённо пошутила Ярушка, пряча лицо на его груди.

Ирвальд ловко вскочил на ноги, удерживая её на руках. Ярушка подняла на него взгляд, полный изумления и восторга, плескавшегося огоньками в глубоком янтаре её глаз.

— Наше брачное ложе ещё осталось нетронутым, — сказал муж, целуя её в губы.

Глава 23

Утром Зельда довольно грубо разбудила Ярушку, сорвав с неё покрывало, и едва ли не волоком стащила на пол. Молодая княгиня зевнула, потягиваясь, и никак не желала просыпаться. Ирвальд оставил ласки лишь, когда за окном забрезжил рассвет. Она сразу же уснула, обвитая его тяжёлой рукой. Сквозь сон ей слышались довольно странные звуки, напоминавшие мурлыканье кота.

— Просыпайся, ленивица, — требовала Зельда, — хозяин уже давно на ногах. Он скоро вернётся. Негоже ему видеть это непотребство.

Ярушка нехотя разлепила веки и окинула взглядом кровать, походившую на развороченное гнездо. Скомканные простыни, местами схватившиеся коркой от семени, лежали в беспорядке. На подушках виднелись несколько длинных волосков

— Он ведь сам это и устроил, — пробормотала девушка, чувствуя, как щёки покрываются румянцем.

Зельда фыркнула и взмахнула руками: мужчины, что с них возьмёшь?

— Я уберу кровать, а ты приводи себя в порядок и спускайся завтракать.

Есть совершенно не хотелось, однако Ярушка заставила себя кое-как одеться и потащила к озеру. Тело было липким и немного чесалось — нужно было смыть с себя следы этой ночи и понемногу приходиться в себя.

Она с наслаждением нырнула в прохладную воду, однако плавать было немного больно. Она дивилась этому новому ощущению, гадая, сможет ли вообще дойти до обеденной залы, не умерев по дороге от стыда.

Всё то, что муж делал с ней — Ярушка даже и вообразить не могла, что так бывает. Хорошо ли это — она не знала, а спросить было не у кого. Оставалось надеяться, что Ирвальд не думает о ней, как о распущенной девице. Но ведь кому, как не мужу, она вообще могла доверять? Стал бы он творить с ней такое, чем стал бы потом попрекать?

Ярушка вдруг вспомнила брата — тот тоже был охоч до женских ласк. Но жениться не торопился. Видать, было нечто, что сперва манило, а после беспощадно отталкивало? Хотя, Анджей, пожалуй, совсем дурной пример. В этот миг Ярушка, как никогда ощутила, как ей не хватает мудрого материнского слова. Она зажмурила глаза и смахнула горькую слезу: путь будет, как складывается. Жизнь давно уже течёт по совсем иному руслу, чем она когда-то гадала.

Ярушка выбралась на берег и вытерлась полотенцем насухо. Окинув взглядом пещеру, она вдруг заметила плащ Ирвальда, небрежно брошенный в дальний угол. Она подняла плащ и прижала к лицу, вдыхая крепкий запах мужа.

На плотной синей ткани девушка заметила пятна — должно быть, это её кровь. И его семя. Она опять залилась краской, вспоминая чудесные мгновения вчерашнего купания в озере. Ярушка долго смотрела на пятна, гадая, стоит ли их сейчас же отстирать и вернуть мужу уже чистый плащ. Но, подумав немного, она свернула ткань и спрятала среди своей одежды. Пожалуй, она сохранит его таким. Для чего — она пока не знала. Но в этом мире всё было так странно, и свидетельства их первого соития многое могли значить. К тому же, ей был дорог запах этого плаща. Ей не хотелось, чтобы Ирвальд износил его и выбросил, как старое ненужное тряпье.

Ярушка спустилась к завтраку буквально за минуту до того, как в обеденный зал ворвался Ирвальд. Муж был слегка растрёпан и тяжело дышал, а глаза сверкали, как грозное небо.

Он выглядел свежим, будто и не было бессонной ночи. В уголках губ притаилась улыбка. Ирвальд поприветствовал жену лёгким кивком головы и развалился на своём стуле во главе стола.

— Зельда, я голоден, как понурыш. Может, даже больше.

Каменная баба подскочила с огромным подносом, уставленным яствами, благоухающими на добрую половину замка. Ярушка смогла распознать кролика, тушёного с зеленью, и поняла, что тоже проголодалась.

Они молча позавтракали — на этот раз в одиночестве, без слуг. Ирвальд быстро расправился с кроликом, ловко разрывая тушку руками, слизывая мясные капли, растекавшиеся по пальцам. Ярушка старалась не смотреть на него, охваченная смущением. Ирвальд же не спускал с неё глаз.

После завтрака владыка залпом осушил кубок и резво вскочил со стула, едва не опрокинув его на пол.

— Мы не закончили прогулку, помнишь?

Ирвальд протянул ей руку. Ярушка послушно вложила в неё свою ладонь и позволила увлечь себя, куда ему вздумалось.

Они отправились в лес тем же путём, что и вчера, но тут Ирвальд не выдержал и поднял жену на руки.

— Ты слишком медленно идешь!

— Может, это вы слишком торопитесь?

Ирвальд рассмеялся и побежал вперед. У самого озера он опустил Ярушку на траву и стал срывать с себя одежду.

— Тебе нравится это платье? Если да, то лучше развязывай сама.

Ярушка привстала, боязливо оглядываясь по сторонам.

— На нас смотрят!

— И что? — пожал плечами Ирвальд, — думаешь, им есть до нас дело?

— Неловко как-то, — призналась она.

— Хочешь, я снимаю им бошки? — предложил муж.

— Нет! — спохватилась она, — может, мы найдём другое место?

— Не хочу другое!

Ирвальд выпрямился и, задрвав голову к небу, издал негромкое, но грозное рычание. Тотчас же в ветвях зашумели десятки крыльев, зашуршали сотни уносящихся ног, а на поверхности озера встрепнулись и исчезли в глубинах серебристые перышки плавников. На поляне воцарилась тишина — слышно было лишь дыхание, со свистом вырывающееся из груди владыки.

— Ну вот, теперь мы совсем одни.

Ярушка медленно развязала дрожащими пальцами завязки на платье, не решаясь обнажаться полностью, но Ирвальд хмыкнул и сорвал с неё всё, что было надето.

— Так мне больше нравится, — сказа он, кусая её за плечо.

— Немного больно, — прошептала Ярушка, прижимая ладонь к низу живота.

— Прости, я забыл, — усмехнулся Ирвальд и положил свою руку поверх её ладони. Боль тотчас же исчезла. Ярушка улыбнулась и дотронулась до обнажённой груди мужа — синяя кожа, гладкая, без единого волоска, упругая и блестящая, как ствол молодого деревца. Ирвальд был невероятно худ — кости проступали, натягивая кожу, так что она могла пересчитать рёбра и каждую жилку на его предплечьях. Ярушка провела пальцами по его руке, затем поцеловала то место, где пульсировала вена, несущая кровь по всему телу владыки.

Ирвальд вздохнул и прервал её изыскания, повалив на спину и укладываясь сверху...

В замок они вернулись далеко за полночь — уставшие, обессиленные, и наконец-то уснули, переплетаясь телами, проспав беспробудно до самого утра...

Ирвальд, с головой окунувшись в супружество, и думать забыл о чудовище, забредшем в долину, а оно о себе не напоминало. Должно быть, выбравшись из своего убежища, зверь не позарился на столь крошечный мир, и вернулся обратно. Ничто более не тревожило Синие Горы...

Пока однажды ночью Ирвальда не разбудил странный сон.

Приподнявшись на локтях, он посмотрел на безмятежно спящую рядом жену, и тряхнул головой, отгоняя наваждение. Но оно не исчезло. Запах сырости и пепла наполнил спальню, заставив Ирвальда вскочить с кровати и подбежать к распахнутому окну за глотком свежего воздуха. Он покосился на Ярушку, которая продолжала спать, не подозревая о происходящем. Нужно было вынести её из комнаты, и он рванулся обратно к кровати, но что-то схватило его за ноги, мешая ступить. Ирвальд посмотрел вниз и увидел, что ступни его прочно обвиты белыми стеблями. Мелкие цветы, источавшие зловоние преисподней, усыпали пол так густо, что казалось, будто спальню устлали плетёным ковром.

«Только бы удержаться, — мелькнуло в голове Ирвальда, — только бы не рухнуть лицом вниз».

Зеркало на стене спальни ожило: серебристая гладь задрожала и покрылась мутно-белой пеленой, сквозь которую виднелись глаза — большие, красивые, как у самого дьявола, и столь же холодные, как и его сердце.

— Чего ты хочешь, тиран? — хрипло закричал Ирвальд.

Брови тирана поползли вверх, зрачки глаз расширились, наполняя тьмой глазные яблоки.

— Ты и вправду меня видишь? — спросил хозяин преисподней.

— Нет, я разговариваю с зеркалом, — криво усмехнулся Ирвальд.

— Так и есть...

Стены замка поплыли пред глазами, а по чёрному бархату поползли густые белые капли. Ирвальд яростно зарычал, протягивая руку к мечу, лежавшему под кроватью с его стороны, однако тот был слишком далеко. Стебли цветов больно впивались в кожу, раздирая её до костей. Ирвальд скрестил руки на груди, призывая на помощь все свои силы. На губах, прокушенных клыками, выступила кровь. С неистовым рёвом Ирвальд разорвал путы. Обрывки стеблей полетели во все стороны, брызгая едким соком, смердящим гниющей плотью.

Ирвальд развернулся, расправил плечи, готовясь сразиться со следующим противником, как вдруг всё исчезло.

Он изумлённо глядел по сторонам, однако спальня была пуста.

Жена по-прежнему спала, уткнувшись в подушку. Ничто не потревожило её сон, хотя крик его ярости был способен разбудить даже мёртвого.

Неужели ему всё приснилось?

Ирвальд долго не мог поверить, что всё это случилось не наяву. Однако такой странный сон должен нести какую-то загадку. Владыка забрался обратно в постель и, обняв Ярушку, попытался уснуть. Но тревожные мысли не оставляли его до самого утра. Едва за окном показались первые багровые проблески зари, он вскочил и, торопливо одевшись, помчался в конюшни.

— Себрий! — громко окликнул он конюха.

Зверолоуд тотчас же выбрался из копны сена, в которой любил поспать жаркими ночами, спасаясь от надоедливых мух, и, сладко потянувшись, поприветствовал хозяина.

— То-то князь сегодня рано пожаловал.

— Седлай ядохкрылов. Хочу показать тебе кое-что.

— Хорошая мысль, — согласился Себрий, — а то Юрей, поди, разучится махать крыльями.

— Не чуди, я каждый день выгуливаю его.

— Но не так, как раньше! — смеясь, заметил Себрий.

Князь улыбнулся, прикусывая нижнюю губу, и повернувшись к ядохкрылу, потрепал его по могучей шее, чем вызвал довольный клёкот. Себрий спрятал в усах ухмылку и покачал головой. Все уже давно было не так, как раньше.

Доселе князь, не задумываясь, мог остаться в Горах, в лесах, где бы ни застала его ночь. Мог днями пропадать в долине, нимало не заботясь о том, что его где-то ждут.

Теперь же ноги сами несли его домой, а если ему и приходила мысль заночевать в лесу, то лишь после затянувшейся прогулки с женой, которой, казалось, никак не мог насытиться.

Сочное молодое тело будоражило кровь, а с лица вот уже несколько новолуний не сходила затейливая улыбка.

— Сдаётся мне, ты даже помолодел, — поддел хозяина Себрий, — а то, говорят, от семейной жизни заплывают жирком. Врут, паскудники.

— А ты сам думаешь жениться? — усмехнулся Ирвальд.

— Да на что мне сдалось? — притворно ужаснулся конюший, — живу себе, забот не знаю.

— Придётся отобрать у тебя сено, — шутливо пригрозил владыка, — больно ты одичал.

— И не говори, — согласился Себрий, вытряхивая из шерсти стрючки, — помнишь, была у меня невеста?

— Сто лет назад?

— Да, воды утекло...

— Невеста твоя, должно быть уже нянчит внуков.

— Может, и нянчит. Только я хорошо помню, как Зельда выставила её вон из замка, заявив, что ноги её здесь не будет. Она и обиделась.

— А я помню, как она дралась с Зельдой — аж шерсть клочьями летела, — хохотнул Ирвальд.

— Что если другая невеста опять не придётся Зельде по вкусу?

— Вообще-то, в этом замке совсем другая хозяйка, — сухо заметил владыка.

— Ну, — пожал плечами Себрий, — с княгиней, пожалуй, куда легче поладить. Да только стар я уже невесту искать.

— Как знаешь.

Ирвальд направил ядохкрыла в сторону леса. Себрий последовал за ним. Некоторое время они ехали молча, погружённые в собственные мысли. Князю не давал покоя сон. Себрий же молился, чтобы хозяин оставил расспросы. Конюший не привык обманывать, тем более владыку.

Себрий и рад был бы жениться, да только сердцем его напрочь завладела женщина, которую он никак бы не смог привести в этот замок. Хозяин бы ему не позволил. Себрий и сам был не в восторге, да только никак не мог отказаться от ласк, которыми изредка одаривала его самая красивая из ведьм — рыжеволосая Мальва. Он сходил с ума от белёсых глаз, сверкающих из-под алых с чёрным ресниц. И каждый раз, покидая ведьмовскую пещеру, Себрий клялся, что больше не переступит её порога, однако упрямо возвращался назад.

Мальва его не прогоняла. Хотя Себрий, скрепя сердце, понимал, что не особо и ждала. Если б ещё владыка узнал...

Дух перехватывало, когда конюший думал о том, что тогда могло бы случиться.

— Здесь в лесу я видел следы огромной твари, — сказал Ирвальд. Себрий похолодел: нужно было сразу обо всём рассказать. А сейчас хозяин запросто мог снять ему голову за то, что скрывалось за его спиной.

— Уже много времени прошло, — продолжал Ирвальд, — следы заросли травой. Но поверь мне, они были огромны.

— Горный пёс?

— Я не слышал о таких.

— В сказках звероловов встречаются огромные твари. Но то сказки. Хотя дед мой находил в земле череп, в который я запросто мог поместиться во весь рост.

— Почему я не видел такого черепа?

— Дед выменял его на коня.

— Славная сделка, — хмыкнул Ирвальд, — знай, что я тоже готов выменять такую безделицу.

Себрий грустно кивнул, пряча виноватый взгляд. Ирвальд нахмурился, чувствуя, что слуга ему чего-то недоговаривает.

Но в этот момент они достигли поляны, где росли самые могучие дубы. Ирвальд заметил след от когтей, уже успевший покрыться коричневой коркой.

— Смотри, какая лапа!

— Это медведь! — почти радостно воскликнул Себрий.

— Ты уверен?

— Да, — конюший с лёгким сердцем пустил ядохрыла вокруг исполинского ствола, — я охотился на таких в лесах за Горами. Это точно медвежья лапа.

— За Горами нет таких больших зверей, — задумчиво сказал Ирвальд.

— Нет, — согласился Себрий, — те медведи чуть поменьше ядохрыла.

— Значит, к нам забрёл гигантский медведь.

— Но я ничего не слышал, — возразил Себрий, — такая тварь наделала бы много шума.

— Думаешь, колдовство?

— Судя по запаху, — Себрий вдруг поморщился и сплюнул на землю, — эта тварь здесь помочилась. Так что она вполне реальна.

— Почему же никто её не почуял?

— Вот уж не знаю, хозяин, — честно сказа конюший.

— Хорошо, — Ирвальд махнул рукой, задумавшись о чём-то своём, — возвращайся в замок и будь начеку. Я прогуляюсь немного.

Себрий кивнул и сжал коленями бока скакуна. Ядохрыл захлопал крыльями и взмыл в воздух, играя с потоками ветра.

Ирвальд проводил его взглядом, пока конюший не скрылся за облаками, и неторопливо шагнул в чашу леса.

Часть третья. Похищение

Глава 24

Дубовые леса хранили в своих могучих кронах немало тайн. Тяжёлые ветви, густо усыпанные листьями, почти не пропускали солнечный свет, поэтому внизу, среди исполинских стволов стоял полумрак. Почва между деревьев была сырой и пахла плесенью. У самых корней, покрытых густым зелёным мхом, чернели шапочки ядовитых грибов. Огромные слизи прятались повсюду, норовя напасть на случайного путника. Кто половчее — стряхивал слизня и убегал прочь. Более слабые терялись и падали на землю, вдыхали отравленные споры и оставались лежать зачарованные, со временем порастая мхом, словно второй шкурой. Иногда они вставали и бродили по лесу, слепо тыкаясь между деревьев. Глаза и языки их были съедены слизняками, так что они могли лишь стонать, пугая окружающих птиц.

Ирвальд не раз встречал слепых скитальцев, иногда из милосердия рубал им головы, но чаще просто проходил мимо.

В этот раз по пути ему не попалось ни одного скитальца. Земля была сухой и скрипела под ногами. Князь поднял голову вверх и увидел сухие жёлтые листья. Могучие дубы умирали, и то был недобрый знак, поскольку они были ещё относительно молоды. Владыка приложил ладонь к одному из стволов, но ничего не услышал. Внутри деревьев была пустота, словно кто-то высосал из них все жизненные соки.

— Что за дьявольщина? — вслух пробормотал Ирвальд.

Он не мог поверить, что не заметил, как умирают дальние леса. Неужто ведьмы вновь осмелились устраивать свои дьявольские шашни? Ирвальд вдруг вспомнил ловушку, в которую угодил, расправившись с Шаринкой. Ведьмы не могли быть настолько сильны.

Но, тем не менее, что-то странное творилось в его владениях.

Ирвальд пошёл дальше, осторожно ступая по сухим листьям. Изредка ему попадались скелеты скитальцев, облепленные клочками сухого мха. Головы не были отделены от тела, а рты черепов широко раскрыты, словно у рыб, выброшенных на берег. Значит, они умерли сами и, скорее всего, в жестоких муках.

Владыка напряжённо вглядывался в каждую мелочь, попадавшуюся ему по пути. Если только он заметит хоть один ведьминский символ, хоть одну обезглавленную тварь, привязанную к стволу, нынешнему совету не избежать суда. Он лично отправит каждую из ведьм в преисподнюю.

Внезапно Ирвальд остановился: прямо перед ним на земле была трещина, уже поросшая по краям мелким кустарником. Он опустился на колени и раздвинул ветки. Трещина была глубокой и узкой, так что он не мог видеть, что там в глубине. По другую сторону земля казалась вполне обычной, однако Ирвальд не стал рисковать и, забравшись на спину Юрею, велел перелететь трещину и приземлиться немного дальше.

Ядокрыл недовольно заклекотал, мотая головой, и встал на дыбки.

— Тише, — сказал Ирвальд, — мне это тоже не нравится.

Однако Юрей, вопреки обычаю, не успокоился, а продолжал сердито фыркать. Ирвальд положил руку ему на шею, однако скакун сбросил её, попятившись назад. Князь схватился за меч и пригнулся, напряжённо вглядываясь в лесную чащу.

Лёгкий ветерок теребил сухие трубочки дубовых листьев, поигрывал с обнажёнными

ветвями, и ничего более не происходило. Птицы умолкли, даже мошки, и те куда-то подевались, освобождая слух от назойливого жужжания.

Неожиданно Ирвальд почувствовал, как земля под ним стала проседать. Он свистнул, и ядохкрыл рванул в небо изо всех сил, в то время как под ногами Ирвальда разверзлась воронка, заглатывающая землю, камни, кустарники, перемалывая всё огромными жерновами. Владыка болтался в воздухе, уцепившись за скакуна, в то время как Юрий едва боролся с потоками ветра, тянущими его вниз.

— Давай, — рычал Ирвальд, чувствуя, как силы оставляют верного друга, — давай, крылатая тварь. Никчемный безмозглый петух!

Юрей крикнул, злобно хлопая крыльями, и пустил с десятков острых перьев, вонзившихся в землю мелкими смертоносными копьями.

— Неужто твои бока так разжирели, что ты способен поднять только свой зад!!! — не унимался Ирвальд.

Ядохкрыл истошно завопил, брызгая пеной из клюва, и стрелой полетел в облака. Вихрь не отставал, продолжая затягивать зверя обратно, однако Юрий сражался, выплёскивая всю свою ярость, пока, наконец, не выбрался из цепких объятий стихии. Пролетев несколько метров, ядохкрыл медленно опустился вниз.

Ирвальд едва успел соскочить, когда Юрий плюхнулся на землю всем своим телом. Вид у него был жалким: бока изодраны в кровь острыми когтями владыки, одно крыло вывернуто так, что торчала кость, язык вывалился из клюва и беспомощно болтался, капая слюной.

— Молодец, дружище, — Ирвальд обнял ядохкрыла за шею, — сейчас я тебя вылечу.

Он осторожно вправил кость в плечо и накрыл рану ладонью, шепча заклинание. Однако что-то мешало ему, путая чары. Ирвальд удивлённо посмотрел на ядохкрыла — Юрий дёрнулся и завопил, что есть мочи, а на поляну опустилась непроглядная тьма.

Ирвальд поднял руки перед собой, пытаясь понять, что же застлало ему свет. Земля вдруг стала мягкой, как болотная тина. Ноги проваливались вниз, но Ирвальд ничего не мог поделать — не было ни коряги, ни ветки дерева, за которую он мог бы уцепиться. А даже если б и была, то он бы её не увидел.

Владыка более не чувствовал своих глаз.

Земля засосала его по самую грудь. Ирвальд беспомощно водил руками, пытаясь нащупать что-то твёрдое, чтобы выбраться из трясины, но не смог ничего найти. Единственное, что радовало, так это то, что он мог слышать хриплое дыхание ядохкрыла. Значит, Юрий рядом, и всё ещё жив. Он мог бы вылечить его, если бы подобрался ближе.

Ирвальд попробовал передвинуть ногу вперед, и это ему удалось. Однако чтобы сделать шаг, необходима была опора. Нога неумолимо проваливалась в зыбкую почву, и князь барахтался, как лягушонок в жиже нечистот. Он даже смог нащупать свой меч, однако сейчас оружие было бесполезным.

— Дьявол! — воскликнул Ирвальд, вонзаясь локтями в трясину.

Эхо его голоса прокатилось далеко, разлетаясь на все четыре стороны. И князь понял, что он больше не на земле. Должно быть, они провалились в подземную пещеру. Хотя он не помнил падения. Что за дьявольщина творилась вокруг?

Спустя несколько часов Ирвальд почувствовал, что тело его занемело. Невыносимо хотелось пить. Волосы поникли и рассыпались по плечам безжизненной массой. Что-то подтачивало его силы, тянуло из него жизненные соки.

— Нет, — прошептал он, — нет!

Сбоку раздался едва слышный клёкот ядохрыла. Скакун махнул крылом, обдавая лицо Ирвальда прохладой.

— Я вытащу нас отсюда, — пообещал князь, хотя понятия не имел, как это сделать. И внезапно его осенило.

— Отец, — громко крикнул владыка, — Отец! Отец!

Эхо далеко понесло его зов, пробираясь по всем закоулкам пещеры. Ирвальд высоко поднял голову, посылая Морашу призыв. Однако чары владыки наткнулись на глухую стену и возвращались обратно, пронзая болью всё тело. Видно, колдовство Ирвальда не могло пройти сквозь колдовской заслон.

Он яростно закричал, неистово махая когтистыми ладонями, раздирая в кровь собственное лицо. Ручейки крови стекали вниз, капая на одежду. Ирвальд опустил голову, вдыхая собственный запах, и отчаяние стало понемногу отпускать.

Владыка гадал, почему трясина не поглотила его целиком? Смерть была бы жестокой, но всё же не такой мучительной, чем медленная гибель от жажды и истощения в полной темноте. Возможно, внизу была твердь, которая не позволяла затягивать его ниже.

Ирвальд стянул с себя верхнюю одежду, оставшись в одних штанах, набрал в грудь побольше воздуха и погрузился с головой в трясину. Двигаться приходилось с трудом. Маленькие комочки почвы путались в волосах, забивались в нос, рот и глаза, но деваться было некуда. Не в силах сплюнуть землю, Ирвальд заставил себя проглотить её, чтобы очистить глотку, и крепко стиснул зубы. Наконец, он опустил достаточно глубоко, чтобы почувствовать, что земля снизу стала более плотной. Ирвальд притянул к себе меч и стал проталкивать вниз. Острие продолжало погружаться, насколько хватало его вытянутой руки. Значит, тверди никакой не было — просто трясина стала гуще. И это неизбежная смерть.

Грудь невыносимо болела, требуя воздуха. Ирвальд начал пробираться обратно. Когда он, наконец, добрался до поверхности, голова кружилась, а в ушах стучали сотни звонких молоточков.

— О-о-о, — сорвалось с губ, когда, наглотавшись властью затхлого воздуха, он, наконец, расслабился. Только вот надолго ли?

Выбор был невелик. Можно было вновь погрузиться в трясину и остаться там навсегда, избавив себя от страданий. Но так глупо было умереть, даже не глядя в лицо собственной смерти!

Прошло ещё несколько часов. Ирвальд облизывал сухие губы, чтобы хоть немного приглушить жажду.

— Юрей, — позвал он и вздохнул с облегчением, услышав шелест крыла.

Неожиданно в голову пришла безумная мысль. Руки его были не так уж слабы. Ирвальд вновь вытащил меч и крепко сжал в каждой ладони острие и рукоять. Сможет ли он настолько изловчиться, чтобы вытащить тело, не имея опоры? Ирвальд сцепил зубы и откинулся назад, погружаясь в трясину головой и плечами. Ноги его вылетели наружу. Ирвальд рывком согнулся пополам, продолжая держать на вытянутых руках меч, и оттолкнулся от него ногами. Ему удалось немного сдвинуться с места. Отдышавшись, он повторил всё сначала. Кожа и мясо на левой ладони превратились в лохмотья, хлюпающие в крови, однако владыка не сдавался. Ирвальд не знал, сколько прошло времени, пока голова его не уткнулась во что-то мягкое и тёплое. Над ухом раздался знакомый клёкот.

Ирвальд засмеялся, обнимая шею скакуна здоровой рукой.

Юрей был также в плену трясины, однако смог освободить одно крыло, которым

неистово хлопал, приветствуя хозяина.

— Мы выберемся, — твёрдо сказал Ирвальд.

В груди его колыхнулось чувство, сродни жалости. Вот уже сотню лет Юрей был самым верным его спутником, преданным ему до последней капли крови. Но сейчас ядохкрыл был единственной точкой опоры, которую Ирвальд смог найти в непроглядной тьме. Горечь пронзила всё его существо, словно копьём. Ирвальд зарычал и ударил себя кулаком в грудь.

Юрей молчал — то ли он не понимал, что задумал хозяин, то ли наоборот, смирился с неизбежным.

Ирвальд закричал, и голос его наполнил каменные своды пещеры. Он долго прислушивался, соображая, где теряется звук. Эхо уходило в сторону, стало быть, над ним что-то было — возможно, совсем близко. Он достал из-за пояса кинжал и подбросил вверх.

Три секунды — и крепкая сталь ударилась о что-то твёрдое, затем полетела вниз. Ирвальд нащупал кинжал и снова запустил его в воздух. После нескольких попыток кинжал застрял в расщелине между камнями, тогда Ирвальд достал меч.

Взобравшись на ядохкрыла, он с силой запустил клинком вверх. Меч со скрежетом застрял в потолке пещеры.

— Прости, — одними губами прошептал Ирвальд и прыгнул, отталкиваясь от тела скакуна, погружая его с головой в трясину, — прости...

Владыке удалось схватиться за рукоять меча. Изогнувшись, он зацепился рукой за камень как раз в тот момент, когда меч, не выдержав, выскользнул и полетел вниз. Ирвальд остался без оружия, однако смог удержаться на потолке. Карабкаясь по каменному своду, он нащупал кинжал и зажал его в зубах. Продвигаясь мелкими рывками, он гадал, сколько сможет так продержаться. Пальцы дрожали от напряжения, но Ирвальд упрямо карабкался дальше, пока рука его не наткнулась на пустоту.

В потолке была дыра — небольшая, но достаточно широкая, чтобы он смог забраться в неё и медленно пополз вверх.

Спустя некоторое время он смог передохнуть, пристроившись на небольшом выступе. Ирвальд не чувствовал рук. Он знал, что цеплялся за камни голыми костями. Кожа и мясо с ладоней были стёрты, оставалось лишь надеяться, что он сможет быстро их восстановить. Ирвальду нужна была вода — много чистой холодной воды. Стенки пещеры были влажными, и он жадно припал к ним губами, слизывая влагу.

Путь был долог и полон мучений. Отверстие то сужалось так, что Ирвальд с трудом мог протиснуть голову и плечи, то расширялось, щеголяя ровными стенами без единого выступа, за который можно было бы ухватиться. Кожа висела лоскутками, засохшая кровь шелушилась, превращаясь в пыль, и щекотала ноздри. Ирвальд чихал, сотрясая стенки пещеры, с ужасом ожидая, что на голову посыплются груды камней.

Наконец, дыра закончилась, и князь смог выбраться в ещё одну пещеру. Пол был достаточно крепким, и он растянулся во весь рост, расправив занемевшие члены. Несколько часов он отдыхал, пока раны немного не затянулись. Ладони горели огнём, зарастая мясом, однако на большее не хватало сил. Ирвальду нужна была вода — больше чем отдых или глоток свежего воздуха.

В пещерах должны быть источники — осталось только их найти. Ирвальд перевернулся на живот, поднялся на локтях и стал медленно ползти, прислушиваясь к тишине. Он долго полз, не разбирая дороги, пока не уткнулся в стену. Встав на колени, Ирвальд стал двигаться, опираясь ладонями о стену, пытаясь найти выход. Обойдя пещеру по кругу, князь полез к

потолку, однако выхода так и не нашёл. Остался только один путь — тот, которым он пришёл.

Ирвальд заскрежетал зубами от отчаяния, понимая, что ему придётся вернуться. Возможно, в той пещере есть ещё одна дыра, которая приведёт его к выходу. Здесь же не было ничего, кроме ожидания медленной смерти от жажды и голода.

Ирвальд позволил себе отдохнуть ещё немного, затем вернулся к дыре.

Спускаться вниз было намного легче, хотя теперь он чувствовал боль. Если б он ещё мог видеть...

Но глаза по-прежнему были скованы темнотой.

Ирвальд продолжал спускаться, пока не достиг наиболее узкого участка дыры. Сначала он просунул ноги, выскивая опору, затем стал медленно протискивать торс, когда рука его схватилась за довольно широкий выступ. Ирвальд поднатужился и обхватил выступ обеими руками. Пальцы никак не могли нащупать стену, пока он, наконец, не понял, что это была ещё одна дыра в стене. Обрадовавшись, Ирвальд взобрался на выступ и нырнул в узкое пространство. В лицо ему пахнуло свежестью, ноздри расширились и задрожали от восторга: он чувствовал воду.

Глава 26

Ручей, если так можно было назвать крошечную струйку, не толще крысиного хвоста, был сокрыт глубоко под грудой камней. Ирвальд мгновенно раскидал их, как груши, в разные стороны, и, припал губами к небольшому углублению, жадно лакая влагу. Он пил и никак не мог напиться, хотя губы уже онемели от холода. Ирвальд готов был выпить весь ручей одним залпом, но вода текла слишком медленно.

Напившись, он сел, прислонившись спиной к стене, и блаженно раскинул ноги. Волосы его ожили, заструились, играя, по плечам. Ирвальд вытянул перед собой ладони, чувствуя, как они затягиваются новой кожей. Боль утихла, и стало совсем хорошо. Жутко хотелось спать. Ирвальд притянул в себе колени и, обхватив их руками, задремал.

— Скорбно видеть владыку, согнутого, как раба, — послышалось ему сквозь сон.

Голос был странный — ни женский, ни мужской. Глухой, будто из-под земли. Возможно, это ему снилось. Но голос продолжал говорить, и владыка поднял голову.

— Я всё гадал, долго ли ты продержишься. Но ты пробрался дальше, чем я мог представить.

— Я должен радоваться? — со злостью спросил Ирвальд.

— Ты ещё жив, — похвалил его голос, — это повод для радости.

— Чего ты хочешь?

— О, владыка, сейчас имеет значение лишь то, чего хочешь ты.

— Выбраться отсюда.

— Как мелки твои желания! — в голосе послышался смешок.

— Издеваешься, — сказал Ирвальд, — думаешь, я не найду выход?

— Его нет, владыка. Хотя... можешь поискать.

— Почему тут так темно?

Голос не ответил. Ирвальд ещё некоторое время сидел, прислушиваясь, однако никто больше не заговорил. Затем он снова задремал, а проснувшись, напился из ручья и стал исследовать пещеру.

Эта была куда больше предыдущей. Под самым потолком Ирвальд обнаружил ещё один ход и полез дальше. Минуя пещеру за пещерой, он держал путь в неизвестность, надеясь, что

удача все-таки ему улыбнётся.

Больше ему не встречалось воды, зато он нашёл слизняка и заставил себя проглотить мерзкую тварь. Было противно, но живот больше не сводило от голода.

Ирвальд не знал, сколько времени прошло, пока он скитался по подземным лабиринтам. Ему казалось, что целую вечность. Он уже начал привыкать к тому, что передвигается ползком, наощупь, и когда, наконец, очутился в большой пещере, где смог выпрямиться во весь рост, облегчённо вздохнул.

В пещере была вода — он чуял дыхание влаги. Звуки его шагов гулко отдавались в глубине пещеры. Она казалась огромной. Ирвальд осторожно ступал на полусогнутых коленях, втягивая носом воздух.

Вода, вода... где же она?

Ему удалось расслышать лёгкий плеск, и он поспешил на этот волшебный звук. Плеск становился всё громче, и вот уже его перебивало журчание льющейся воды. Ирвальд добрался до озера. Насколько оно было большим, владыка не мог понять, однако в нём можно было искупаться и восстановить силы. На берегу Ирвальд остановился и принялся — ему не хотелось оказаться в объятиях пещерных морен. Если бы в озере ещё водилась рыба, он был бы совсем счастлив.

Вода оказалась кристально чистой и жутко холодной. Рыба здесь, скорее всего, не водилась. Ирвальд вздохнул и погрузился в озеро с головой.

Внезапно тело пронзила боль. Ирвальд выскочил из воды, держась за укушенное бедро, и достал из-за пояса кинжал. Воздух вдруг стал горячим, будто он вдыхал пар над кипящим молоком, а голова закружилась.

«Яд» — промелькнуло в мыслях. Ирвальд уловил едва заметное шуршание возле ступни и услышал свист. Ему вторили десятки таких же свистов, окруживших владыку со всех сторон.

«Пещерные гадюки» — догадался он. Раньше эти твари даже не показывались ему на глаза, а уж в обычный день он изрубил бы их на мелкие куски. Но сейчас Ирвальд не мог их видеть, и они это знали. И даже не боялись. Почему так?

Ирвальд собрался, сгруппировавшись для небольшого прыжка, и сжал клинок в кулаке. Он мог их только слышать, однако этого было вполне достаточно. Ирвальд зарычал, брызгая слюной, и взмахнул кинжалом. Одна из гадюк впилась ему в икру, и он рассёк её пополам. Гадюки вцепились в его ногу — штук десять, пятнадцать? Считать было бессмысленно. С диким рёвом он выбросил ногу вперёд и стал разрывать их когтями. Яд постепенно действовал, сковывая конечности. Твари продолжали цепляться, вонзая зубы глубоко в плоть. Ирвальд кувыркнулся через плечо и нырнул обратно в озеро. Сосредоточившись на ярости, огнём вскипевшей в груди, Ирвальд исторг из уст пламя. Воды озера забурлили кипятком. Гадюки тотчас же всплыли на поверхность, сваренные заживо.

Ирвальд долго сидел в воде, пока кровь не очистилась от яда. Затем прислушался — ничего, кроме шума плещущихся волн. Гадюки исчезли — то ли сбежали, то ли он истребил всё кодро. Пещера была свободна.

Ирвальд выловил одну из мёртвых тварей, содрал кожу и обглодал до последней косточки. Мясо оказалось вкусным — нежным и сочным. Он съел ещё двоих, пока не почувствовал, что насытился. Вода остыла и стала совсем ледяной, пробирая насквозь костлявое тело владыки.

Он выбрался на берег и тут вновь услышал голос.

— Ты похож на голодного пса.

Ирвальд решил, что не станет ему отвечать. Незнакомец открыто издевался, любясь его страданиями. Если б он мог его видеть, то вцепился бы зубами в горло и выпустил его кровь до последней капли.

— Не хочешь говорить? — насмешливо спросил голос, — но придётся.

Князь сделал вид, будто не замечает голос, и пополз по каменному полу.

— Видеть владыку на коленях — что может быть слаще? Однако мне прискорбно, князь. Ты проделал немалый путь, добравшись до озера. И даже избавил меня от этих шипящих червей.

Ирвальд дополз до стены и начал ощупывать её руками — камень за камнем.

— И долго ты собираешься блуждать по кроличьим норам? — усмехнулся голос, — я подскажу. Есть только два пути: один — это тот, которым ты попал сюда. Он никуда не ведёт, разве что обратно в лабиринт, откуда ты можешь никогда не выбраться. Этих нор здесь немало, и даже я не знаю, куда они все ведут. Тот, кто их рыл, может, застрял где-то в скале и издох. А может, продолжает рыть, поджидая, пока ты найдёшь его и сунешься в пасть. А второй...

Голос сделал многозначительную паузу.

— А второй путь всего лишь в двух шагах. И если ты пройдёшь по нему, я, так и быть, верну тебе кое-что.

Незнакомец не обманул: почти сразу же Ирвальд обнаружил проход, достаточно широкий, чтобы пройти во весь рост. Он осторожно пошёл, цепляясь руками за выступы, гадая, в чём подвох. В том, что впереди его ожидает ловушка, он не сомневался. Незнакомец играет с ним в нешуточные игры, где любой неверный шаг — смерть. Ирвальд шёл медленно, пробуя пальцем ноги каждый сантиметр пути. Внезапно стены задрожали. Ирвальд прижался к скале всем телом, и его обдало ливнем из мелких камней. Он не мог видеть, но догадался, что обратно в пещеру он уже не сможет вернуться. Незнакомец закрыл его, не оставив ни малейшей лазейки для отступления. Значит, всё же придётся идти вперёд.

Ирвальд отлепился от стены, опустился на колени и пополз. Камешки под ладонями разлетались в разные стороны. И тут он услышал непривычный звук и остановился. Затем пошевелил ладонью, подталкивая камни вперёд, и услышал, как они падают вниз.

— Дьявол, — прошептал Ирвальд.

— Ты когда-нибудь его видел? — поинтересовался голос над самым ухом, — говорят, он красив... А тебе всё ж придётся перебраться на другую сторону.

Ирвальд услышал шаги — нет, скорее, прыжки. Незнакомец перепрыгивал с камня на камень, и вот уже его голос звучал откуда-то издалека.

— Если хочешь знать, здесь пропасть. Стены гладкие, как зеркало. А дна я не вижу.

Ирвальд со злостью ударил кулаком, поднимая пыль. Как он ненавидел этот голос. Как же сладко было представлять его мучения, когда он поймает незнакомца и снимет с него шкуру живьём, наслаждаясь каждым мгновением пыток...

Только бы добраться до него, да поскорей. Ему до смерти надоело ползать по пещерам, как крот.

Ирвальд подполз к самому краю пропасти и вытянул руки, пытаясь найти мост, по которому незнакомец перебрался на другой край. Но кругом была только пустота. Ирвальд исследовал весь клочок пещеры со своей стороны, однако моста не обнаружил. Голос тоже молчал — очевидно, злорадствовал, наблюдая за его мытарствами, и не собирался более

подсказывать.

Ирвальд набрал в ладонь груды камней и стал швырять перед собой, перемещаясь по краю. Наконец, один из камешков не сразу полетел вниз, а ударился о что-то твёрдое, и лишь потом отскочил в пропасть. Владыка запустил ещё несколько камней, пока не запомнил место, куда они ударялись. Рукой было не дотянуться. Тогда Ирвальд прилёг на самый край пропасти и, свесившись, насколько позволяла спина, вытянул ноги и нащупал каменный столб. Верхушка столба оказалась небольшой — чуть длиннее ступни, одинаковая со всех сторон.

Ирвальд понял, почему незнакомец прыгал — видно, перебраться можно было лишь по этим столбам.

Он вернулся обратно на край и задумался. Даже зрячему нелегко перепрыгивать по столбам над пропастью, куда уж слепому. К тому же по ним не проползёшь — уж больно велико расстояние. Что ж ему было делать? Не сдаваться, в самом-то деле, когда тот паскудник наблюдает за каждым его шагом?

Ирвальд набрал ещё камней и стал швырять в пропасть, каждый раз запуская как можно дальше. Ему удалось обнаружить шесть верхушек — дальше его камни не долетали. Столбы стояли относительно ровно — оставалось надеяться, что остальные стоят также, не петляя из стороны в сторону. Если бы Ирвальд строил такую ловушку, он бы точно расставил их как попало.

Бросив ещё с сотню камней, Ирвальд смог угадать расстояние, которое придётся перепрыгивать. Он разогнулся и сделал прыжок на край, чтобы понять, насколько ровно он сможет приземлиться на столь убогом пятачке. Сначала Ирвальд не мог удержаться и падал на одно колено. Затем прыжки становились всё крепче, пока он не почувствовал, что готов.

Ирвальд собрал побольше камней, завернув их в пояс, подошёл к краю пропасти и прыгнул. Шесть чётких ровных прыжков, ни разу не покачнувшись. Он гордо улыбнулся, приподняв краешки губ. На шестом столбе Ирвальд замер и осторожно опустил ноги в пропасть. Он стал бросать камни в пустоту, чувствуя, как стынет кровь. На девятом столбе линия всё же ушла в сторону, и ему никак не удавалось найти десятый. Ирвальд решил подобраться поближе и сделал ещё три прыжка. Последний столб сильно крошился, так что владыка не удержался и упал, едва успев ухватиться за край. Тело его с размаху ударилось о столб, так что он едва не взвыл от боли. Снизу столб был гладким, так что Ирвальд с трудом вскарабкался наверх и уселся, тяжело дыша. Острые края врезались в ягодицы, и он гадал, сможет ли оттолкнуться ступнями в следующем прыжке.

На то, чтобы найти десятый столб, ушли последние камни. Он оказался чуть дальше, чем остальные. Ирвальд никак не мог решиться — уверенность оставила его, уступив место отчаянию. Он закусил губы до крови, затем сплюнул в пропасть и стал отковыривать камни со столба, на котором сидел. Камешек за камешком, в очередной раз стирая ладонь до кости. Поверхность столба стала относительно ровной. Ирвальд поднялся и прыгнул. Ноги его оторвались от опоры, однако достичь десятого столба не удалось — он скользнул пятками по камню и полетел в пропасть. Лишь чудом ему удалось схватиться за следующий столб. Когти скользили по гладкому камню. Ирвальд то взбирался наверх, то плавно съезжал в пропасть. Силы оставляли его, однако упрямство подгоняло сражаться даже за крошечный шанс выбраться наверх.

Солнце, как же ему хотелось увидеть солнце...

Ирвальд продолжал ползти, ломая когти, пока не взобрался верхом на столб. Камни

почти кончились, но он уже знал, как добыть новых.

Ещё четыре столба, и владыка очутился на другом краю пропасти. Вконец измотанный, он упал на пол и прикрыл веки. Тело ломило от усталости. Хотелось немного поспать.

— Я удивлён, — произнёс голос, — признаться, я дальше не знаю, что с тобой делать. Я ожидал, что ты сорвёшься в пропасть.

— Так отпусти меня, — сказал Ирвальд.

— Нет. Ты принадлежишь мне.

— Я никому не принадлежу, — взревел Ирвальд, вскакивая во весь рост и размахивая когтями, — никому. Я владыка!

— Успокойся и отдохни, — посоветовал голос.

Ирвальд издал ещё один отчаянный рык, полный горечи от собственного бессилия. Ярость заволакивала сознание, однако он не позволил ей одержать верх. Нужно было подумать. Что там ещё говорил незнакомец? Что он готов был ему вернуть?

Но в тот момент это было не так уж важно. Ноги подкашивались, требуя отдыха. Ирвальд снова опустился на пол и забылся в глубоком сне.

Глава 27

Ярушка проснулась и села на кровати, тревожно озираясь по сторонам. Она впервые за несколько месяцев ночевала одна. Подушка Ирвальда не была примята, значит, он вообще не появлялся. Мог ли он спать в другой комнате? Ей как-то не сильно верилось.

Даже если муж возвращался за полночь, когда Ярушка уже спала, то ложился рядом, обнимал её и засыпал, мурлыкая себе под нос. И обижался, если она говорила ему об этом, сравнивая с котом. Но что уж она могла поделать, если муж действительно мурлыкал.

Она улыбнулась, но тут же на лицо набежала тень. Где ж его носит?

Ярушка умылась и причесала волосы, оделась и спустилась в обеденный зал.

Зельда колдовала над утварью, избегая смотреть на молодую княгиню. Должно быть, она уже знала, что Ирвальда не было. Ярушка рассердилась и пошла в сад.

Ближе к вечеру злость сменилась тревогой. Быть может, что-то случилось? Ярушка отогнала назойливых болтушек, бубневших у неё над ухом целый день, и обрадовалась, увидев Миклоша.

— Приветствую тебя, княгиня, — ухмыльнулся коротышка, — что-то тебя сегодня не видать. Пришлось съесть твою долю завтрака, обеда и ужина.

— На здоровье.

— Нужно есть, а то отощаешь. Грудь сдуется, как рыбий пузырь.

— То не твоя забота.

— Как знаешь. Только каменная жаба нажалуется хозяину, что ты объявила голодовку.

— Пусть жалуется, — отмахнулась Ярушка, — неведомо ещё, где его черти носят.

— У владык много забот, — серьёзно сказал Миклош, — не думай, что он там любезничает с кем-то.

— Я и не думаю, — фыркнула Ярушка, однако глаза её блеснули. Миклош понимающе ухмыльнулся.

— Он раньше, бывало, надолго пропадал. Внезапно срывался, и также внезапно возвращался. И никому отчёт не держал.

— У людей принято, чтобы муж предупреждал жену, что отлучается надолго.

— Тут уж ничего не могу сказать, — искренне ответил коротышка, — дело семейное. Но не думаю, что хозяин надолго исчез. Скорее всего, вот-вот появится.

— Почему ты так думаешь? Знаешь что-то? Говори! — потребовала Ярушка.

— Ну а как же рыбки пузыри-то помять? — Миклош скорчил похотливую рожицу.

— Ах ты, рыжий негодник!

— Какие мы скромные, — прыснул в ладошку понурьш и сорвался бежать прежде, чем Ярушка, красная от негодования, нашла, чем в него запустить.

Однако ни в тот вечер, ни на следующий день Ирвальд не появился. Ярушка кусала губы, глядя с досадой на то, как жизнь в замке продолжается, ступая своим чередом. Будто ничего такого и не случилось. Будто так и надо, чтобы муж приходил, когда хотел, и исчезал настолько, насколько душа пожелает.

А ведь Ярушка так привыкла к его ласкам, к их беседам и прогулкам по лесу, купаниям в озёрах. Настолько привыкла, что перестала и думать о том, что он вовсе не человек.

Должно быть, она всё-таки глупа, и напридумывала себе невесть что. А Ирвальд совершенно обыкновенный — такой же, как все мужики, как любила поговаривать Любашка.

Теперь же ей стало невыносимо скучно — дни тянулись долго, а ночи стали ещё длиннее. Она бродила по замку, выучив наизусть каждый закоулок. Добравшись до библиотеки Ирвальда, она перелистала каждую книгу, рассматривая картинки. Грамоте её не учили, считая, что это мужское дело. Но ей бы хотелось прочесть, что там было написано. Ей казалось, что муж не стал бы возражать.

В конце концов, терпение её лопнуло, и Ярушка решила посадить цветы, чтобы хоть чем-то занять голову, которая шла кругом от дурных мыслей. Она подумала о розах, только не знала, где их достать.

— Мы принесём семена дивных цветов, — пообещали болтушки и не обманули. К полудню принесли в лапках целую пригоршню.

Ярушка велела Миклошу, шатавшемуся, как всегда, без дела, вскопать грядки, и засеяла весь сад цветами. Теперь будет, чем любоваться. Хорошо бы мужу понравилось. А если и нет, так цветы — не мужская забота, будут радовать её душу.

Потрудившись в саду, Ярушка изрядно проголодалась и велела накрывать стол к обеду.

Стул Ирвальда, пустующий уже несколько дней, раздражал её, словно бельмо на глазу. Она старалась не смотреть в ту сторону, болтая за обедом с Себрио, который, похоже, совсем не умел молчать. Оставалось гадать, когда же он всё-таки успевал проглотить пищу, ведь тарелка его то и дело пустела, и тогда наглая усатая морда требовала добавки.

Слуги забавляли её, не давая грустить в одиночестве. И, откровенно говоря, в этом мире ей было даже лучше, чем среди людей, где каждый норовил подчеркнуть своё место, наставляя целую кучу преград. Знать не обедала со слугами, ей даже не полагалось смеяться над простыми шутками, а уж если и позволяла себе чего лишнего, так сразу же молва пускалась ручейком по всему честному народу.

В знатной семье Ярушку уже бы в сотый раз попрекнули, что она бесприданница. Ирвальд же осыпал её подарками — красивыми платьями, украшениями, не требуя взамен даже слов благодарности.

— Ирвальд, — прошептала Ярушка, улетев мыслями далеко за пределы обеденного зала.

Она очнулась, заметив, что все умолкли, глядя на неё с удивлением. Она улыбнулась и пожалала плечами, делая вид, будто ничего не произошло. Зельда сидела с привычной кривой усмешкой на плоских губах, но Ярушка решила не обращать на неё внимания. Пусть злорадствует, раз это тешит её каменное сердце.

Внезапно за окном потемнело, будто налетела гроза. Ярушка уже привыкла, что дожди в Синих Горах — обычное дело. Тучи налетали быстро, разряжаясь молниями, поливали землю холодными ливнями, и тот час же исчезали, уступая место солнцу.

Но в этот раз стены замка задрожали от грозного рёва, который никак нельзя было принять за раскаты грома. То был именно рёв — дикий, ужасный, кровь от которого леденела в жилах.

Слуги повскакивали со своих мест, опрокидывая стулья.

— Конюшни! — крикнул Себрий. Он и ещё один конюший, Аврий, стремглав понеслись прочь из зала.

— Что это? — испуганно спросила Ярушка Зельду.

Каменная баба покачала головой и показала на ставни.

— Нужно закрыть.

Тени дружно бросились закрывать ставни по всему замку. Ярушка с Миклошем едва успевали помогать. Между тем рёв усилился, перекрывая яростный клёкот ядохрылов и истошное ржание коней.

Ярушка придвинула стул к небольшому оконцу, на котором не было ставней, и выглянула наружу.

— Мамочки! — ужаснулась она, — там медведь!

— А что это за зверь? — спросил Миклош, — я про таких не слышал.

— Огромный белый медведь! У нас такие бродят по лесам. Только они бурые и гораздо меньше.

— А этот?

Миклош прыгал возле ног девушки, нетерпеливо потирая руки. Ярушка помогла ему взобраться на стул и посадила к окну. От увиденного понурыш задрожал и закрыл лицо руками.

— Никогда такого не видел!

— Я тоже! — почти с восторгом воскликнула Ярушка.

— Чему ты радуешься, глупая женщина? — обиделся Миклош, — в наших краях, да что там, во всем Межгорье, отродясь, не бывало таких зверей. Разве что та белая псина.

— Она была поменьше, — тихо сказала Ярушка, — намного.

— Что оно тут забыло?

— Откуда мне знать? Думаешь, оно разнесёт замок?

— Сомневаюсь, — раздался сзади голос Себрио, — на худой конец, можно уйти в Горы через пещеры.

— А где это? — спросила Ярушка.

Себрио почесал затылок. А ведь он и сам не знал. Сто раз слышал от князя, что есть такие ходы, но никогда не бывал.

— Про то лишь князь ведает. Он владыка. Нам не положено.

— Может, тени подскажут?

— Если они знают. Как у них спросишь?

— Так что же нам делать? — Ярушка нервно прижала руки к груди, глядя на Себрио с надеждой, что тот придумает, как выпутаться из передраги. Но тот и сам с трудом понимал, что делать.

— Замок крепкий, — сказала Зельда, про которую все впопыхах забыли. А она стояла сзади и слушала разговор, обдумывая, что делать дальше, — он сможет продержаться, пока

не вернётся хозяин.

— А он справится с такой тварью? — спросила Ярушка, чувствуя, как холодеют щёки. Ирвальд же совсем не знал про чудовище. Это они сидят здесь, в безопасности, за каменными стенами. А он там один — пусть и сильный, но равным счётом ничто против огромного медведя.

— Сам вряд ли, — ответил Себрио, и сердце Ярушки сжалось от дурных предчувствий.

— А как его предупредить?

— Владыка почувствует эту тварь. Тем более что он уже видел его следы.

— Когда?

— На той неделе он показывал мне борозды от когтей.

— Так почему ты молчал? — Ярушка в гневе ударила его кулачками в грудь, — быть может, Ирвальда потому так долго нет, что медведь напал на него.

— Поверь, княгиня, если б с хозяином что случилось, здесь бы уже были остальные князья.

— Они чувствуют друг друга, — пояснил Миклош.

«Слава Богу», — обрадовалась Ярушка и облегчённо опустилась на стул.

— Воды у нас достаточно, — рассуждала Зельда, — а вот еды может не хватить.

— Несколько дней продержимся, — махнул рукой коротышка, — может, медведь сам уйдёт?

— Может и так, — согласился Себрий.

— Уж больно жутко орёт, — боязливо поморщился Миклош.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но медведь не ушёл. Ярушка со слугами испуганно наблюдали за ним через маленькие окошки и щели в ставнях. Зверь долго ревел, кидаясь на стену замка. Даже вскарабкался на крышу, исцарапал когтями ставни, но не смог одолеть каменную крепость.

Когда он устал реветь, то улёгся перед замком, опустив голову на передние лапы, и грозно утвился на них, сверкая чёрными, как смоль, глазищами.

Зубы у медведя были огромными, топорщились из обнажённых десен, словно пики, и поблёскивали на солнце.

Воздух вокруг замка был отравлен зловонием его пасти, запахом испражнений и грязной шерсти. Ярушке казалось, что даже стены замка пропитались смрадом чудовища.

Казалось, медведю не нужны были ни еда, ни вода. Он ни на минуту не покидал свой пост возле замка, грозно ревя и кромсая когтями всё, что попадало в его лапы.

На третий день осады все ходили хмурые, изголодавшиеся без мяса, на одной лишь похлёбке из овощей, и ругались, то и дело наскაკивая друг на дружку в полутьме.

Рёв медведя заглушал любые звуки, но всё же Ярушке удалось расслышать громкую возню в подвалах замка. Она спустилась вниз, стараясь не обращать внимания на цветистую брань, которой щедро осыпали друг дружку конюшие.

— Что у вас стряслось? — спросила она с порога.

— Нужно отпустить ядохрылов, — сказал Себрий, — они сходят с ума от голода и уже задрали коня.

— А как же медведь?

— Что им станется? Взмоют под облака, и был таков.

— Собери их потом, — пробубнел Аврий, — а хозяин головы поснимает.

— Думаешь, за коней не поснимает? — осклабился Себрий, — они и сами друг дружку

скоро затопчут. Видано ли — столько дней в стойле, когда эта тварь орёт так, что поджилки трясутся.

— А мы можем улететь с ядохрылами? — прервала их Ярушка.

— Мы с Аврием — да. А вас они не знают. Миклоша вообще порвут. Кроме того, мы не можем бросить коней. Они сойдут с ума.

— Это кони?

Ярушка подошла к стойлу, изумлённо рассматривая существо, лишь отдалённо походившего на привычную ей лошадь. Существо было крупнее и выше. У него было целых три хвоста, звонко молотивших по крупу, словно возникший плетью. Морда вытянута и покрыта мелкими блестящими шипами — от серебристой метки на лбу до самого носа. Глаза коня были тёмными, с тремя жёлтыми зрачками, мигавшими в темноте. По бокам возле ушей торчали две пары рогов. Одни длинные, как у козла, другие чуть короче. Острые кончики рогов поблескивали в полумраке подземелья. Конь тряхнул чёрной гривой, длинной, почти до колена, и громко заржал, обнажая передние клыки.

— Боязно? — улыбнулся Себрио.

— Немного, — призналась Ярушка.

— Он не навредит. Если его не дразнить, он никогда не нападёт первым.

— Хорошо, не стану его дразнить.

В глазах Ярушки мелькнула искорка смеха, и напряжение тут же отпустило. Мужчины расслабились и перестали браниться.

— Может, ядохрылы смогут отвлечь медведя? — вдруг подумала она, — вы бы могли выпустить коней. Они разбегутся в разные стороны, и медведь не сможет их поймать.

— А я оседлаю жожака, — предложил Аврий, — и поеду с ними. Они потом все прибьются к жожаку.

— А ты полетишь с жожаком ядохрылов, — сказала Ярушка Себрию, но тот покачал головой.

— У них нет жожака. Ядохрылы сами по себе. Только Ирвальд может собрать их в стаю.

— Разве у нас есть другой выход?

— Нет, но...

— Тогда пробуем. Лучше спасти хоть кого-то, чем загубить всех.

— Я не уверен, что смогу сделать что-то с одним ядохрылом. Медведь не так глуп, — возразил Себрий.

— Нужно попытаться, — настаивала Ярушка и, видя колебания конюхов, гневно сдвинула брови, — я приказываю.

Конюхи многозначительно переглянулись между собой, но спорить не стали. Может, хозяйка была и не права. Но всё ж лучше иметь какое-нибудь решение, нежели никакого, и просто ждать, пока звери начнут калечить друг друга всерьёз.

Конюшие вывели ядохрылов из стойла и отвели наверх в комнату с самыми большими окнами. Золотые копытца забавно цокали по каменному полу. Ярушке очень хотелось погладить благородных скакунов, но Себрио не разрешил.

После Аврий вернулся в подземелья, чтобы приготовить коней, а Себрио с остальными слугами стали открывать ставни.

Яркий солнечный свет ворвался в комнату, мгновенно ослепив привыкшие к полумраку глаза. Ярушка прикрыла лицо руками, Миклош разразился бранью. Лишь ядохрылы, радостно клекоча, ринулись в открытые окна один за другим. Себрио вскочил на спину

своего скакуна и вылетел последним.

Медведь громко заревел — так, что ставни затряслись, срываясь с петель. Слуги точас же бросились их закрывать. Ярушка успела увидеть, как зверь поднялся на задние лапы и стал неистово махать когтями, норовя зацепить ядохкрылов. Себрий кружил вокруг него, улюлюкая и посыпая ругательствами, однако медведь не обращал на него внимания. Чудище вдруг подпрыгнуло вверх и вцепилось в одного из скакунов. Ядохкрыл едва успел крикнуть, как мощные челюсти разорвали его пополам. В воздухе замелькали перья, опадая на землю мерцающим на солнце дождём. Медведь грозно ворчал, выплёвывая ядовитую голову и вгрызаясь в сладкий круп.

Остальные ядохкрылы продолжали кружить над ним, будто вороньё. Ярушке было видно из щели, как они выстроились в плотное кольцо. Раздался неистовый вереск — словно сотни обезумевших птиц разом открыли свои глотки, извергая всевозможные звуки. Ядохкрылы рванули в стороны, выбрасывая сотни заострённых перьев. Они вонзались в голову медведя, пробивая толстую шкуру, намертво застревая в незащищённых ноздрях и веках. Чудовище неистово ревело, теперь уже от боли. Ядохкрылы продолжали поливать его ядовитым дождём из перьев, пока он не зашатался и не упал, растянувшись перед ззамком. Спина его тяжело вздымалась, глаза кровоточили, с могучих клыков капала жёлтая пена.

— Думаешь, это всё? — тихонько спросила Ярушка коротышку, сопевшего рядом.

— Я не знаю, сколько нужно яду, чтобы завалить такую огромную тушу, — признался Миклош, — он пока ещё дышит. Посмотрим, справится ли.

— Хорошо бы сейчас обезвредить его, пока он не может сопротивляться.

— Он может прихлопнуть лапой любого, кто подойдёт.

— И что — мы будем просто смотреть и гадать, выживет он или нет?

— Я бы словил парочку зайцев, — предложил Миклош.

— А я бы отправила кого-то на поиски Ирвальда.

— Полагаю, Себрий как раз за ним и отправился, — скал Миклош, указывая на чёрную точку в облаках.

— И мне ничего не сказал, — Ярушка нахмурила брови.

— Каждая минута дорога, — Миклош укоризненно покачал головой, — смотри, Аврий вывел лошадей. Он спрячет их в Горах, пока медведь не уйдёт.

— Он всё ещё дышит, — заметила Ярушка, глядя на тушу.

— Если нам повезёт, хозяин сумеет заманить его в Горы и сбросить в пропасть.

— Лучше бы он издох.

— Тогда нам придётся покинуть замок. Представляешь, как эта туша начнёт смердеть?

Ярушка об этом не подумала. Она вообще и представить себе не могла, как Ирвальду удастся заманить его куда-либо. Медведь так огромен. Если его убить, можно накормить с дюжину городов.

— Ну, я пошёл, — сказал Миклош, помахав ей потной ладошкой.

Ярушка осталась стоять у окна, переживая теперь и за понурыша. Только бы все возвратились домой...

Миклош вернулся через несколько часов со связкой кроликов и несколькими озёрными жабами, сетуя на то, что чудовище разогнало всю лесную живность, и ему пришлось бегать по полям. Ярушка не слушала его, с тревогой думая о том, куда запропастился Ирвальд. Ядохкрылы невероятно быстры — Себрий мог бы уже пересечь всё Межгорье.

Зельда молча забрала добычу, не погнушавшись и жабами, и скрылась на кухне. Через

час был готов ужин. Слуги с жадностью уплетали сытную еду. Ярушка лишь пригубила вино, задумчиво глядя куда-то поверх тарелки.

— Ты опять не ешь, — с набитым ртом заметил Миклош, — хозяин отдал кучу золота за твои платья, а они скоро станут болтаться на тебе, как тряпка.

— Молчи лучше, — прикрикнула на него Зельда, однако подвинута тарелку поближе к Ярушке, — поешь. Не то сляжешь от усталости.

Ярушка уже готова была сдать, но вспомнила про мерзких жаб и покачала головой. Больше никто не стал настаивать.

Она поднялась из-за стола, как вдруг за окном опять раздался рёв.

— Оклыгал! — сердито воскликнул Миклош.

Они взобрались на стулья, наблюдая сквозь щели в ставнях, как медведь бродит вокруг замка, грозно выпячивая острые клыки. С подбородка на грудь бежала зеленоватая дорожка рвоты, глаза слезились. Должно быть, чудище мучила жажда, и это ещё больше приводило его в ярость.

— Смотрите, — воскликнула Ярушка, показывая на небо, — я вижу огоньки.

— Ядохрылы, — кивнул Миклош.

— Они до сих пор здесь?

— Сомневаюсь. Скорее всего, это хозяин.

— Но как он?...

Девушка замолчала. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понимать: муж не справится с разъярённым зверем, каким бы могущественным он бы себя ни считал. Что бы ей ни говорили преданные слуги, перед глазами до сих пор стоял несчастный ядохрыл, в один миг перекушенный пополам.

Ярушка лихорадочно соображала, что бы они могли сделать, сидя в замке. Отвлечь медведя, пока муж придумает, как его увести? Но как?

На ум пришли байки, которыми её щедро потчевал брат, хвастаясь удачной охотой. Анджей рассказывал, как они загоняли зверей, пугая их факелами, пока те, обессиленные от страха, не теряли бдительность и попадали в расставленные ловушки.

Медведи боятся огня. Даже такие огромные, покрытые длинной шерстью, готовой вспыхнуть от малейшего прикосновения язычков пламени. Только вряд ли великан испугается мелких существ с огоньками-лучинками. Нужен был хороший костёр.

Но как его сделать? Девушка вспомнила ворохи сена в подземельях. Даст ли медведь их вытащить наружу и поджечь? Ярушка прикинула, сколько им придётся носить сено и отбросила эту мысль. Они вряд ли управятся до утра.

Над ухом зашелестело, и совсем рядом проскользнула тень.

— Хна, — позвала её Ярушка.

Тень вернулась, обвившись вокруг хозяйки, и преданно замерла, ожидая распоряжений.

— Мне рассказывали, что от красного огня вы можете пылать, как факелы.

Тень, замешкавшись на мгновение, кивнула.

— А если я накормлю вас красным огнём, вы сможете отогнать медведя в лес?

Хна никак не отреагировала, застыв на месте. Однако отовсюду стали сползаться тени, сбиваясь в кучку, напоминавшую дымящийся клубок.

— Полагаю, это ответ?

Тени задрожали, выражая согласие. Ярушка улыбнулась, однако тотчас же спохватилась.

— Это ведь не опасно для вас?

Хна прошуршала что-то, понятное только ей. Остальные тени зашевелились, выставив вперёд прозрачные ладони.

— После вы сможете забрать всё голубое пламя из камина, — пообещала Ярушка.

Она сбежала по лестнице вниз, осматривая стены, выискивая факел с красным огнём. Наконец, нашла и протянула теням, послушно следовавшим за ней.

Те забрали факел и, осторожно приоткрыв ставни, выскользнули из замка, одна за другой.

Ярушка припала к подоконнику, наблюдая страшную, но красивую картину: тени собрались в цепочку, передавая друг дружке факел, отрывая каждая понемногу пламени. Крошечные огоньки вспыхнули, превращаясь в пылающие метеоры. Тени пылали во всю величину своего роста. Схватившись за руки, они поплыли прямо на медведя.

Тот грозно заревел, однако в голосе послышался страх. Тени становились всё ближе, освещая землю вокруг красным пламенем. Из глотки медведя вырвался вопль ужаса. Тени настигли его и врезались в тушу. Шкура медведя запылала, а по воздуху понеслось зловоние палёной шерсти. Чудище визжало, отмахиваясь лапами от бестелесных существ, однако они продолжали поджигать его со всех сторон.

Наконец, медведь не выдержал и ринулся в лес, пылая, будто стог сена. Ярушка заметила, как золотые звёздочки сверкнули между облаков и последовали за чудищем.

— Слава Богу, — прошептала Ярушка, в изнеможении опускаясь на пол. Какие все-таки удивительные существа — тени. И почему эта мысль не пришла ей в голову намного раньше?

— Ты видела это, княгиня? — завопил Миклош, влетая в комнату. Волосы его были всклокочены, а изо рта капала слюна.

— Да, — улыбнулась девушка, — все кончено, правда?

— Полагаю, так, — согласился он, но лицо его отчего-то сделалось грустным.

— Что не так? — удивилась Ярушка.

— Я как-то по привычке к теням.

— Но они же вернуться!

— Нет, — тяжело вздохнул Миклош, — они уже сгорели. Красное пламя для них смертельно.

Ярушка подскочила на месте, беспомощно оглядываясь по сторонам. Как же так? Как же так?

— Они обманули меня, — воскликнула она, заливаясь слезами, — обманули!

Миклош долго смотрел на неё, опустившуюся на пол и рыдавшую в три ручья, пока, наконец, до него не дошло.

— Это была твоя идея?

— Я не знала, что это их убьёт, — заикаясь, ответила Ярушка, — а они просто взяли и сделали то, что я им велела.

— Тени очень преданы, — согласился Миклош, — но не переживай, скоро набегит толпа новых. В Горах их шатается не меньше, чем мух в свинарнике.

Девушка не ответила, только спрятала лицо в ладонях и зарыдала ещё больше.

Ближе к утру в замок стали сползаться покинувшие его обитатели. Кони радостно ржали в верхних конюшнях, несколько ядохрылов, не успевших улететь далеко, хлопали крыльями и возбуждённо клекотали. Зельда гремела посудой, покрикивая на Миклоша, вынужденного помогать ей на кухне вместо теней.

Впрочем, одна тень всё же осталась. Видимо, Зельда не пустила её с остальными, поручив другие дела. Но то было слабое утешение.

Ярушка поднялась из кресла, в котором продремала всю ночь, отыскивала кувшин с водой и умылась, гадая, что скажет Ирвальд, когда узнает, что она сделала с тенями.

В обеденном зале кто-то был. Ярушка успела заметить синий плащ, вышитый серебряными нитями, и длинные ножны, украшенные богатым рисунком. Грозная статуя владыки возвышалась над камином, отчего зал стал казаться намного меньше.

Но это был не Ирвальд.

Ярушка опустила глаза и присела в почтении, приветствуя Мораша. Тот грозно посмотрел на неё из-под тяжёлых бровей, угрюмо нависающих над ресницами. Взгляд его белёсых глаз был неласков. Однако он всё же кивнул невестке, жестом приглашая за стол.

Она послушно села, сложив ладони на коленях, не зная, что и сказать.

— Стало быть, это была твоя идея? — спросил Мораш.

— Моя, — ответила Ярушка, не смея поднять глаз.

— Разумно, — сухо сказал старый князь, — тени пригнали его к пропасти. Я всего лишь помог ему туда свалиться.

— Я думала, — Ярушка обеспокоенно посмотрела на Мораша, забыв о смущении, — что это был Ирвальд.

— Себрий не смог его отыскать и прилетел ко мне.

— Вовремя, — улыбнулся Себрий, вклиниваясь в разговор. Ярушка вздрогнула — она и не заметила его. Конюший присел у камина на корточках и складывал дрова, — не то медведь мог повернуть обратно и сжечь долину.

— Но где же Ирвальд? — медведь больше не занимал её мысли, — с ним ничего не случилось?

— Нет, — ответил Мораш.

— Вы знаете, где он? — с надеждой спросила Ярушка.

Губы Мораша скривились в подобие ухмылки, щеки запестрели глубокими рвами морщинок, и она почувствовала, как сердце сжимается от страха.

— Он поставил заслон на колдовство, я не смог достучаться.

— Что это значит?

— Это значит, он не хочет, чтобы его беспокоили.

Глава 28

Ирвальд не знал, сколько времени ему удалось поспать — должно быть, целый день или больше того, потому как тело затекло от долгого лежания и занемело. Глаза по-прежнему ничего не видели. Он поднялся на колени, ощупывая пол, намереваясь продолжать путь, как вдруг ладонь его коснулась какой-то ткани. Ирвальд потянул её на себя, однако ткань выскользнула из пальцев. Послышалось неторопливое шуршание. Кто-то шагнул в сторону, чтобы Ирвальд не смог дотянуться.

— Прямо не знаю, что делать с тобою, князь, — сказал незнакомец. В голосе послышалась насмешка.

— Ты кое-что обещал, — напомнил Ирвальд.

— Ах да! Конечно, я не забыл. Ты заработал подарок, Ирвальд. Могу вернуть тебе кое-что.

— Не тyani.

— Но придётся выбирать.

— Какая щедрость, — съязвил владыка.

— Могу вернуть тебе меч. Или зрение. Выбирай.

Ирвальд сжал кулаки, подавляя рвущиеся наружу отчаяние и ярость. Теперь он понимал, что оказался в руках искусного мага. И всё его колдовство оказалось бессильным перед чарами незнакомца, отнявшего у него зрение.

Что за испытания тот ему приготовил? И зачем?

Когда его глаза снова смогут видеть, Ирвальд потребует ответа.

— Ты подумал, князь? — требовательно спросил незнакомец.

— Да, — ответил он.

— Надеюсь, твой выбор окажется правильным.

Ирвальд задумался. Что-то было не так. Это была ещё одна ловушка, возможно, ещё коварнее предыдущей. Незнакомец ждал от него «правильный выбор», понимая, что он выберет зрение. Но что если следует выбрать меч?

Ирвальд уже привык двигаться наощупь. Слух обострился настолько, что он мог сосчитать, сколько шагов до незнакомца, слыша лишь его тихое дыхание. Он даже слышал, как шелестят волосы незнакомца, рассыпаясь по его плечам.

Но защищаться ему было нечем. Только кинжал и когти, бессильные против доброго меча.

Ирвальд чувствовал кожей: незнакомец ждёт, что он выберет зрение.

— Меч, — сказал владыка.

— Уверен? — переспросил незнакомец.

— Я уже сказал.

Совсем рядом раздался удивлённый смех. И тут же Ирвальд услышал, как что-то упало на пол рядом с ним, звонко ударившись о камни. Он протянул руку и поднял меч. Пальцы скользнули по уже знакомой рукояти, провели по лезвию и сжали так крепко, что выступила кровь.

— Что теперь? — спросил он незнакомца. Однако тот не ответил.

Владыка почувствовал, как по волосам пробежал лёгкий ветерок, в лицо пахнуло свежестью. Он поднялся с колен и шагнул вперед, выставив перед собой меч.

Кто-то ожидал его там, в соседней пещере — он чувствовал его дыхание, слышал биение сердца.

— Иди сюда, тварь, — грозно улыбаясь, сказал Ирвальд, глядя в пустоту.

Он опустил веки, представив себе, будто тренируется с повязкой на глазах. Мораш учил его драться вслепую, словно перед ним — невидимый враг. Отец учил его сражаться, надеясь лишь на собственные руки, крепко сжимающие меч.

В темноте, на ветру, стоя под проливным дождём, когда руки и ноги немели от холода. Ирвальд злился, не понимая, на кой ляд такая наука.

Теперь он понимал...

И был готов сражаться или умереть.

Враг пошевелился — Ирвальд услышал, как в воздухе засвистела сталь, размахиваясь для удара. Он упал на пол и откатился в сторону. Остриё меча звонко ударилось о камень. Противник был силён.

Ирвальд продолжал кататься по полу, пока враг обходил его кругом, норовя проткнуть мечом, если бы он зазевался. Но Ирвальд понимал: тот лишь играет с ним. Злобный, напыщенный, самоуверенный дьявол.

Ирвальд разозлился и рывком вскочил на ноги. По телу пробежал знакомый трепет. Он вдохнул полной грудью, ощущая, как в крови закипает уже знакомое сладостное чувство — то пробуждалась ярость. Он закричал, что есть мочи, и крик его перешёл в злобный рёв.

Противник его тоже зарычал, и Ирвальд, с удивлением, отметил знакомые нотки.

Он выбросил руку с мечом вперёд. Сталь заиграла, ударившись со скрежетом о другую сталь. Ирвальд обходил противника по кругу, не отнимая меча.

Враг был высок, даже выше, чем он. Ирвальд слышал, как шуршит плащ на его плечах, на уровне его собственных глаз. Враг поднял меч и замахнулся, но Ирвальд опять отскочил в сторону. Он взял меч в левую руку и стал поигрывать оружием, перекладывая из ладони в ладонь. Затем ринулся вперёд на врага — тот ловко отклонил его клинок, но тут же зашипел от боли: Ирвальд незаметно воткнул ему под ребро кинжал.

Враг закашлялся, сплёвывая на землю кровь. Потом затих. Ирвальд не слышал даже его дыхания. Только шелест — едва уловимый, словно что-то мягкое медленно пересыпалось при малейшем движении незнакомца.

— Владыка, — догадался Ирвальд, — ты владыка.

Незнакомец не ответил.

— Что может заставить владыку сражаться с подобным себе? — продолжал рассуждать Ирвальд вслух, — жадность? Зависть? Чего ты хочешь?

Враг выдернул кинжал, швырнул в сторону и бросился на него, воя, будто раненый зверь. Ирвальд пригнулся и выпрямился как раз в тот момент, когда враг нацелился отрубить ему голову. Меч его рассёк ладонь противника, отделяя пальцы, сжимавшие клинок. Оставшись без оружия, враг вцепился в него когтями здоровой руки и, подтянув к себе, рванул зубами шею. Ирвальд зарычал, сбрасывая с себя врага. Но тот был силен. И молод. Ирвальд чувствовал, что рука, терзавшая его, была крепкой, а кожа — гладкой. Обезумев от боли и ненависти, Ирвальд бросил меч, схватил врага за волосы, откидывая его голову назад, и вонзил когти в глазницы.

Враг заскулил и отпустил его плоть, хватаясь за запястья. Но Ирвальд крепко держал его худые скулы, вдавливая пальцы всё глубже в глазницы. Глазные яблоки лопнули и брызнули липкой слизью. Теперь они оба были слепы. Однако Ирвальд привык к темноте, и теперь у него было преимущество.

Он отпустил врага лишь на мгновение, чтобы поднять меч. Затем он швырнул поверженного владыку на землю лицом вниз, заломил руки за спину и, усевшись сверху, притянул к себе за волосы. Лезвие меча упёрлось в шею врага.

— Что мне делать? — спросил Ирвальд, — отрезать тебе голову?

Владыка хрипел, царапая когтями его пах, однако Ирвальд лишь крепче прижал его коленями к земле и намотал на локоть волосы противника, заставив выгнуться от боли.

— Достаточно, — раздался уже знакомый голос незнакомца, — ты победил.

— Нет, — на губах Ирвальда заиграла хищная улыбка, — пока его сердце бьётся, это не победа. Я вырву его сердце и выпью его кровь.

— Как высокопарно, — ехидно заметил незнакомец, — и всё ж, я бы хотел, чтобы ты его отпустил.

— Слишком большое искушение, — заявил Ирвальд, вдавливая лезвие в шею противника. Он с наслаждением слушал, как с меча капает кровь, а из прорези на горле со свистом вылетает воздух.

— Я готов выслушать, что ты хочешь взамен.

- Назови своё имя.
- Тебе ни к чему это знать.
- Он долго не протянет, — пообещал Ирвальд.
- Тебе нечего больше желать?
- Хочу знать, для чего всё это затеяно.
- Учти, Ирвальд, если он умрёт, я уйду. А ты останешься здесь навсегда.
- Думаешь, я не выберусь? — усмехнулся князь.
- Вопрос только когда. К тому времени все о тебе забудут, включая и твою жену.
- Хорошо, — подумав, согласился Ирвальд, — верни моего ядохкрыла.
- Какая забота...
- Верни мне зрение и выведи нас отсюда.
- Сначала отпусти его.
- Нет.
- Я даю слово.
- Оно чего-то стоит?
- Не дерзи мне, князь, — предупредил незнакомец, — забирай то, что потребовал, и убирайся к дьяволу. Не то я срублю головы вам обоим.

Ирвальд неторопливо отвёл меч от горла противника и осторожно поднялся. Тотчас же пещера вокруг задрожала. Он почувствовал, как каменный пол уходит из-под его ног. Ирвальд замахал руками, пытаясь ухватиться за что-либо, как вдруг повалился на спину, а в глаза ударил яркий луч. Несколько мгновений он лежал, привыкая к свету, затем поднялся и осмотрелся.

Он опять был в лесу и сидел по пояс в болотной жиже. Чуть неподалёку на сухой траве развалился Юрей. Голова его была спрятана под крылом, а спина едва заметно подрагивала. Он спит, догадался Ирвальд и облегчённо откинулся назад. Тина облепила его щёки, запуталась в волосах, но он не обращал на это внимания, просто наслаждаясь тем, что находится опять на поверхности, у подножья Синих Гор. Ирвальд смотрел на их величественные вершины, пронзающие небо над головой, и никогда ещё они не казались ему такими красивыми...

- Вставай, — велел голос, — мы одни.

Владыка поднялся на колени и схватился ладонями за лицо. Было больно.

- Могучий воин повержен щенком, — с издевкой сказал голос.

- Заткнись, — глухо прошептал владыка.

- Я начинаю думать, что все затеянное становится не так интересно.

Владыка хмыкнул, не удостоив его ответом. Он тихо колдовал, восстанавливая покалеченные глаза.

- Мораш погубил медведя, — гневно продолжил голос, — ты говорил, что он слаб.

- Я не думал, что он появится. И я не говорил, что он слаб. Мораш стар и глуп.

- В молодом князе слишком много ярости.

- Я видел.

- И всё ещё надеешься его победить?

- Это мне ни к чему.

- Как же!

- То, что было сегодня — баловство.

- Баловство... Знал бы ты, как я хотел, чтобы Ирвальд срубил твою голову. Это было

бы пиком торжества. Я бы насадил её на шест возле камина и любовался бы, пока черви не изглодали твою плоть.

— Оказывается, в тебе столько страсти, — ехидно заметил владыка, блеснув одним исцелённым глазом, — столько же, сколько и жадности.

— Мне до тебя далеко.

— Зачем ты его отпустил? — спросил владыка.

— Мы заключили сделку. Я держу слово.

— Он всё равно проиграл, — усмехнулся владыка, отнимая ладонь от лица. Белые зрачки злобно сверкнули, прежде чем исчезнуть в бездонной синеве налитых яростью глаз.

Глава 29

Ближе к полудню Мораш улетел в свой замок. Ярушка, наконец, вздохнула свободно и вышла наружу. Во дворе замка царил хаос. Повсюду валялись ветки деревьев и вырванные с корнями кустарники, разбитые колёса телег. Она закатала рукава и стала помогать собирать мусор, однако Зельда решительно прогнала её со двора.

— Негоже, княгиня. Хозяину не понравится.

— Откуда ты знаешь?

— Тут есть, кому работать. Ступай в замок. Там будет, чем заняться.

Однако в замке заботы для неё не нашлось. Слуги чинили покорёженные ставни, посуда на кухне сверкала чистотой. Ярушка села бы за вышивание, да только в такое время это было совершенно некстати. Поэтому она бродила по замку, словно тень.

Мысли об Ирвальде не давали ей покоя. Как он мог оставить её так надолго, не потрудившись даже предупредить? Слова его отца жгли душу горькой обидой.

— Ты опять грустишь? — Миклош нарисовался, словно из ниоткуда, и протянул ей горсть лесных ягод. Ладонка его была грязной и липкой, но Ярушка с благодарностью приняла угощение.

— Себрий собирается к торговцам. Много инструмента сломано. Внешний двор конюшни полностью разрушен, а нечем чинить.

— Я хочу с ним, — обрадовалась Ярушка.

— Как так? — коротышка замер с открытым ртом, — а если хозяин вернётся, а тебя нет?

— Если вернётся!

— Знаешь, так ведь всегда и бывает. Только соберёшься сделать что-то тайком, как все тут же соберутся, чтобы поглазеть. Он вернётся, едва ты уедешь, зуб даю.

— Ну и чёрт с ним! Я еду! — твёрдо решила Ярушка и поспешила переодеваться в дорогу.

Зельда, как всегда, хмурилась, но Себрий не возражал против хорошей компании, взяв, однако слово, что Ярушка не станет вмешиваться в его покупки. Миклош увязался следом, и ей ничего не оставалось, кроме как позволить ему устроиться рядом. Седло было достаточно большое, чтобы поместились оба.

Себрий выделил хозяйке дюжего чёрного коня. Ярушка уже не боялась этих рогатых красавцев и ласково потрепала зверя по загривку. Конь приветливо заржал и тряхнул роскошной блестящей гривой. Ярушка рассмеялась и поцеловала его мокрый нос.

— Красавец!

— Прокатимся с ветерком, — пообещал Себрий.

Кони оказались резвыми. Они лихо перескакивали через кочки и мелкие речки и

неслись, не зная усталости. Ярушка ликовала и смеялась, как озорное дитя, подставив лицо навстречу ветру — ей так давно этого не хватало.

Вскоре они домчались до табора торговцев. Спешившись, Ярушка взяла коня под уздцы и прошла среди шатров, с интересом рассматривая выставленные на продажу товары. С их приездом лагерь оживился. Торговцы высыпали из шатров, однако никто не зазывал, не предлагал ей купить у него товары. Все только пялились на неё, будто на диковинного зверя. Ярушке стало немного не по себе, и она жутко обрадовалась, увидев знакомое лицо.

— Маришка! — окликнула она цыганку. Та обернулась и расплылась в улыбке, признав княгиню.

— Как же я рада тебя видеть!

Ярушка не сдержалась и обняла цыганку, целуя в щёку. Маришка оказалась более скромной и торопливо увлекла её за собой в шатёр.

— Как это владыка отпустил тебя гулять по табору? — удивилась она.

— Его здесь нет, — призналась Ярушка.

— Не боишься, что он разозлится, если узнает?

— Не боюсь.

— Что ты ищешь у торговцев? — поинтересовалась Маришка.

— Пока не знаю. Может, причешешь мне волосы? — попросила она цыганку.

— А то!

Маришка распустила её косы, тщательно расчесала гребнем густую копну и стала укладывать в затейливую причёску.

— У тебя такие добрые руки, — сказала Ярушка, — прям от души отлегло.

— Что приключилось-то? — подозрительно спросила цыганка.

— Да ничего, — соврала Ярушка, — просто устала.

— Ты как будто исхудала.

— Разве это плохо?

— Владыка не обижает тебя?

— Что ты! — воскликнула Ярушка, — он меня и пальцем не тронул.

— Это хорошо, — похвалила цыганка, — мой, бывает, поколачивает меня, если что не нравится. Но это обычное дело.

— Что в этом обычного? — не поверила Ярушка.

— Бывает, я сама виновата. Бывает, под горячую руку попаду. Но это в моей семье так, а в твоей — вы сами хозяева. Не обижает, и слава Богу.

— Маришка, — неуверенно начала Ярушка, — а бывало такое, чтобы муж оставлял тебя одну?

— Конечно, — усмехнулась цыганка, — кто ж ещё за товаром присмотрит, когда ему надо ехать.

— А если надолго?

— Смотря насколько. Если на пару дней, так это часто случается. Но дольше — никогда. Он старый и ревнивый чёрт. Боится, что я на кого глаз положу. Поэтому сторожит, как собака.

— Понятно, — улыбнулась Ярушка. Но улыбка получилась натянутой, и цыганка это заметила.

— Ты такая красавица, — сказала она девушке, — что тебе переживать? Ведьмы — то пустое. Владыка всё равно к тебе вернётся. Вот посмотришь.

— Я и не думала о ведьмах.

— Думала, — цыганка по-матерински поцеловала её в макушку, обнимая за плечи, — мужичьё, оно такое. Не устанет гулять, покуда есть бабы, я-то уж знаю. Так что забудь — незачем сердце терзать. И хорошенько поешь, а то одни глаза остались.

— Как у тебя легко всё выходит, — прошептала Ярушка, — не могу я так.

— Сможешь, — пообещала цыганка, — молода ты ещё. Вот поживёшь с моё, ещё и не то сможешь. Запомни: мужик — он как ветер в поле. Только подумаешь, что любит, оглянёшься — ан-нет его, улетел. Так что живи себе в довольстве да радуйся тому, что тебе Бог подал. Многие в нищете умирают. И корочка хлеба им милее самого жаркого поцелуя.

Ярушка ушла от цыганки с тяжёлым сердцем. Не утешила её Маришка, только ещё больше расстроила. Хотя она и понимала, что не со зла.

— Какие у тебя волосы, — восхищённо присвистнул Миклош, — ещё бы корону княжескую...

— Не надо, — грустно улыбнулась Ярушка, — и так хорошо.

— Что-то ты мне не нравишься, — пробормотал Миклош.

— А только что восхищался!

— Я о другом.

— На всех не угодишь, — пожала плечами Ярушка.

— Поменьше надо слушать глупых баб!

Ярушка не стала отвечать, взобралась верхом на коня и протянула Миклошу руку. Тот мотнул головой и лихо прыгнул в седло позади неё.

Между тем Себрий нашёл все, что ему было надо, и готовился отправиться в обратный путь. Новая причёска Ярушки ему понравилась, о чём он тотчас же сообщил, свистнув при этом достаточно громко, чтобы добрая половина табора повернула к ним любопытные носы.

Назад они ехали чуть медленнее. Ярушке не сильно хотелось возвращаться в замок. Она кивнула Себрию и направила коня через поле, любуясь цветами. Ноги она держала высоко, помня о том, как её однажды укусил пёс. Конюший, казалось, ничего не боялся. В этом мире он был своим в доску, и мог в случае чего держать ответ могучей когтистой лапой.

Достигнув леса, они повернули коней и стали ехать вдоль деревьев, прячась от палящего солнца. Миклош вдруг забурчал, требуя искать другой путь. Он суетился и чихал, жалуясь на пыльцу. Ярушка досадливо косилась на него, недоумевая: они уже давно покинули места, усеянные цветами. Понад лесом росла густая трава.

Неожиданно среди деревьев показались хижины — старые, неопрятные, поросшие мхом и паутиной, перекошенные на один бок. Под крышами сидели совы и тарасили на путников огромные жёлтые глазищи.

— Ведьмы, — шепнул Миклош, — давайте-ка убираться отсюда.

Себрий виновато посмотрел на хозяйку. Ему и невдомёк было, что не следует ехать таким путём. Он настолько привык проезжать мимо, не замечая селения, что даже забыл, что оно там было. Хотя, ведьмы, конечно, их не тронут. Только вот встречаться с ними не стоило.

Себрий протянул руку и взял поводья княгини, удерживая коня совсем рядом со своим. Как вдруг Ярушка побледнела и попросила остановиться.

— Что случилось? — недовольно буркнул Миклош.

— Надобно в кусты, — сказала Ярушка.

— Может, потерпите? — предложил Себрий.

— Нет, — вскричала она, соскакивая с коня, и помчалась в лес. Живот скрутило так, будто в него вонзили сотни иголок. Она едва успела задрать юбки и присесть за раскидистым кустом. Справившись, Ярушка поднялась, отряхнула платье, и вдруг увидела, что рядом кто-то стоит.

— Простите, — прошептала она, краснея от стыда.

— Пустяки, — сказала ведьма.

Она была довольно молода, но ужасно некрасива. И глядела на Ярушку так, будто собиралась съесть. Девушке стало не по себе, и она попятилась назад, гадая, как скоро сумеет добежать до коня. Ведьма заметила страх в её глазах и усмехнулась.

— Тебе нечего бояться, дитя. Жёну владыки никто не тронет.

— Вы знаете, кто я?

— Ещё бы! Вся долина знает. Тут больше нет людей.

— Понятно.

— Ты в порядке? — спросила ведьма — лицо у тебя белое, как молоко.

— Да, мне уже полегчало, — ответила Ярушка, — спасибо за заботу.

— Обращайся, если что. Может, помогу советом.

— Я вас совсем не знаю, — сказала Ярушка, — с чего вдруг вам мне помогать?

— Не знаешь, говоришь?

Ведьма прошлась перед девушкой, важно уперев ладони в пояс. С лица не сходила странная улыбка.

— А стоило бы знать. Хотя это не так уж важно.

— Если вы хотите что-то сказать, то говорите.

— Меня зовут Топчанка.

— Очень приятно, — сказала Ярушка.

— Значит, ты обо мне не слышала? — догадалась ведьма.

— А должна?

— Ну, это как сказать. Мы с твоим мужем давно друг друга знаем.

— Полагаю, Ирвальд знает в этой долине всех, — холодно сказала Ярушка.

— Не скажи, — ведьма широко улыбнулась, обнажая кривые зубы, — у князя особые вкусы, если хочешь, могу кое-что показать.

— Зачем? — спросила Ярушка, глядя на Топчанку с удивлением.

— Ближайшие лет двадцать тебе пригодится. Хотя, как знаешь. Дорога сюда открыта — и тебе, и ему.

— Чего вы от меня хотите? — Ярушка отчаянно закусил губу, пытаясь не заплакать.

— Ну что ты расстраиваешься, — Топчанка протянула руку и потрогала корявыми пальцами подбородок княгини, — такая нежная кожа. Жаль, что твоя красота скоротечна.

— Я больше не стану вас слушать, — Ярушка убрала от лица руку ведьмы, но та не спешила её отпустить.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Совсем младенец! Я всё гадаю, что Ирвальд с тобой делает? Ведь ты ещё пуста.

— Это как?

— Я не вижу ребёнка, — ведьма указала на её живот, — ты не понесла.

— Это не ваше дело! — возмутилась Ярушка, прикрывая ладонями место, на которое ведьма указала пальцем.

— Я вижу, ты не понимаешь, на что нужна князю, дитя.

— А то вы знаете!

— Конечно! — усмехнулась Топчанка, — мы с князем поладили задолго до твоего рождения. И даже до рождения твоих родителей. И будем ладить ещё очень долго, после того, как тебя не станет. Поэтому тебе лучше меня послушать. Я не желаю зла.

— Какие безумные речи, — прошептала Ярушка дрожащими губами. Почему она застыла на месте? Почему не бежит со всех ног, чтобы не слышать эту женщину. Но ноги будто приросли к земле.

— Ирвальд не хотел брать в жёны ведьму, а ты достаточно хороша, чтобы выносить его сыновей.

— Чего вы от меня хотите? — вновь спросила девушка.

— Я просто люблюсь.

— А ну пошла к дьяволу, ведьма!

Сквозь кусты пробирался взбешённый понурыш. Глаза его сверкали злобой.

— Это ты мне говоришь, хмырь? — спросила ведьма, и волосы на её голове зашевелились.

— Тебе, рыжая тварь! Отпусти княгиню, не то я всё расскажу владыке.

— Напугал, — рассмеялась Топчанка и сладко потянулась, — Ирвальд никогда меня не тронет.

— Хочешь проверить? — предложил Миклош.

— Могла бы, — Топчанка многозначительно улыбнулась, — но не стану тратить своё драгоценное время. Проваливайте.

Ведьма взмахнула рукавом и исчезла. Ярушка почувствовала, что, наконец, может сдвинуться с места, и бросилась вон из леса. Миклош едва поспевал следом.

— Что она тебе наговорила? — спросил он, когда они уже сидели верхом на коне.

— Ничего, — сквозь зубы процедила Ярушка.

— Она глупая ревнивая баба, — сказал Миклош, — не стоит обращать внимания.

— Значит, у неё есть право ревновать? Отвечай! — велела она.

— Только князь может решать, есть ли у неё это право.

— Стало быть, это она — моя соперница?

— Не чуди, посмотри на себя, и на неё. То даже не лопух. Так, молочай у дороги.

— Сколько лет хозяину? — вдруг спросила Ярушка.

— Не знаю, — солгал Миклош, пряча взгляд.

— Я могу спросить Зельду.

— Она не скажет.

— Я буду спрашивать каждого.

— Сто тридцать семь, — зажмурившись, выдохнул коротышка, — но если владыка узнает, что это я тебе сказал, считай, я до конца жизни не стану с тобой разговаривать.

Ярушка замолчала и больше не задавала вопросов. Весь остаток пути прошёл в тишине, прерываемой разве что топотом копыт. Миклош с тревогой смотрел, как по щекам девушки катятся слёзы, а губы стали белыми как полотно. Ближе к замку она успокоилась и перестала плакать. Но лицо её было отстранённым, даже немного чужим. Глаза Ярушки больше не сверкали, а походили два на едва тлеющих уголька.

В замке царила суета. Во всех окнах горел свет, слышались голоса. Во дворе они заметили Юрея, привязанного к стойлу. Ядокрыл поглощал еду, насыпанную в огромную

кадку, а завидев знакомые лица, приветливо крикнул.

— Хозяин вернулся, — радостно воскликнул Себрий.

Ярушка даже не шелохнулась. Она молча выбралась из седла, отказавшись от помощи конюшего, и неторопливо вошла в замок.

Миклош понуро семенил следом, чувствуя, что вот-вот и грянет буря. Однако Ярушка сумела удержать себя в руках.

— Добрый вечер, князь! — поприветствовала она мужа, с трудом выдавив на лице холодную улыбку.

Ирвальд сидел в обеденном зале, развалившись на стуле, опираясь одной рукой о меч. Он был обнажён по пояс, а лицо казалось хмурым, осунувшимся.

— Куда подевались все тени? — спросил он, глядя на жену с насмешкой.

— Их больше нет, — спокойно ответила Ярушка, — вы в порядке?

— Как видишь.

— Мне кажется, вы устали, — заметила она, — Зельда, должно быть, вас уже накормила?

— Конечно, — Ирвальд кивнул головой, — ждала меня, как заботливая жена. Пока моя собственная болталась, неизвестно где.

— Я не думала, что вы так быстро вернётесь, — саркастически заметила Ярушка, — но коль уж вы сыты, так ступайте отдыхать.

С этими словами она поднялась со своего места и присела в почтительном поклоне. Затем повернулась и ушла в свою комнату.

Ирвальд со злобой швырнул меч через всю комнату. Оружие врезалось в стену и с грохотом упало на каменный пол.

Князь готов был рассверипеть и сокрушить всё, что попадалось на его пути, но был слишком изнеможён, чтобы тратить силы впустую. Глаза слипались от усталости, а во рту появился привкус горечи.

Не такого приёма он ждал.

И даже то, что его двор походил на поле битвы, тревожило его куда меньше, чем холодный пустой взгляд жены. Куда подевалась его ласковая женщина, к которой он спешил, не позволив себе вдоволь передохнуть? Она ушла, глубоко оскорбив его своим равнодушием.

Стиснув зубы, Ирвальд поднялся и поплёлся в свою комнату, опираясь ладонями о стены. Он выжил и добрался до своей обители, только это имело сейчас значение.

Ирвальд проспал почти до полудня. Окна в комнате были закрыты ставнями, чего никогда ранее не было — должно быть, Зельда велела поставить их, чтобы яркие лучи солнца не тревожили его сон. Но сейчас это только его разозлило. Ирвальд вскочил и сорвал ставни, подставив лицо солнечному свету.

Затем он спустился в пещеру и долго плавал в озере, пока не почувствовал, что силы его полностью восстановились. Тогда же он ощутил, что зверски проголодался, оделся и поспешил в обеденный зал.

Все домочадцы, оказывается, только его и ждали. Миклош сидел на стуле, нетерпеливо болтая ногами, Себрио, как обычно, что-то бубнел. Зельда суетилась, расставляя снесь. Ярушка помогала ей, однако не поднимала глаз.

Было непривычно видеть пустые стены, по которым не скользили тени. Хотя одну он увидел — Хашу, любимицу Зельды. Должно быть, старая кормилица укрыла её, не в силах расстаться. Сейчас тень страдала — Ирвальд чувствовал её скорбь, и поэтому не стал её

трогать.

Владыка отметил, что жена его почти не притронулась к еде, рассеянно ковыряясь ложкой в тарелке. Она вообще не подавала голоса, будто никого вокруг не было. Возможно, она испугалась? Зельда рассказала ему, как Ярушка плакала, мучаясь от вины, когда узнала, что отправила теней на верную смерть. Но это был не повод, чтобы укрыться сегодня ночью в своей комнате и не прийти в супружеское ложе.

Ирвальд гневно сжал ложку в кулаке, согнув её пополам. Есть больше не хотелось.

Тут и Ярушка поднялась, извинилась и ушла в сад, сославшись на то, что у неё много дел.

Ирвальд проводил её яростным взглядом.

— Похоже, меня тут не особо ждали.

— Напротив, — сказала Зельда, — княгиню весьма опечалило твоё отсутствие.

— Да, ты бы заставил её поесть, — усмехнулся Себрий и охнул, получив затрепину от Зельды.

— Что-то непохоже, — буркнул Ирвальд, вставая из-за стола.

По пути во двор его догнал Миклош.

— Не сердитесь на жену, хозяин, — торопливо сказал он, — еще вчера она сгорала от нетерпения и злилась, что вы оставили её так надолго. Надо было предупредить.

— Я не стану тебе отчитываться, Миклош, — хмыкнул Ирвальд, однако задумался, — ты хочешь сказать, что всё это — пустые обиды?

— Да нет, — отмахнулся Миклош, — это всё — проклятое бабье!

— Что за бабье?

— Цыганка в таборе её расстроила. А потом ещё ведьма — наговорила всяких глупостей, отчего хозяйка стала сама не своя.

— Какая ведьма?

— Топчанка.

— Какого? — Ирвальд рассверипел и пнул ногой стоявший рядом стол. Серебряный поднос, лежавший на столе, подпрыгнул и с грохотом покатился по каменному полу, — какого дьявола она делала у Топчанки?

— Мы просто ехали мимо, — Миклош съёжился от страха, втянув шею в плечи, — ведьма сама нас заманила.

— Как?

— Как это делают ведьмы? Наслала нужду. Когда я спохватился, Топчанка уже кружила вокруг хозяйки, каркая, как ворона.

— И что она говорила?

— Я не слышал. А хозяйка ничего не сказала. Только сильно опечалилась.

Ирвальд кивнул головой, отсылая понурьша прочь, и некоторое время стоял, размышляя. Затем вышел во двор, глянул на творившуюся там разруху и ещё больше помрачнел.

Юрей поприветствовал его радостным клёкотом — ему-то всё было нипочём. Ирвальд вспомнил про ядохрылов, разлетевшихся по округе, вскочил на спину Юрея и поднял его в воздух. Пора было всех собирать, пока не одичали или не прибились к другим хозяевам.

Ирвальд за несколько часов облетел округу, согнал беглецов в кучу, и, подстёгивая чарами, вернул обратно в конюшни. Затем пролетел над лесом до самых Гор, отыскал пропасть, в которую Мораш толкнул медведя, и долго рассматривал исполинскую тушу.

Вороньё тучами кружило над телом зверя, на котором уже сидели сотни рычащих тварей, громко чавкающих сырой плотью. Воздух в Горах пропитался прогорклым запахом горелого жира.

Владыка понимал, что лишь огонь помог справиться с великаном. Медведь был куда крупнее ящера, убившего Орвилла, и ловчее паука, едва не погубившего Ирвальда. Он вряд ли смог бы одолеть его в одиночку.

Но опасность миновала, и, хотя Ирвальд сожалел, что его в тот момент не было в замке, всё же был рад, что чудища больше нет.

На обратном пути он повернул к селению лесных ведьм и опустился возле хижины Топчанки.

— Владыка! — радостно воскликнула ведьма, встречая его на пороге, и добавила, лукаво подмигивая, — я знала, что ты не забудешь сюда дорожку.

— На кой ляд ты разговаривала с моей женой? — зло спросил Ирвальд, однако ведьма не испугалась. Она улыбнулась и поманила его пальцем, ступая внутрь хижины. Ирвальд пошёл следом.

— Она сама приехала, — сказала Топчанка, помахивая перед лицом веничком из свежих полевых трав.

— Что было ей тут делать?

— А мне почём знать.

— Лукавишь, ведьма! Держись от неё подальше.

— Я не собиралась смущать её, Ирвальд. Просто мне охота было поглядеть. Долина полнится слухами.

— Поглядела?

— Да, — мрачно сказала Топчанка, — красивая и несмышлёная. Что кроме юного тела может тебя привлекать, князь?

— С чего бы тебя это заботило?

— Ни с чего, — Топчанка пожала плечами и протянула ему руки, — просто я скучаю, князь. По твоим рукам, ласкам. Разве ты забыл меня так скоро?

— Я ничего не обещал тебе, Топчанка, — сказал Ирвальд, уворачиваясь от её ладоней.

— Но ведь мы оба знаем, что она скоро тебе наскучит. Лет через двадцать ты опять вернёшься ко мне.

— Значит, вот что ты ей наговорила?

— Совсем нет, я ведь не глупа, — ухмыльнулась Топчанка, однако глаза настороженно блеснули. Ирвальд нахмурился.

— Не гневайся, князь, ты и сам знаешь, как быстро она постареет. Мог бы и её предупредить. Она знает, сколько тебе лет?

— Полагаю, узнает, — сухо ответил он.

— Ей нужно скорей зачать дитя.

— Ты ревнуешь? — улыбнулся Ирвальд.

— Напротив. Она будет занята детьми, и ей не будет до тебя дела. Я же всегда готова ждать...

Топчанка повернулась к нему спиной и сдвинула крышку с горшка, стоявшего у камина. Оттуда повалил густой пар. Ирвальд вдохнул аромат знакомого зелья, и по телу пробежала сладостная дрожь. Топчанка знала, что ему нужно. Проклятая ведьма умела его завлечь.

— С чего бы тебе отказываться от ласк, Ирвальд, — Топчанка положила ладони ему на

грудь и неспеша провела пальцами, добираясь до завязок на плаще. Тяжёлая ткань легко зашуршала, падая на пол. Бородавчатое лицо ведьмы посветлело, кожа разгладилась, косые глаза засияли звёздами. Вожделение охватило Ирвальда, мороча голову. Он обнял Топчанку, вдыхая запах трав. Однако тут же отстранился.

Его не привлекала эта женщина, он хотел свою.

— Даже старухой она будет красивее, ведьма, — прошептал он на ухо Топчанке.

Она всплеснула руками, понимая, что проиграла. Зелье не действовало, потому что владыка более этого не хотел. По щекам побежали слёзы, а губы бормотали проклятия.

— Если она умрёт родами, я снесу тебе голову, — предупредил Ирвальд и покинул хижину.

Он летел домой, не разбирая пути. Дурман в голове путал мысли, тело сторало от неуголённого вожделения. Ирвальд ворвался в замок, грубо расталкивая всех, кто попадался ему под ноги.

Ярушка была в своей комнате, сидела на подоконнике, расчёсывая длинные волосы гребнем. Ирвальд, не говоря ни слова, сгрёб её в охапку и понёс в супружескую спальню.

Ярушка возмущённо сопротивлялась, однако хватило её ненадолго. Уже совсем скоро, разомлев от страстных поцелуев, она была готова принять его. Ирвальд овладел её телом, рыча, словно зверь.

Ближе к утру, они задремали, утомлённые ласками, на смятых простынях. Голова Ярушки покоилась на груди Ирвальда, и он вдруг почувствовал, как она напряглась.

— Забудь всё то, что тебе наговорила Топчанка, — сказал Ирвальд.

— Она действительно была с вами? — тихо спросила Ярушка.

— Я не буду скрывать, но тебе не стоит знать лишнего.

— Я поняла.

— Что ты поняла?

— Она говорила, что у вас особые вкусы.

Ирвальд выругался сквозь зубы, намотал её волосы на ладонь и повернул к себе лицом. Глаза Ярушки были тёмными, как грозовое небо.

— Я ведь сказал тебе: забудь. Я больше не хочу возвращаться к этой теме.

— Почему вы никогда не говорили, сколько вам лет? — вдруг спросила Ярушка.

— Это имеет значение?

— Имеет, — девушка высвободилась из его объятий и села, обхватив колени руками, — в мире людей я могла быть вашей праправнучкой.

— В этом мире всё по-другому, — вздохнул Ирвальд.

— Но я ведь проживу недолго по вашим меркам?

— Столько, сколько положено, — ответил он, глядя невидящим взглядом куда-то в пустоту. Это тоже беспокоило его, и куда сильнее, чем хотелось бы. Но он старался не думать об этом.

— А сколько живут владыки?

— Почти восемьсот лет.

— Значит, моя жизнь для вас — всего лишь мгновение? — в глазах Ярушки задрожали слёзы. Ирвальд с изумлением смотрел на её лицо, затем притянул к себе и уложил на подушку.

— Оставь это, — велел он.

Ирвальд развёл её ноги в стороны и провёл языком по бедру. По телу Ярушки пробежала

дрожь, пробуждая в крови владыки остатки дурмана.

— Хочешь? — спросил он, улыбаясь, и скользнул губами к треугольнику волос между бёдер. Язык его неистово порхал в ложбинке, нежно касаясь, словно крыльями бабочки. Ярушка застонала и потянула его за плечи, требуя, чтобы он поскорее овладел ею.

Едва взошло солнце, Ярушка выбралась из кровати. Желудок заурчал от голода так громко, что Ирвальд не смог удержаться от смеха.

— Сколько бы раз я тебя ни встречал, ты всегда хочешь есть!

— Если бы вы еще дольше летали, я бы точно умерла с голоду, — буркнула Ярушка, надевая платье.

— Разве тебя не кормили? Или понурыш съедал всё, что было на столе, пока ты зевала?

— Я беспокоилась. Вы не соизволили сказать, что оставляете меня надолго.

— Я и не думал, что так будет, — серьёзно сказал Ирвальд.

— Так что же заняло вас по пути домой? Или мне тоже не стоит об этом спрашивать?

— Не стоит, — ответил Ирвальд, накручивая вокруг талии пояс, — я не был у ведьмы, если ты так боишься. Я был под землёй.

— Разве это возможно? — глаза Ярушки округлились. Она и не знала об этой стороне колдовского мира.

— Возможно. Я провалился туда и блуждал несколько дней в поисках выхода. Если хочешь знать, подземный мир не славится гостеприимством.

Ярушка зачем-то взяла его ладонь в свои руки, рассматривая, будто в первый раз.

— Шрамы исчезли.

Ирвальд усмехнулся — раньше он не заботился о том, чтобы излечивать раны от перьев ядохрыла, считая их, как и прочие владыки, символом мужества.

— Да, мне пришлось нарастить новую кожу.

— Вы сражались? — она испуганно посмотрела не него, затем несмело прикоснулась губами к его пальцам. Ирвальда охватило странное чувство.

— Здесь постоянно приходится сражаться, — сказал он и отнял руку, — идём вниз. Надеюсь, нам удастся хоть что-то найти.

— О, сейчас я готова съесть даже летучую мышь!

— Могу поймать, — пошутил Ирвальд. Ярушка улыбнулась и покачала головой.

Оказалось, что Зельда уже давно не спала и накормила их завтраком, затем ушла, прикрыв за собой дверь, чтобы никто не беспокоил хозяев.

Ирвальд развёл огонь в камине, и они несколько минут любовались неистовым танцем голубых язычков пламени. Ирвальд подвинул стулья к камину и достал трубку.

— Нужно восстановить силы, — сказал он, закидывая ноги на второй стул, — если хочешь, можешь пойти поспать, я позже присоединюсь.

Ярушка протянула руку и провела по его волосам.

— Какие у вас красивые волосы. Мне иногда кажется, что они живые.

— Так и есть, — сказал Ирвальд.

— Могу я расчесать их? — попросила Ярушка.

Ирвальд с сомнением посмотрел на жену — обычно он не позволял никому касаться своих волос. Однако искушение было велико, и он кивнул. Ярушка достала из кармана гребень и запустила зубья в блестящие пряди. Мурашки блаженства пробежали по всему телу. Ирвальд, не замечая, закрыл глаза начал мурлыкать, время от времени делая затяжку из трубки. Белые клубки дыма поднимались к потолку зала, разнося по воздуху сладковатый

запах трав. Ярушка разомлела от необычного аромата и глупо хихикнула, тут же прикрыв ладошкой рот.

Ирвальд открыл глаза и лукаво улыбнулся.

— Насчёт моих особых вкусов...

— Да?

— Снимай платье.

— Но вы же хотели восстановить силы, — игриво сказала жена, послушно развязывая завязки. Лёгкая ткань скользнула на пол, открывая взгляду Ирвальда красоту юного нагого тела.

— А тебе, похоже, это не нужно.

Ирвальд посмотрел на неё долгим туманным взглядом. Глаза его стали синими и глубокими, как бездонное озеро. Ярушка почувствовала, как ею овладевает невидимая сила, заставляя двигаться, будто во сне. Сознание окунулось в туман, проникавший, казалось, в каждую клеточку тела, наполняя его сладкой истомой. Она опустилась на колени перед мужем, заморожено наблюдая, как он расстёгивает пояс, и потянулась губами к его обнажённому естеству...

Глава 30

Несколько дней ушло на то, чтобы полностью очистить двор и сад замка от обломков, восстановить конюшни, заменить поцарапанные ставни новыми. Ирвальд привёл ремесленников из близлежащих селений, и тогда Ярушка впервые увидела существ, внешне очень походивших на людей, без клыков, шерсти, со светлой кожей. Почти у всех были неровные зубы и глаза разного цвета, от взгляда которых по коже пробегали мурашки. Как пояснил Себрий, они были потомками ведьм.

Но работали они ладно. Ели тоже немало — Зельде даже пришлось допустить молодую княгиню в святая святых, в большую уютную кухню, и обучить её некоторым кулинарным хитростям, чтобы успеть всех накормить. При этом каменная баба умудрялась не проронить ни единого лишнего словца, зато Миклош болтал без умолку, отчего Ярушке иногда хотелось стукнуть его ложной по голове.

Едва работы были закончены, Ирвальд собрался к отцу — настало время рассказать Морашу про все те странные вещи, которые случались с ним в последнее время. Прощаясь с Ярушкой, он жарко поцеловал её, пообещав вернуться на следующий же день.

Старый князь встретил Ирвальда с радостью, притаившейся в уголках морщинистых губ, слегка подрагивающих от волнения. Он положил руку на предплечье сына и легонько сжал. Однако на большее проявление чувств Ирвальд и не рассчитывал.

Мораш немного пожурил сына за то, что ему довелось выполнять его обязанности на вверенных ему вершинах, на что молодой владыка лишь улыбнулся.

— Тебе оставалось лишь взмахнуть мечом!

— Не скажи, то был знатный зверь! Однако твоя жена проявила недюжинную смекалку.

— И до сих пор мается, вспоминая тени.

— Она смелее, чем я думал, — неожиданно похвалил Мораш, — и, похоже, печалилась твоим отсутствием.

— Она уже утешилась, — сверкнул глазами Ирвальд, не сумев сдержать довольную улыбку.

Мораш не ответил — ему по-прежнему не нравилось, что сын взял жену из людей, и то, что он привязывался к ней, лишь добавляло сердцу горечи.

— Ты приехал, чтобы сообщить мне что-то важное?

— Так мне кажется.

— Надеюсь, ты порадуешь меня наследником.

— Речь вовсе не о том, — покачал головой Ирвальд и рассказал отцу обо всём, что произошло.

Мораш хмурил брови, слушая сына, затем опустился в кресло и некоторое время молчал, задумчиво подперев кулаком подбородок.

— Ты уверен, что это был владыка?

— Да, — твёрдо сказал Ирвальд, — я это чувствовал.

— Но владыка не посмеет так подло напасть!

— Тем не менее, это так. Он убил бы меня, будь я чуть послабее.

— Семьям запрещено воевать, — упрямылся Мораш, — три тысячи лет назад владыка Орвий разделил вершины между семьями, запретив убивать друг друга ради власти над Горами. Того, кто нарушит закон, ждёт возмездие. Его род отлучат от источника, и семья потеряет силу.

— Прошло три тысячи лет, — заметил Ирвальд.

— Но никто до сих пор не знает, где покоится тело Орвия, — зловеще усмехнулся Мораш, — наши предки были уверены, что он ещё жив. Орвий был знатный колдун, его боялись даже тираны. Он исчез, не передав никому свою колдовскую силу. Так что вполне может быть, что он вернётся, чтобы наказать отступника

— Это легенды, которыми впору пугать младенцев.

— Возможно. Но вряд ли найдутся желающие испытать их на веру. До сих пор владыки почитали закон.

— Я слышал, Авгур собрался выдать дочерей за белых владык. Я единственная преграда, чтобы завладеть Синими Горами.

— Их дети будут смешанными, — возразил Мораш.

— Но то будет семья Зюзов.

— Я не верю, что это были они. Их первыми обвинят в твоей гибели.

— Но и не Яры. Красные пониже нас, а тот владыка был выше меня почти на голову.

— Велес?

— Как знать, — задумчиво пробормотал Ирвальд и посмотрел на отца, — я почему-то уверен, что он был синим.

— Что ты говоришь? — ужаснулся Мораш.

— Я думал о Тарре, отец. Ты ведь не нашёл его тело.

Мораш прикрыл веки, шумно вдыхая воздух. Лицо исказила боль. Столько лет прошло, а он всё ещё горевал о потерянном сыне. Но подумать о том, что Тарр был жив и желал смерти брату — такого он не мог представить даже в страшном сне.

— Я бы почувствовал, будь он рядом, — прошептал Мораш.

— Ему помогает тиран.

— Зачем?

— Не знаю. Но кто, кроме тирана, способен заманить меня под землю и лишить зрения?

— Тиран не станет губить владыку из прихоти. Перемирие стоило слишком дорого, чтобы вот так просто послать всё к дьяволу.

— Я знаю, что это был тиран. Я видел его лицо в зеркале.

— Но почему ты думаешь, что под землёй тоже был тиран?

— Такого высокомерия ещё поискать! Он забавлялся мною, не испытывая страха. Кто, кроме тирана способен на это?

— Не знаю, сын, — мрачно ответил старый владыка, — следует подумать об этом. Но пока я бы предпочёл, чтобы ты держался рядом.

— У твоей юбки? — съязвил Ирвальд, — нет уж, я не позволю запугать себя.

— Ты позабыл, что теперь единственный, от кого зависит наш род. Теперь тебе принадлежит кольцо верховного владыки, и ты должен дожить до того дня, когда передашь его своему сыну.

— Увы, — грустно сказал Ирвальд, — кольца больше нет.

— Как так?

— Должно быть, я обронил его где-то в пещерах. Мои руки были истерзаны до кости, так что мне было не до того, чтобы о нём думать.

— Калеш не будет в восторге.

— Это всего лишь кольцо, отец.

Ирвальд пожал плечами, всем своим видом показывая, будто его не сильно заботит утрата. Правда, он не был уверен, что сможет обмануть отца — потерять родовой символ Кошей было величайшим позором, который, однако, скрашивался сознанием, что ему удалось выжить — пусть и без кольца. Но Мораш больше не возвращался к этой теме.

Старый князь обнял сына за плечи и коснулся своим лбом его лба.

— Не покидай замок, пока я не разведу кое-что. Нужно собрать совет владык. Калеш и Авгур должны знать, что на тебя идёт охота.

Ярушка сидела в саду, любясь цветами. Небольшие голубые бутончики вдруг раскрылись нежнейшими лепестками с крохотной бахромой, переливавшейся на солнце ярко-синим. От цветов исходил дивный аромат, не похожий ни на что из того, что ей довелось встречать ранее.

Рядом на ветках уцелевших кустарников суежилась целая стайка болтушек. Они громко щебетали, то и дело перебивая друг дружку.

— Мы же говорили, мы говорили!

— Дивные цветы!

— Тебе нравится? Скажи?

— Я в полном восторге, — честно ответила Ярушка, поднося к лицу сорванный цветок, — я отродясь таких не видывала.

— Только у нас есть такие цветы, — заливались болтушки, — только у нас! Только у нас!

На садовой дорожке послышалось торопливое шлёпанье — то Миклош, пританцовывая, спешил к замку, чтобы стащить что-то на кухню. В животе понурыша урчало от голода, хотя недавно он затолкал в свой ненасытный рот всё, что оставалось от завтрака, ещё и закусил жабой, опрометчиво забравшейся в садовый пруд.

— Гляди-ка, Миклош, какие у нас цветы! — позвала его Ярушка, — Такая красота разрослась по всему саду. А ещё вчера мы любовались голой землёй. Чудеса, да и только.

— Мне-то что до этих сорняков! — отмахнулся Миклош и продолжил скакать к замку, краем уха слушая, как хозяйка смеётся и напевает что-то себе под нос.

— Что-то она уж больно весёлая, — подумал он.

Уже на пороге замка Миклош остановился и снова взглянул на Ярушку. Чудная девушка

кружилась, подхватив юбки, ступая босыми ногами по голубому цветочному ковру. Запах цветов был повсюду — забивался в волосы, щекотал нос. Миклош поморщился, как вдруг подпрыгнул, словно ужаленный.

— Княгиня! — позвал он.

Ярушка повернула к нему улыбающееся лицо, лукаво подмигнула, и побежала в лес. Миклош бросился следом. Ярушка неслась по дорожке, выстланной цветами, уходившей глубоко в лесную чащу. Коротышка только и видел следы её ног на примятых цветах. Сердце его подпрыгнуло и сжалось от недоброго предчувствия.

— То дурные цветы, — только и смог прошептать он, прежде чем туман стал заволакивать голову, путая мысли. Земля вдруг ушла из-под ног, перевернулась и стала ярко-синей. Вокруг неистово кружили болтушки, клевали его за нос и щёки — больно, до крови, и кляли, на чём свет стоит.

— Княгиня, — хрипел Миклош, отбиваясь от болтушек кулачками.

Понурьш упал на землю и стал ползти, хватаясь за ветки кустарников. Ему удалось добраться до поляны, окружённой высокими соснами. Там он увидел Ярушку — она стояла, протягивая руки всаднику, сидящему верхом на ядохкрыле. По бокам зверя свисали поводья, что показалось Миклошу немного странным. Он поднял глаза вверх и посмотрел в лицо всадника — то был владыка. Серо-голубая кожа, светло-синие глаза удивительной миндалевидной формы, правильные черты, которых он прежде никогда не видел. Владыка тоже смотрел на него, однако взгляд его был недобрым. Птицы-болтушки вдруг начали падать замертво, усеяв всю поляну жалкими серыми тушками. Миклош чувствовал, как сердце колотится, готовое разорваться на части. Он перевернулся на спину и тяжело задышал, хватая воздух губами, словно рыба на берегу. Сладкий аромат цветов дурманил, мешая дышать. Из последних сил коротышка нащупал рукою пучок мерцающих головок, вырвал их с корнем и запихнул в карман штанов.

Рядом в траве блеснули золотые копыта ядохкрыла. Владыка подъехал к нему вплотную. Ярушка сидела впереди, положив голову незнакомцу на грудь, и казалась безмятежной. Они ни разу не взглянули на Миклоша, будто того и не было вовсе.

Владыка же обнажил меч и вонзил его в грудь понурьша, проткнув насквозь. Затем он вытащил клинок из тела несчастного и поднял ядохкрыла в воздух, покидая долину Синих Гор.

Глава 31

Ирвальд возвратился в замок глубокой ночью. Лес вокруг спал беспробудным сном — даже ночные твари уже угомонились, набив свои желудки до отвала. Однако в замке, похоже, не спали. Он торопливо спешил и помчался в обеденный зал, из окон которого лился яркий свет.

Ирвальд с шумом ворвался в помещение, распахнув настежь тяжёлые двери. На губах его играла улыбка, которая тотчас же угасла, едва он увидел, что жены в зале нет. Там была лишь Зельда, и выглядела весьма обеспокоенной.

— Что случилось? — спросил Ирвальд, — почему ты не спишь?

— Мы ждали тебя к утру, князь, — сухо сказала Зельда

— Я помешал? — усмехнулся Ирвальд.

— Нет, — Зельда нервно теребила краешек фартука. Было видно, что она не решается сказать ему что-то плохое. Ирвальд схватил её за локоть и подтянул поближе к своему лицу, грозно заглядывая в каменные глазницы.

— Ну?

— Жена твоя вчера ушла куда-то. До сих пор её нет. Себрий с Аврием сбились с ног, но так и не смогли её найти. Прочесали весь лес, но она как сквозь землю провалилась.

— Так... Её никто не обидел?

— Никто, — уверила его Зельда, — она с утра была весела, потом пошла в сад, и больше её никто не видел.

— А вся эта свора, пташки-болтушки?

— Нет никого.

— Она ничего не говорила?

— Да, особо ничего. И Миклош пропал.

— Они вместе ушли?

— Откуда ж мне знать?

— А где искали?

— Да везде.

Ирвальд выбежал из обеденного зала мрачнее тучи. Помчался в пещеру, служившую ему купальней, и обшарил озеро. Затем обошёл комнаты — одну за другой, выворачивая наружу содержимое шкафов, заглядывая под каждую кровать и в каждый уголок. Спустился в подземелья, затем поднялся в конюшни. Убедившись, что Ярушки в замке нет, Ирвальд отправился в сад.

Там его встретили лишь развороченные корни да сухие лепестки, рассыпанные по земле. Владыка ещё раз обшарил сад и близлежащие заросли, затем вернулся в замок.

Уже светало. Заря разлила над горизонтом кроваво красное молоко рассвета. Долина начала понемногу просыпаться. Ирвальд свистнул, подзывая Юрея. Ядокрыл отбросил в сторону недоеденную тушку и подлетел к хозяину.

— К ведьмам, — велел Ирвальд.

Ядокрыл послушно поднялся в воздух. Они направились к лесу и приземлились возле хижины Топчанки.

Ирвальд ворвался в жилище ведьмы, подобно буйному ветру, круша в щепки всё, что попадалось ему на пути.

— Где моя жена? — заревел он, схватив несчастную за сальные пряди.

Топчанка пищала от боли, извиваясь в его руках. На ресницах блеснули слёзы обиды.

— Я не знаю!

— Не лги!

— У меня и в мыслях не было.

Владыка отшвырнул бывшую любовницу к стене и обнажил меч.

— Говори правду, не то снесу голову, и не пожалею! — Ирвальд не лукавил. Глаза его полыхали от гнева.

— Да чтоб я была проклята! — Воскликнула ведьма, — а то я не знаю, что ты ко мне первой же и придёшь? Не трогала я жену твою.

— Может, послала кого?

— Да зачем? — Топчанка продолжала рыдать, размазывая по щекам сопли и слёзы. Ирвальд сморщился от отвращения и сглотнул, вспомнив, как ещё недавно целовал эти щёки.

— Мне куда выгоднее человеческая глупышка, нежели знатная колдунья!

Ирвальд смотрел на Топчанку долгим пронизывающим взглядом, обволакивая её мороком, прощупывая каждую мысль. Не похоже было, чтобы ведьма врала.

Владыка спрятал меч в ножны и покинул хижину, оставив её лежать на полу среди осколков разбитой утвари. Он не испытывал сожаления — сейчас он мог думать лишь о том, где искать Ярушку.

Ирвальд немного побродил по лесу в раздумьях, затем велел Юрею лететь к пещерным ведьмам.

— Мальва! — позвал он маковицу.

Ведьма поднялась к нему с земли, собрав на своей юбке сотни ярко-алых маковых цветов. Волосы её, гладко причёсанные, трепетали от лёгкого дуновения ветерка. Она была очень хороша, однако Ирвальд даже не улыбнулся.

— Мне нужно найти жену, — коротко сказал он.

— Дай что-нибудь, — ответила маковица, не задавая лишних вопросов.

— У меня нет ничего, — Ирвальд слегка растерялся — он и не подумал захватить с собой какую-нибудь вещь. Летим со мной.

— Но я не...

Он не стал слушать возражения — ловко обхватил Мальву за талию и посадил впереди себя, слегка прикрыв плащом. Ведьма дрожала от гнева, однако понимала, что спорить бесполезно. Владыка был не на шутку взбешён, так что легко мог сбросить её на землю, если б она только вздумала открыть рот.

Вернувшись в замок, Ирвальд поволок Мальву в супружескую спальню и грубо толкнул к кровати.

— Здесь она спит. Найди, что тебе надо.

Мальва пошарила рукой и нашла длинный коричневый волос.

— Этого достаточно. Теперь нужен котёл и очаг.

Зельде пришлось пустить маковицу на кухню, где она долго колдовала, помешивая зелье. Однако спустя какое-то время грустно покачала головой.

— Я не вижу твоей жены, владыка.

— Она мертва?

— Я не знаю, — честно ответила Мальва, — я вижу только, что в Межгорье её нет. Или она закрыта мощной стеной магии. Что-то путает моё колдовство.

— Может, знаешь ведьму, которая сможет увидеть?

— Не думаю, — Мальва возмущённо взмахнула алыми ресницами, — но если бы она была мертва, очаг бы погас. Так что, скорее всего, она жива.

— Так где же её искать?

— В долине её точно нет. И в Синих Горах я не вижу её присутствия. А дальше меня не пускает морок.

Ирвальд с силой хлопнул кулаком о ладонь и нервно зашагал по кухне, с грохотом расшвыривая попадавшиеся ему под ноги утварь и табуретки. Лицо его было напряжено, глаза метали молнии, а по лбу пролегли морщины от беспокойства. Он напряжённо думал, что ему делать дальше. Внезапная мысль пронзила его, будто удар молнии.

— Ты бы увидела её в преисподней?

Мальва пожалала плечами, однако щёки ей побледнели от страха.

— Тираны могут скрывать её от меня, — нехотя согласилась она.

Ирвальд ничего не ответил. Он прошёл в обеденный зал и уселся на стул, подперев руками голову. Волосы свисали, болтаясь по бокам, тусклой безжизненной массой. Он размышлял, вспоминая, с какой лёгкостью тиран проникал в его спальню. Но зачем ему

была нужна Ярушка? Разве чтоб заманить его обратно в ловушку.

То был верный расчёт. Ирвальд холодел от одной мысли о том, что мог делать тиран с его красавицей-женой. Мог ласкать её тело, упиваясь его нагой прелестью. Мог владеть ею, как владел Ирвальд, орошая своим семенем лоно. Стала бы она противиться? Ирвальд помнил красивое лицо тирана, белую кожу и загадочный взгляд. Внутри закипала ярость, готовая испепелить его изнутри.

Ирвальд поднялся на ноги, опрокинув стул. Тут же в зал прибежала Зельда, неся на подносе яства, аромат которых витал по всему замку, заставляя желудки голодных домочадцев урчать от голода. Но князь равнодушно взглянул на еду и, не сказав ни слова, вышел во двор.

К тому времени уже вернулись Себрий с Аврием. Вид у них был понурый — они не нашли даже малейшего следа. Ирвальд лишь махнул рукой и велел не отпускать Мальву до его возвращения. Она ещё могла ему понадобиться.

Путь к подземному царству тиранов был окутан мрачными легендами — никто не знал наверняка, как туда попасть. Говаривали, будто вход в него скрыт под водопадом Забвения — именно туда Ирвальд и направлялся.

Тираны правили подземным миром тысячи лет, и не было ни единой лазейки, в которую можно было скользнуть незамеченным, застав их врасплох. Сколько их было на самом деле — никто не знал. Тираны являлись, когда сами этого хотели, и также бесследно исчезали, окутав свои следы магией, справиться с которой было под силу лишь могущественным колдунам или же мощью целой семьи владык.

Князя Гор тешили себя сказками про то, что именно владыкам удалось загнать тиранов в преисподнюю, однако отец учил Ирвальда не верить этому. Тираны были опасны, и лишь Горы защищали обитателей долин от их прихотей.

Достигнув водопада, Ирвальд спешил и отпустил ядохкрыла на волю.

Перед его глазами открывался чарующей красоты вид: водопад Забвения спускался с высокой скалы, находившейся на стыке Белых и Синих Гор. Цвет скалы до сих пор не удавалось определить никому — некоторым он казался белым, некоторым — голубым, кое-кто верил, что скалы вообще не существует, а водопад падал с невидимого моста между двух миров. Ответить на данный вопрос могли лишь владыки, спустившиеся в водопад, однако они никогда оттуда не возвращались.

Мощный поток серебристых вод с гулом срывался со скалы, брызгая вокруг живительной влагой. Многие раненные твари сползались к водопаду, чтобы подлечиться, однако горе было тем, кто замешкался там дольше, чем следовало. Жадных до исцеляющей воды попросту разрывало на части, и пологие склоны возле водопада были усеяны костями.

Однако владыки могли находиться возле водопада сколько угодно, им он, напротив, не причинял вреда.

Водопад спускался вниз с невероятной высоты, образуя небольшое озеро у подножья Гор. Вода в озере постоянно бурлила, выталкивая на поверхность пузырьки воздуха. Они казались живыми — сотни маленьких зрачков-звёздочек смотрели на Горы, не мигая, затем лопались, а на их месте вздувались новые пузырьки. Вода из озера уходила глубоко в подземелье, а что творилось там, не знал никто, ибо под землёй царили тираны, которые берегли свои тайны, отгоняя прочь непрошенных гостей.

Ирвальд встал перед водопадом, в который раз восхищаясь его мощью, и с грустью подумал о том, что когда-нибудь придётся отдать ему собственного отца.

— Тиран! — воскликнул он, чуть погодя, — тиран, я знаю, ты слышишь меня! Я хочу, чтобы ты явился!

В ответ ему было молчание. Только шум водопада да плеск озёрных волн нарушали покой Забвения. Тираны не желали с ним разговаривать.

— Я не уйду, тиран, — упрямо стоял Ирвальд, — я буду стоять здесь и кричать, пока ты не выйдешь! Горы станут смеяться над твоей трусостью!

— И чего ты хочешь добиться, оскорбляя меня? — раздался за спиной голос. Ирвальд узнал его — как узнал бы среди тысячи других похожих голосов. То был голос его учителя.

— Вот мы и встретились! — холодно улыбнулся Ирвальд.

Наконец-то он мог взглянуть в лицо существу, заманившему его под землю, терзавшему его плоть и разум, наставшего на него слепоту.

Тиран оказался выше, чем он себе представлял. Ирвальду пришлось задрать голову, чтобы видеть его глаза. Сложен тиран был великолепно — мощные широкие плечи, точёный, будто вылепленный, торс, худая талия и мускулистые бёдра, угадывающиеся сквозь свободную тунику. Лицо тирана поражало красотой — высокие скулы, большие миндалевидные глаза, переливающиеся в серебристом свечении водопада, пышные белокурые пряди, лежавшие на плечах причудливыми завитушками. Но в груди этого великолепного воина билось жестокое равнодушное сердце.

— Чего тебе надо? — спросил тиран.

— Твоё имя! Неужели ты и дальше будешь его скрывать?

— Лаорт, — ответил тиран, — теперь ты спокоен?

— Лаорт, — повторил Ирвальд, — ты мне расскажешь, зачем затеял со мной игру?

— Если ты пришёл за этим, то я, пожалуй, уйду, — сказал Лаорт, — можешь кричать здесь хоть до хрипоты.

— Хорошо, оставим это, — согласился князь, — я пришёл за своей женой. Верни мне её!

— А с чего ты взял, будто она у меня? — на лице тирана отразилось удивление.

— Скажешь, не ты посылал за ней своих тварей?

— У меня много тварей, — туманно ответил тиран, — за всеми не уследишь.

— Ты лжёшь! — яростно зашипел Ирвальд, сжимая рукоять меча.

— Не будь столь дерзким, владыка. Я мог бы вырвать твой язык, но, пожалуй, не стану.

— Неужели великий тиран боится?

— Ты испытываешь моё терпение, — предупредил Лаорт.

— Верни мне жену!

— Клянусь водопадом, я не трогал её.

— Может, она в преисподней?

— Её нет нигде в моих владениях. Мне она не нужна.

— Зачем же ты приходил в нашу спальню?

— Хочешь правду? — улыбнулся Лаорт, — всё Межгорье слышало, как ты сражался с ящером. Мне хотелось посмотреть на этого глупца!

— Достаточно было и одного раза, — заметил Ирвальд.

— Да, — согласился тиран, — но потом ты стал князем. Более того — единственным, кто продолжит род Кошей. Я решил рассмотреть получше.

— И посмотреть на мою жену!

— Мне почти тысячу лет, — рассмеялся Лаорт, — красота давно меня не трогает. Да и

никогда особо не трогала.

— Я должен тебе верить?

— Как хочешь, — равнодушно сказал тиран, — но этому слабому и лишённому магии созданию нечего предложить такому, как я.

— Но ты можешь увидеть, где она? — осторожно спросил Ирвальд.

— Могу, но не стану. Ты и сам горазд её отыскать.

— Что ты хочешь взамен?

— В самом деле? — удивился тиран, — ты хочешь торговаться со мной ради женщины?

Боюсь, это слишком мелко.

— Думаешь, мне нечего тебе предложить? — разозлился Ирвальд.

— Это не стоит моих усилий, князь. Но если она тебе так дорога, то подумай вот о чём: её век недолог. Я же могу дать ей несколько столетий жизни, сохранив молодость и красоту. Но взамен я потребую кое-что посерьёзней.

— Что, например?

— Я ещё не решил.

— Тогда сделка не состоится.

— Как знаешь, владыка, ты ещё придёшь ко мне, — хитро улыбаясь, сказал Лаорт, образ его помутнел и стал расплываться в воздухе, пока совсем не исчез.

— После дождичка в четверг, — пообещал Ирвальд.

Покинув водопад, молодой князь ещё больше помрачнел. Небо над Горами заволокло тучами. Молнии сверкали над самой головой, а ветер неистово трепал волосы, закручивая пряди в узлы. Ирвальд не чувствовал ни голода, ни усталости. Горечь и злоба сжимали горло, а ярость понемногу наполняла всё его существо.

Вернувшись в замок, он вытащил Себрию из сена и потребовал рассказать, с кем общалась Ярушка за время его отсутствия. Затем они вдвоём полетели в табор купцов, нашли палатку Тадеуша и Маришки, связали обоих и поволокли в замок.

— Я ничего не знаю, — плача, ответила цыганка, — ничего. Я всего лишь причёсывала её волосы. Да перекинулась парой словечек.

— Вы давно были в человеческом мире? — спросил Ирвальд.

— Вернулись только что, — признался Тадеуш.

— Значит, ты хорошо знаешь путь.

— Но мы не проводили её через Горы, — воскликнула цыганка, сообразив, к чему клонит владыка.

— Ты уверена?

Ирвальд взял её подбородок двумя пальцами, развернув к себе лицо. Глаза его буравили её насквозь, заставив сердце биться так быстро, что в груди разлилась невыносимая боль. Кровь потекла из глаз и ушей Маришки, желудок вывернулся наизнанку, а мочевой пузырь не выдержал, и по ногам побежала тёплая моча.

— Ты уверена? — снова спросил Ирвальд.

— Я не знаю, где ваша жена, — едва смогла прошептать она, падая на пол.

— Хорошо, — сказал Ирвальд и кивнул Себрию, — брось их в разные темницы. Пусть сидят до тех пор, пока я не найду жену.

— Но, — пробормотал Себрию, — они вроде...

— Не тебе судить! — рявкнул Ирвальд, — в темницу обоих.

Затем он схватил Тадеуша за шею, впившись когтями в толстые складки жира.

— Знай, торговец, если вздумаешь бежать, я сперва убью твою жену, а потом живьём сдеру с тебя шкуру и вывешу на распустье.

Больше некого было расспрашивать. Никто в замке не ведал ни сном, ни духом, куда бы могла податься Ярушка. Миклоша тоже не смогли найти. Всё говорило о том, что их обоих похитили. Вот только кто и зачем? Все бились над этой загадкой денно и ночью, не смыкая глаз.

Мальва то и дело мешала зелье, однако Ярушка по-прежнему была укрыта колдовством. Ирвальд не знал, что и думать, ведь во всём Межгорье вряд ли бы нашёлся смельчак, решившийся оскорбить владыку. Но что если она действительно вернулась в свой мир?

Не в силах бороться с сомнениями, Ирвальд опять вскочил на ядодкрыла и перелетел через Горы.

Путь до Хорива занял несколько часов, в течение которых Ирвальда не покидали странные мысли. С каждой минутой он всё больше мрачнел, и когда, наконец, прибыл в город, сердце заполонила ледяная пустота.

На городской площади было полно народу. Ирвальд сделался невидимым и бродил среди людей, однако не слышал ничего путного. Сплошь пустые разговоры, байки и пьяная ругань. Тогда он направился к дому Любавы и неслышно проник внутрь.

Купчиха оказалась на сносях: круглый живот размером с пивную бочку, раздобревшие одутловатые щёки, почти скрывавшие крошечные поросычьи глазки. Русая коса изрядно поредела. Любава лежала на перьевых подушках, разбросанных по кровати, и недовольно кряхтела. Девки носились вокруг неё, как ошпаренные, то и дело получая оплеухи почём зря.

Ирвальд громко хлопнул дверью и запер её на засов. Затем подошёл к кровати, и принял свой обычный облик.

Любава выпучила глаза и зарылась в подушки. Крик ужаса застрял в горле. Купчиха беспомощно шевелила губами, не в силах произнести ни звука. На покрывале под ней образовалось большое мокрое пятно.

— Дитя, — только и смогла просипеть она.

— Тебе стоит поторопиться, — посоветовал Ирвальд, — отвечай, где твоя сестра?

— Сбежала.

— Куда?

— Мне почём знать? Я посадила её в темницу, а на следующее утро там было пусто. Кто-то сорвал решётку с окна и вытащил её.

— Давно это было?

— Давно. Ещё дитя не шевелилось.

— Что ещё знаешь?

— Ничего, — морщась от боли, сказала Любава, — с той поры я её не видела. Стало быть, она и от тебя сбежала?

— Что ты хочешь сказать?

Любава ехидно улыбнулась. Ирвальд рассверипел, сгрёб её за косу и больно потянул.

— Говори, не то голову оторву!

— Я не знаю ничего! Правду говорю! Боровод отвалил немало золота, чтобы я позволила увезти её.

— Куда?

— Не сказал. Я и не спрашивала. Он пообещал, что больше я её не увижу.

— Кто он такой — этот Боровод?

— Проходимец какой-то. Молва рассказывает, будто он ездит по неизведанным краям, торгует диковинными вещами.

— Где его найти?

— Не знаю! А-а-а, — закричала Любава, — дитя!

— Может, подумаешь?

— Когда Ярина вдруг вернулась из тех краёв, Боровод исчез. Знаю только, что он очень испугался. Барвинку, сестру его, нашли повешенной в монастыре. А Боровод сгинул восвояси.

— Говори, что ещё знаешь! — велел Ирвальд, однако Любава, извиваясь в потугах, кричала и не слышала его. Тогда он положил руку на её живот, и купчиха тут же разрешилась, схватила на руки младенца и прижала к груди.

— Скажи, где найти твоего брата?

— В Залесье. Звать его Анджей Берестович. Только он тут не при чём. Он кроме бабских юбок вообще никуда свой нос не сует. А Ярина — она такая. Всю жизнь таскается по лесам, не ведая страху, да морочит мужикам головы.

Ирвальд промолчал. Сделавшись вновь невидимым, он сиганул в окно прямо на спину ядохрыла. В спину ему посыпались проклятия, столь злостные, что он дивился, как такое могло прийти в бабскую голову. Он поднял Юрея высоко над домом, усмехнулся и метнул в крышу поток голубого пламени. Из распахнутых окон повалил дым. Девки испуганно завопили, выскакивая на улицу.

Ирвальд же повернул скакуна в сторону Залесья и исчез в облаках.

Найти Анджея Берестовича оказалось просто. Каждая собака в городе знала его имя, и у всех оно вертелось на языках. Про Ярушку помалкивали, сестру же её, Любаву, костерили всласть. Ирвальд наслушался немало на рыночной площади, прежде чем нашёл дорогу к дому Берестовичей.

Боярин был в конюшне, по пояс голый, и раскладывал сено по стойлам. Слуг особо не было видно — пару дряхлых старцев чистили пол в конюшне, сгребая навоз. Ирвальд вспомнил, что жена называла себя бесприданницей, и понял, что дела у брата её с тех пор не наладились. Впрочем, то были не его заботы.

— Здравствуй, Анджей, — громко сказал Ирвальд.

Старцы громко охнули, побросали лопаты и бросились прочь из конюшни с прытью, которой позавидовал бы добрый молодец.

Хозяин тоже испугался, но изо всех сил старался не подать виду. Наскоро перекрестившись, он выставил вперед вилы и спросил:

— Чего надобно, Сатана?

— Где твоя сестра Ярина?

— Какое твоё чёртово дело?

— Хочешь на кол? — предложил Ирвальд.

— Сначала поймай!

Анджей запустил в него вилами и, кувыркнувшись через левое плечо, вмиг очутился у входа в конюшню, где висели ножны. Оружие проворно заиграло в его руках — видно было, что боярин не слабак в драках на мечах.

Тёмные волосы, повязанные золотой нитью на лбу, были такого же цвета, как у Ярушки. Длинные усы и густая борода, умело стриженная рукою мастера, красили его и без того миловидное лицо. Ирвальд скривился — у владык не росли бороды, о чём он иногда жалел.

Борода могла скрыть глубокие морщины на лицах стареющих владык, сделав их не такими ужасными. Сейчас же бородатое лицо человечешки приводило его в ярость. Однако Анджей, похоже, сумел побороть страх, и глаза его заблестели.

— Поймай, Сатана.

— Уже!

Ирвальд громко хлопнул в ладоши, отчего Анджей вздрогнул и посмотрел на его лицо. Однако боярин был не дурак. Едва почувствовав, как на него накатывает морок, Анджей отпрыгнул в сторону и уставился на грудь владыки.

— Умно, — похвалил Ирвальд, — только знай, я владею мечом не просто лучше тебя. Лет на сто дольше. Вот и думай, стоит ли со мной тягаться.

— Тебе не взять меня живым, изверг!

— Я могу отсечь тебе руки или ноги. Мне всё равно они не нужны.

— Мой меч окроплён святой водой, — предупредил Анджей.

— Мой — всего лишь кровью, — ухмыльнулся Ирвальд, — я уйду, если скажешь, где твоя сестра.

— Не знаю, — ответил Анджей, — а если бы и знал, то не сказал.

— Что ж ты таким смелым заделался? Где ж ты был, когда её хотели казнить?

— Не твоего ума дело, Сатана! Лучше скажи, зачем по её душу пришёл?

— Она моя жена.

— Жена? — Анджей вздрогнул и, забывшись, посмотрел ему в глаза, — стало быть, она и вправду ведьма?

— Нет, не ведьма, — успокоил его Ирвальд, — а ты, я вижу, всё ж глупец!

Анджей вскрикнул, выронил меч и рухнул на пол, скошенный мороком. Ирвальд снял плащ и обернул вокруг его тела. Затем свистнул, и в конюшню заглянул ядокрыл. Юрею пришлось согнуться, чтобы пройти под низким потолком. Ирвальд снял поводья, висевшие на стене, и привязал ими тело боярина к спине зверя. Затем вывел Юрея из конюшни, вскочил на спину, и они рванули что было мочи прочь из Залесья.

К тому моменту к конюшне начали сбегаться люди — кто с вилами, кто с топором. Позади, тяжело передвигая короткими толстыми ножками, спешил поп, размахивая кадиллом. В другой руке у него был здоровенный крест, поблескивающий на солнце серебром. Однако конюшня оказалась пуста, на полу валялся лишь меч Берестовича, а самого хозяина не было. Собравшимся оставалось лишь гадать — то ли боярина действительно сожрал сатана, то ли старцам привиделась спяну всякая нечисть.

Глава 32

Ирвальд бросил Анджея на каменный пол и плеснул ему в лицо холодной воды.

— Вставай, боярин! Нечего спать.

— Пропади ты пропадом, — ответил Анджей, с трудом поднимаясь на локтях. Голова шла кругом, как после доброй попойки.

— Ты поговори мне ещё! — пригрозил Ирвальд, — я с тебя шкуру с живого спущу.

— Не мудрено, что ты ищешь свою жену, — не унимался Анджей, — видать, от ласки такой дала дёру.

Ирвальд пнул его ногою под рёбро. Кости затрещали, а боярин согнулся пополам, корчась от боли.

— Будешь ещё умничать, стану резать на куски, — Ирвальд не шутил, — рассказывай, что знаешь.

— Можешь пытать меня, Сатана, — просипел Анджей, — с тех пор, как она пропала из темницы в Хориве, от неё не было ни весточки.

— Что знаешь о Бороводе?

— Не слышал о таком.

— Не лги!

— Я б и рад солгать, Сатана. Но я не знаю никого с таким именем.

— Что за слава за твоей сестрой водится? — Неожиданно спросил Ирвальд, — отвечай!

— Какая слава? — зло воскликнул боярин, — ты мою сестру с грязью не мешай! Ни с каким Бороводом, как ты говоришь, она бы путаться не стала.

— Что ж её ведьмой-то назвал?

— Да ты и сам знаешь. Красивая она больно. Кому радость, а остальным — соль в глазах. Скажи-ка лучше, по доброй ли воле она за тебя пошла?

— По доброй!

— Не верится...

— А ты поверь, — посоветовал ему Ирвальд, — посиди здесь, поразмысли. Может, ещё чего надумаешь рассказать. Есть-пить захочешь, глядишь, и язык развяжется.

Ирвальд велел Себрию кинуть Анджея в темницу к Тадеушу и пустить по долине слух, что держит их в заточении. Ему было ясно, что ни один из них ничего не знает о Ярушке. Однако Ирвальд и не думал их отпускать. На случай, если жена действительно сбежала, ему было, что предложить ей, чтоб вернулась обратно — пусть, хоть ради того, чтобы ещё раз взглянуть в её лживые глаза. Скрепя сердце, Ирвальд всё же допускал такую мысль. Она сочилась ядом, отравляя кровь. Ирвальд не мог ни спать, ни есть, ни заниматься привычными делами. Слово безумный, он часами плавал в пещерном озере, неистово рассекая руками толщу воды, но всё никак не мог успокоиться.

А к вечеру во дворе раздался шум. Ирвальд выглянул в окно и увидел Себрия, несущегося со всех ног к замку. В руках его был небольшой свёрток.

— Хозяин, — кричал он что есть мочи, — хозяин!

— Что стряслось?

Ирвальд спустился вниз, и от увиденного сердце его оборвалось. На руках конюшего лежало маленькое тельце понурыша — грязное, посиневшее, смердящее гниющим мясом.

— Он вот-вот издаст последний вздох, — поторопил его Себрий.

Ирвальд забрал тельце и положил на скамью. Обхватив голову Миклоша руками, он стал шептать заклинания. Мало-помалу румянец возвращался на щёки понурыша, и вот он уже смог вдохнуть и пошевелиться.

— Он очень серьёзно ранен, — сказал Ирвальд, — столько сил ушло. Где ты его нашёл?

— В лесу, — ответил Себрий, — я увидел, как псы косяками валят куда-то в чашу, и пошёл следом. На поляне валялось много болтушек — все мёртвые и уже начали смердеть. Я разогнал псов, чтобы посмотреть, что такое могло случиться. И вдруг наткнулся на него. Он весь был покрыт сухоцветом, и если бы не застонал, я прошёл бы мимо.

— Миклош! — позвал Ирвальд, — Миклош, ты слышишь меня?

Понурыш прохрипел что-то неразборчивое, на губах выступила пена.

— Дадим ему отдохнуть, — сказала Зельда.

— Нет, пусть говорит!

Ирвальд склонился над губами понурыша и вдохнул в него ещё немного исцеляющей силы.

— Миклош, ты знаешь, где моя жена?

— Не помню. В голове туман, — прошептал Миклош, — почти ничего не помню...

— Напрягись, Миклош, — настаивал Ирвальд, схватил его за плечи и начал трясти.

Голова понурьша болталась из стороны в сторону, пока он не отвернулся, изрыгнув на лавку фонтан зеленоватой жижи.

— Мерзость какая, — скривился Себрио, а Зельда, ворча, пошла за тряпкой.

— Хозяйка была какой-то странной.

— С чего ты взял?

— Не помню, — захныкал Миклош, — но что-то было не так. Она побежала в лес. Там были ещё эти проклятые трескотухи. Они клевали меня. А потом... потом я увидел всадника. Хозяйка сидела рядом с ним на ядохкрыле.

— Он схватил её?

— Нет, — Миклош виновато опустил взгляд, — я не помню, чтобы она отбивалась. Но она была странной, не такой, как обычно.

— Как выглядел всадник? Помнишь?

— Я никогда его раньше не видел. Молодой, красивый. И очень злой. Он убил всех птиц и проткнул меня мечом.

— Там лежало немеряно тушек, — задумчиво сказал Себрио, — сложно нарубить столько птиц мечом.

— То был владыка, — сказал Миклош и положил свою маленькую ладошку на руку Ирвальда, — его лицо было синим.

Князь заревел, не в силах сдерживать ярость, и вылетел прочь из замка. Он долго ходил по лесам, не разбирая дороги, срезая мечом колючие кустарники, цеплявшиеся за его плащ. Наконец, Ирвальд сбросил его, как ненужное тряпье, и стал неистово рассекать мечом воздух, сражаясь с невидимым врагом. Боль душила его, сжимая горло когтистой лапой. Горечь и обида смешались с кровью, пронзая всё тело невыносимой дрожью.

«Смотри, не пускай её в своё сердце,» — голос отца отчётливо звенел в голове, словно церковные колокола.

— Нет, она не станет владеть мною! — рявкнул Ирвальд, — никогда! Мерзкая тварь!

Он продолжал изливать свою ярость в пустоту, пока совсем не выдохся. Затем он вернулся в замок, забрался в постель и забылся мертвецким сном. Под утро Ирвальд стал ворочаться, сбрасывая подушки на пол. Повсюду был запах жены — в простынях, покрывале, даже балдахин пропитался ароматом её волос. Проклятый уд вздыбился, словно каменный посох, а руки сами тянулись на ту половину кровати, где она обычно спала, и Ирвальду казалось спросонья, что простынь до сих пор хранит тепло её тела. Будто Ярушка только что встала, чтобы умыться и разбудить его, сияющая улыбкой.

— Сдохни, тварь, — прошептал Ирвальд, просыпаясь.

Он соскочил с кровати, натянул штаны и кафтан, затем взял меч и изрубил постель на мелкие кусочки. Перья от подушек взлетели к потолку, засыпав комнату белыми хлопьями. Ирвальд открыл шкаф и сундук, выгреб оттуда все платья жены и стал нещадно кромсать их в лохмотья.

— Что ты делаешь? — спросила Зельда с порога. Она подбежала к нему и выдернула прямо из-под носа свадебное платье.

— Это больше ни к чему! — зло ответил Ирвальд и потянул за рукав, однако каменная баба упёрлась и хлопнула его по руке.

— Ты меня искушаешь, Зельда! — предупредил он, но та не испугалась.

— Знаешь, я бы никогда не подумала, что хозяйка способна предать тебя. Это на неё не похоже.

— Что? — Ирвальд не поверил своим ушам, — ты же терпеть её не могла.

— Я и сейчас считаю, что она тебе не пара, — сказала Зельда, — но невозможно было всё время притворяться.

— Она ловкая мерзавка.

— И всё же я бы не рубила с плеча.

— А что это? — Ирвальд приподнял острием меча кончик плаща, спрятанного на самом дне сундука.

— Плащ.

— Я вижу, — грубо ответил Ирвальд, — чей он?

— Похоже, твой.

Князь развернул плащ, обнюхал, с облегчением узнавая запах собственного тела, и нахмурился, заметив пятна.

— Для чего она хранит мой грязный плащ?

— Откуда мне знать?

Ирвальд рассверипел и закричал, что было мочи.

— Мальва!

Ведьма влетела в комнату, запыхавшись и завязывая на ходу платье.

— Что опять стряслось?

— Скажи, что ты могла бы сделать с этим плащом?

— Чего было орать-то, — пробурчала Мальва, беря плащ в руки, — это, похоже, кровь.

И...

Щеки Мальвы заалели под стать ресницам. Она лукаво улыбнулась.

— Вот, стало быть, каким было брачное ложе! Здесь следы потерянной невинности.

Однако Ирвальду было не до смущения. Напротив, он ещё больше разозлился, глядя, как веселится Мальва, рассматривая его плащ.

— Это мощная вещь, — наконец, выдала она.

— Его можно использовать против меня?

— Разве что против обоих. Но обычно такое используют во благо.

— Сжечь его, — велел Ирвальд, — сжечь все её вещи, до единой. И эту постель — до последнего лоскутка. И горе тебе, Зельда, если ослушаешься и решишь поступить по-своему.

Каменная баба сжала губы, однако кивнула и стала собирать порубленные лохмотья. Мальва бросилась ей помогать, однако Зельда выдворила её вон из комнаты. Ирвальд вышел следом.

— Может, мне пора вернуться домой? — спросила ведьма.

— Я ещё не решил, — отрезал он и стремительно зашагал прочь.

Кусок опять не лез в горло, и Ирвальд решил прогуляться по окрестностям, чтобы собраться с мыслями. Что дальше делать, он не знал. Бегство жены покрыло его род позором — владыки осудят его и без того неудачный выбор, а хранители станут насмехаться, особенно после того, как он открыто пренебрёт Отрадой.

Но ещё хуже было оставить всё так, как есть. Семья не потерпит, если оскорбление останется безнаказанным. Он должен найти владыку, увёзшего Ярушку, и заставить держать

ответ. Только как его найти? Лишь одно существо знало ответ...

Ирвальд вновь полетел к водопаду Забвения и долго звал тирана, пока не осип. Лаорт не пожелал выйти, и ему пришлось уехать ни с чем.

Ирвальду не хотелось возвращаться в замок. Он всё ещё ощущал присутствие жены в каждой комнате, и боялся признаться самому себе, что отчаянно скучает. Но он знал, что сумеет побороть это чувство.

Ненависть — вот что должно прийти на смену вожделению. Ненависть — когда голова её слетит с плеч, а тело растерзают псы.

Ирвальд упивался ненавистью, разжигая огонь внутри себя, и ему наконец-то стало хорошо. Он больно сжал коленями бока Юрея и шепнул ему на ухо, куда лететь.

Спустя несколько минут ядохрыль опустился возле хижины Топчанки, Ирвальд соскочил на землю и отпустил зверя в облака.

— Ну, здравствуй, ведьма! — плотоядно улыбнулся он, распахивая дверь, — готово ли твоё зелье?

Топчанка выронила тушку зверька, которую свеживала, стоя на коленях, вытерла руки о передник и поспешно встала. По лицу расплылась счастливая улыбка. Все прошлые обиды тотчас же улетучились и она, трепеща от счастья, кинулась к нему в объятия.

— Ирвальд! — с придыханием прошептала ведьма, расстёгивая кафтан владыки, — Ирвальд.

— Соскучилась? — он не смог сдержать довольной ухмылки, — ты ничего не забыла?

— Забыла! — Топчанка, извиняясь, приложила пальцы к губам и хихикнула, — конечно, забыла!

Ведьма подбросила поленьев в очаг и вылила в пустой котёл зелье, затем добавила немного ароматных трав. Ирвальд втянул носом запах, чувствуя, как мышцы его расслабляются. Он вмиг скинул одежду, оставшись совершенно нагим, и прильнул к ведьме. Топчанка неловко сражалась пальцами с завязками на платье, и он нетерпеливо разорвал их одним движением когтистой руки.

— Я скучала, владыка!

Ирвальд припал губами к её рту, а ладони настойчиво искали грудь. Ведьма стонала от наслаждения, принимая ласки, которыми её раньше не баловали. Ревность кольнула сердце крошечной иглой, однако Топчанка прогнала её куда подальше. Негоже было ревновать владыку, ведь сейчас он с ней.

Ирвальд долго любил её, пока солнце за окном не спряталось, и в хижине потемнело. Ведьма прильнула к его груди, запутавшись волосами в его шевелюре, и тихонько рассмеялась.

Её смех почему-то вывел Ирвальда из себя. Дурман рассеялся, а лицо ведьмы задрожало и расплылось, принимая совершенно другой, ненавистный ему образ. Теперь на Ирвальда глядели янтарные глаза с лукавыми искорками, пляшущими в глубине. Нежные, как персиковый цвет, щеки манили его пальцы дотронуться до них. Ирвальд протянул руку, но образ тотчас же растаял, уступая место пепельно-серому лицу, покрытому бородавками.

Он зарычал то злости и негодования. Рука потянулась к горлу несчастной ведьмы и сжала со всей силы. Топчанка задыхалась и беспомощно махала руками, однако Ирвальд не убирал руку. Позвонки хрустнули, рассыпаясь в его пальцах. Голова ведьмы безвольно болталась на раздавленной шее, язык некрасиво вывалился изо рта, капая слюной, а глаза застыли, наполовину высунувшись из орбит.

Ирвальд дёрнулся в омерзении, вскочил с постели и с ужасом посмотрел на дело своих рук.

— Топчанка, — прошептал он, — Топчанка, прости. Я не хотел... Проклятое зелье!

Ведьма была мертва, и ему стало не по себе. В этот раз он перешёл все дозволенные границы и убил ту, которая, похоже, действительно ему была рада. Убил вез вины и без повода. Неужели она заслужила такую участь?

— Топчанка, — позвал Ирвальд, вставая на колени перед мёртвым телом, — прости, прости...

Бледное лицо ведьмы постепенно синело, руки безвольно лежали на постели, а ноги застыли в нелепой позе. Ирвальду больно было смотреть на неё. Он поднял ладони и поднёс к своему лицу. Был единственный выход, но думать о таком он не смел. Владыки прибегали к нему лишь в крайнем случае, и ведьма отнюдь не была достойным выбором. Но Ирвальд никак не мог заглушить чувства вины. Из всех безумных поступков в его жизни, этот, пожалуй, был самым безумным. И горечь ещё не скоро отпустит сердце.

Наконец, он всё-таки принял решение.

— Да будет так! — произнёс Ирвальд, отсекая мечом свой левый шип.

Отрубленный шип покатился по полу и вдруг подскочил, объятый голубоватым пламенем. Ирвальд ждал, пока он сгорит дотла. Затем собрал в ладонь пепел и сдунул его на лицо Топчанки. Ведьма закричала и пошевелила губами. Глаза её встали на место и тут же наполнились слезами. Громко рыдая, Топчанка заползла подальше в постель и забилась в подушки.

— Не серчай, ведьма, — только и смог сказать Ирвальд.

Он быстро оделся и покинул хижину, потирая окровавленную ладонь. На месте шипа бугрился багровый пенёк. Ирвальд знал, что больше не сможет отрастить шип. Это была плата за сто лет жизни, подаренные Топчанке. Он понимал, что придётся придумать достойный ответ, почему лишился столь знатного символа владык. Однако он не смог бы поступить иначе.

В замке его поджидал Моращ. Ирвальд почти не удивился, увидев отца. Слухи о том, что владыка ищет пропавшую жену, уже облетели долину. Лицо Мораща, как и следовало ожидать, выражало крайнее недовольство.

— Ты мог бы сразу мне рассказать! — упрёкнул он сына.

— Это моя жена, — устало возразил Ирвальд, — и я хочу сам разобраться.

— Да уж, вся долина жужжит, как муха над падалью. Я уже сообщил Авгуру, он летит сюда. Калеш недоволен и ждёт, чем всё закончится. Твоя жена покрыла наш род позором.

— Не только она, — хмыкнул Ирвальд, — с ней был синий владыка.

— О чём ты говоришь? — в ужасе воскликнул Моращ, — ты в своём уме?

— В своём! Миклош видел его собственными глазами. Он молод и красив!

— Красив? — задумчиво спросил старый князь, — такого быть не может.

— Ну, я не знаю. Может, ему померещилось!

— Должно быть. Ты самый молодой из владык. Остальные дряхлы, как старые пни.

— Я уже говорил тебе отец, что сражался с владыкой. Ты обещал подумать!

— И ничего не придумал, — признался Моращ.

Князя стояли посреди комнаты, испытывающе глядя друг на друга. Ирвальд пылал злостью и раздражением, Моращ пребывал в смятении. Он понимал, к чему клонит сын. Но это было невозможно.

— Хозяин, — внезапно окликнул Себрий со двора — прошу прощения, что беспокою владык, но тут в лесу кто-то есть.

— Кто? — хором спросили владыки.

— Кто-то очень большой. Не такой, как медведь, но всё ж скакуны сходят с ума от страха, а твари вокруг разбегаются, кто куда.

— Вот напасть! — рывкнул Ирвальд, хватаясь за меч.

Вдвоём с отцом они выбежали из замка и направились в лес. Там действительно было подозрительно тихо, а из чащи на них смотрели два огромных жёлтых глаза.

— Я уже видел эти глаза, — прошептал Ирвальд, — эй, ты! Выходи сюда.

Деревья зашумели, с треском падая на землю. Из чащи вылез ящер и осторожно ступая, приблизился к владыке.

— Бросить, — прошипела тварь.

— Что? — не понял Ирвальд, — что бросить?

— Бросить! Умирать!

Ящер наклонил голову и выплюнул что-то на траву. Ирвальд присел, рассматривая принесенную тварью вещь, и вдруг похолодел. То был маленький крестик на шнурке, который он давно потерял, и даже успел позабыть об этом.

— Пещера! — сказал ящер, — за мной!

— Куда ты его зовёшь? — вмешался Мораш.

— Запах, — ящер ткнул носом в крестик, — самка. Я не съел, потому что запах. Мог съесть. Ты забыть владыку. Я отдать самку.

— Она у него в пещере, — догадался Ирвальд.

— Ты пойдёшь туда? — изумился Мораш, — ты ещё безумнее Орвилла.

— Смирись, отец! — бросил Ирвальд и поспешил обратно в замок, чтобы оседлать ядохрыла.

Мораш задумчиво смотрел ему вслед. На скулах играли желваки. Ему не нравилось то, что происходило. И эта девушка не понравилась ему с самого начала. Она была слишком слаба для его сына, и вот теперь он пожинает плоды своего безрассудства.

Мораш поднял полы плаща, как вдруг заметил что-то на земле. Наклонился и некоторое время всматривался, затем подцепил когтём и попробовал на вкус. Голову пронзила яркая вспышка воспоминаний. Старый князь прикрыл веки, а зубы его сцепились со скрежетом, будто вокруг шеи невидимого врага.

Мораш узнал этот вкус. Горечь разлилась по всему телу, заставив его дрожать от ярости и негодования.

Глава 33

Они долго летели под самыми облаками. Владыка обнимал её за талию и поглаживал ягодицы. Сердце замирало в предвкушении ласк. Только Ярушка не могла понять, почему они летят так долго. Она потёрлась носом о его грудь, вдыхая любимый запах. Князь улыбнулся и поцеловал её в лоб.

— Я скучала, — краснея, призналась она.

Он не ответил. Но Ярушка не особо ожидала эмоций. Это было совсем не в духе владык. Важнее было то, что они прижал её к себе ещё крепче.

Наконец, они прилетели в замок — но то был другой замок, гораздо больше и богаче, чем прежний.

— О, Господи, где мы?

— Теперь это наше новое жильё, — ответил владыка, — куда достойнее, чем ты привыкла, не правда ли?

— Я даже не знаю, — с сомнением произнесла Ярушка, — мне и там было неплохо.

— Привыкай, — грубо отрезал он, отпуская скакуна на волю.

Князь пошёл вперёд, величественно выпрямив спину. Сейчас он казался даже выше, чем обычно, и Ярушка зарделась от гордости.

— Где же все? — спросила она, рассматривая пустые комнаты, уставленные богатой мебелью из золота и парчи. Стены тоже были покрыты серебряными узорами. Как-то сильно вычурно, не так, как привыкла Ярушка, и стало немного не по себе.

— А кто тебе нужен? — спросил владыка.

— Слуги, — улыбнулась она.

— Будут тебе слуги, — пообещал князь и распахнул перед ней дверь, — входи.

Ярушка прошла внутрь и услышала, как дверь за ней захлопнулась со стуком. Она вздрогнула, но тут же позабыла об этом. Веки потяжелели, а перед глазами поплыл туман. Князь едва успел подхватить её на руки.

— Она пуста, — сказал незнакомый женский голос, — сожалею.

Владыка взревел от ярости и отшвырнул девушку в угол. Ярушка упала, больно ударившись, однако не успела понять, что произошло. Комната стала раскачиваться взад-вперёд, будто огромная колыбель. Тело разомлело, и она почувствовала, как засыпает.

— Что будешь делать? — вновь спросил голос.

— Наслаждаться тем, что есть, — ответил князь.

Он подошёл к спящей Ярушке, поднял её за волосы, намотав пряди на руку, и потащил за собой.

— Ты, как всегда, нежен, — ехидно заметил голос.

— Заткнись, ведьма, — буркнул князь.

Он притащил Ярушку в спальню и разбудил, довольно неласково похлопав по щекам. Она открыла глаза и на миг застыла от ужаса, затем успокоилась под чарующим взглядом глубоких синих глаз владыки.

— Скажи мне, дитя моё, — велел владыка.

— Что сказать?

— Я нравлюсь тебе?

— Очень, — на губах девушки играла томная улыбка. Она была так прекрасна, что тело его задрожало от нетерпения. Князь велел ей снять одежду и быстро овладел ею. Ярушка отвечала ему с неожиданной страстью, требуя всё новых и новых ласк.

— Я мог бы наслаждаться тобой вечно, — шепнул князь ей на ухо, когда они поутихли, решив передохнуть. И в тот момент он почти не кривил душой.

На следующее утро Ярушка проснулась и села на кровати, сладко потянувшись. Дверь скрипнула, и в спальню вошла женщина, которую она прежде не видела. Кривые зубы и косой взгляд говорили о том, что она ведьма. Ярушка отметила, что она была довольно красивой. Однако её портила излишняя худоба.

— Вы кто? — спросила Ярушка.

— Атилла, — голос ведьмы показался знакомым, — вставай, пора завтракать. Не то у тебя не хватит сил.

— Но я не хочу.

Ярушка действительно не чувствовала голода. Однако, поднявшись, едва не упала от

слабости. Князь совершенно вымотал её. Где, интересно, носит его сейчас?

— Тебе нужно поесть, — настаивала Атилла.

Ведьма заставила её одеться и спуститься вниз. Однако Ярушка не смогла проглотить даже маленький кусочек. От запаха еды её вырвало, и продолжало тошнить ещё очень долго. Атилла проводила её в спальню и уложила в постель.

Ведьма спустилась в зал и расплылась в улыбке, встречая князя.

— Ты выглядишь лучезарно, муж мой!

— Спасибо, — поблагодарил её князь и отстранился, — как там наша гостья?

— Увы, — покачала головой Атилла, — ты не сможешь вечно держать её в мороке. Это её убивает.

— Так сделай что-нибудь.

— Я могу принять её облик.

— Не стоит, — усмехнулся владыка, — ты нравишься мне такой.

Князь ещё некоторое время не сводил с жены задумчивого взгляда. Конечно, идея принять облик человеческой девушки, была неплохой. Но только вот Атилла не была столь неистовой в ласках, и уж точно не смогла бы скрыть свой ведминский запах, порою доводивший его до тошноты. К тому же, она могла затаить обиду, а ссориться с женой пока не входило в его планы. Атилла ещё нужна была ему, гораздо больше, чем всякая людская красавица. А уж после он подумает, что с ней делать.

Ему следует избавиться от девушки, как и от прочих своих любовниц, не переходя черту терпения Атиллы. Значит, осталось совсем немного времени, и стоит провести его, наслаждаясь.

Владыка скользнул губами по щеке жены и оставил её, поднявшись в спальню к Ярушке. Девушка лежала на подушках, свернувшись клубочком. Увидев князя, она вскочила, как ужаленная. Лицо её исказила гримаса ужаса.

— Вы не Ирвальд! — воскликнула Ярушка, натягивая простыню.

— Как ты догадлива, дорогая, — насмешливо сказал князь.

— Убирайтесь вон!

Подушка полетела прямо в лицо владыке. Он поймал её и ловким движением разорвал пополам.

— Что ж, теперь нечего терять.

Князь накинулся на Ярушку, заломив руки за спину, и сорвал с неё одежду. Швырнул лицом на пол и грубо овладел, впиваясь острыми когтями в ягодицы, разрывая плоть до мяса. Такой боли она ещё не испытывала никогда. Крик замер на губах, скованных невидимой силой. А владыка продолжал терзать её до тех пор, пока она не потеряла сознание и канула в небытие...

Спустя некоторое время князь настытился. К тому времени от былой красоты Ярушки не осталось и следа — всё тело было истерзано когтями, исколото острыми шипами, а губы разорваны клыками. Владыка любовался делом рук своих, торжествуя, что больше никто не посмеет позариться на то, что принадлежало ему.

— Атилла, — позвал он жену, — выведи её в Горы. Она больше не нужна.

— Мне столкнуть её в пропасть? — уточнила ведьма.

— Нет, — в глазах владыки мелькнул испуг. Он не пойдёт на это. Слишком уж горьким был предыдущий урок, — пусть её заберут Горы. Я видел, как в расщелине бродит хищная тварь.

— А если ей удастся уйти? Впрочем, — ведьма задумчиво посмотрела на истерзанное лицо Ярушки и приподняла пальцем веки, — ей осталось совсем недолго.

— Вот и избавься от неё поскорее.

— Да, владыка.

Атилла вытолкала Ярушку из замка и, схватив за косы, оттащила подальше к скалам. Напоследок она достала из кармана платья щепотку трав и посыпала ими голову девушки.

— Вот теперь ты не вспомнишь ничего, дитя. Ступай, — почти ласково велела Атилла, указывая пальцем на крутой спуск, — тебе нужно идти туда.

Ярушка послушно кивнула головой и побрела в сторону, указанную ведьмой. Она шла, не разбирая дороги, мысли путались, а в голове звучали сотни голосов. Ей чудились мать, отец, а после сотни болтушек разом стали бубнеть неразборчивую песню. Ярушка закрыла руками уши, но голоса лишь усилились.

Мурья почуяла издалека запах крови и облизнулась. Желудок вторил ей голодным урчанием. Она высунула голову из-за скалы и увидела тёмную фигуру. Существо шаталось из стороны в сторону и, похоже, было ранено. Мурья ловко выпрыгнула из своего укрытия, схватила существо в зубы, смакуя сладкую кровь, побежавшую по языку. Ей хотелось сразу же съесть добычу, однако она помнила, что мать её тоже была голодна. Мурья помешкала, наслаждаясь тёплой кровью, стекающей по глотке, затем обречённо вздохнула и поплелась к пещере. Мать всегда делилась с ней добычей и наверняка осерчает, если узнает, что Мурья полакомилась человеческим мясом тайком.

— Да, — зашипела мать с порога и радостно забила хвостом.

Мурья выплюнула добычу на каменный пол и подтолкнула в широкой материнской пасти. Жёлтые глаза блеснули. Мать шумно вдохнула запах крови, как вдруг замерла, будто вкопанная.

— Владыка, — прошипела она.

Мурья непонимающе посмотрела на мать, однако чешуйки на спине зашевелились от страха. Мать рассказывала ей о владыке, едва не убившем обеих.

Огромная рептилия засуетилась в камнях, доставая кусок веревки, на котором болтался крошечный кусок металла. От него шёл тот же запах, что и от добычи. Эта вещь принадлежала ей.

— Стеречь, — велела мать, — нельзя есть. Владыка будет мстить.

С этими словами мать ушла, оставив Мурью наедине с добычей. Ящерица тяжело вздыхала, слизывая выступавшую кровь. Как бы она хотела её съесть! Но Мурья не смела послушаться. Поэтому лишь молча лежала рядом, наблюдая, как тело добычи корчится, терзаемое тревожными снами.

Ярушка проснулась, однако не смогла открыть глаз. Руки отказывались шевелиться. Тело будто забрали в кокон. Было жарко, как в адском котле, и невыносимо больно. Она захныкала, как дитя. Спустя некоторое время ей удалось сесть. Глаза почти ничего не видели, как будто вокруг был туман. Два жёлтых пятна сверкали слева от неё, только она не могла сообразить, что это.

Ярушка поднесла ладони к лицу и ужаснулась, увидев, как они исколоты.

Кто это сделал с ней?

По бедру пробежал холодок, и она увидела, что платье её разорвано в лохмотья. По ногам проходили глубокие раны, а ближе к паху виднелись глубокие следы укусов, разбухшие от ядовитой слюны. Четыре глубокие впадины как раз там, где должны быть

кльки. Но Ирвальд не мог сотворить с ней такое! Только не он!

Горькие слёзы текли по щекам, обдавая кипятком кровоточащие раны. Ярушка начала понимать, что кто-то надругался над ней, над её телом. Ей хотелось взглянуть на себя, посмотреть, во что превратилось её истерзанное лицо. Но вокруг был только туман и два мигающих жёлтых пятна.

Как вдруг издалека она услышала знакомый голос. Ирвальд!

Сердце ушло в пятки. Он не должен видеть её такой! Ярушка встала на колени и поползла вглубь пещеры, пытаясь найти, где укрыться. Она ударилась головой о что-то мокрое и холодное — то была лапа чудища. Ярушка подняла лицо и встретилась взглядом с обладателем тех самых жёлтых глаз. Однако в этот раз страху не было места в её измученном сознании.

— Укрой меня, — прошептала она и нырнула под огромную лапу чудища.

Ирвальд вбежал в пещеру, не задумываясь ни на секунду о возможной опасности. Два старых князя, пожав плечами, пошли вслед за ним.

— Где она? — рявкнул молодой владыка.

Перед ним сидел отпрыск ящера и испуганно хлопал ресницами. Пещеру наполнил запах страха, смешиваясь со зловонием свежей мочи.

— Я спрашиваю, где! — в голосе Ирвальда звучала злоба, — зачем ты привела меня сюда, глупая тварь!

— Остынь! — осадил его Моращ, — я кое-что вижу.

Князь подошёл к детёнышу ящера и ткнул мечом в его лапу.

— Не подходи, — тихо сказала Ярушка.

Однако Ирвальд улышал её голос и рванулся к ней. Моращ остановил его, схватив за плечи.

— Может, не стоит пока?

— Оставь меня, отец.

Между тем Авгур незаменто проскользнул мимо сцепившихся владык и вытащил Ярушку из-под лапы чудища. Спустя мгновение, он отстегнул плащ и накрыл им девушку с головой. Ирвальд вырвался из рук отца и подскочил к жене, но Авгур перехватил его руку.

— Если она тебе дорога, то не стоит.

Но молодой князь был упрям и решительно рванул плащ. Увиденное заставило его замереть от ужаса. Ирвальд смотрел на лицо незнакомки, пытаясь увидеть хоть что-то, что сказало бы ему, что это она, его жена. Плоть её распухла и посинела, местами на ранах выступал гной, источавший зловоние.

— Тебе стоит решить, Ирвальд, — произнёс Моращ, — если приговоришь её к казни, то сделай это сейчас. Или исцели её и не смотри более на это уродство.

— Кто это сделал с ней? — закричал Ирвальд и повернулся к ящеру, топтавшемуся на пороге пещеры.

— Замок! — сказала рептилия, — Гора.

— Ирвальд, — позвал его Авгур, — она долго не протянет.

— Кто это сделал с тобой? — Ирвальд склонился над лицом жены, глядя на неё с горечью и отвращением.

— Я не помню!

— Лжёшь, мерзкая тварь! С кем ты сбежала?

— Я не сбегала, — в горле девушки бурлило от сдавливаемых рыданий, — я ничего не

ПОМНЮ.

— Она не лжёт, — сказал Авгур, проднимая ей веки. Глаза Ярушки потеряли цвет, став совершенно белыми, с красными прожилками, испестрившими глазное яблоко.

— Морок. Очень сильный. Она не протянет до конца дня.

— Когда я сниму его, она вспомнит, — решил Ирвальд, кладя ладонь на лоб девушки.

— Не думаю, — заметил Моращ, — чтобы так выесть глаза, нужно много времени.

— Что это значит?

— Она в мороке уже много дней. Ты сам не справишься.

Три владыки разом сложили ладони над телом девушки, шепча заклинания. Ярушка застонала и скорчилась, обхватив себя руками за плечи. Из горла полилась кровь. Потом она выгнула спину и задрожала, а изо рта неспеша вылезла огромная шипящая кобра.

Моращ выхватил меч и ловко изрубил её на куски. Тело кобры взялось синим пламенем и исчезло, оставив после себя лишь дымку да запах горелого мяса.

Лицо Ярушки посветлело, раны затянулись, а по щекам разлился прежний румянец. Она уснула — девичья грудь ровно вздымалась под плащом Авруга, а губы слегка подрагивали, шепча что-то во сне.

— Пусть поспит, — сказал Авгур, — не стоит её тревожить.

— Я сам решу, — грубо оборвал его Ирвальд, однако, глядя на спокойное красивое лицо жены, так напоминавшее его прежнюю Ярушку, немного смягчился.

— Нужно кое-что выяснить. Ты, — он направил меч в сторону Мурьи, — головой отвечаешь на неё.

Детьныш ящера кивнул, вжавшись в стену пещеры от страха. Ирвальд, грозно сверкнув глазами, вышел наружу, поманив за собой мать. Старшие князья тенью скользнули следом.

— Ты говорил «замок». Какой замок?

— Владыка, — прошипел ящерица.

— Замок владыки? — Ирвальд не верил своим ушам, — ты уверен?

— Да.

— Она сбежала оттуда?

— Нет, — ящерица замотала головой, — бросить. Смерть.

— Я не понимаю тебя.

— Кто это сделал с ней? Ты знаешь? — вмешался Моращ.

— Не мы, — чудище нетпрпеливо мотало хвостом из стороны в сторону, — замок. Запах оттуда.

Ноздри Ирвальда надувались от яростного дыхания. Он должен найти замок, о котором говорила тварь, и выяснить, кто посмел изувечить его жену. Моращ схватил его за запястье.

— Ирвальд!

— Я буду искать замок.

— Не нужно. Здесь только один замок владыки.

— Что?

— Замок Калеша, — сухо сказал отец.

Глава 34

Три князя шагали по широкому коридору замка, и стены содрогались от тяжёлой грозной поступи. Тени испуганно жались по углам, не ожидая ничего хорошего от суровых выражений лиц владык.

Калеш встретил их в тронном зале и поприветствовал кивком головы. На

потрескавшихся губах верховного владыки мелькнула едва заметная улыбка, однако взгляд его был настороженным.

— Я почувствовал вас, братья мои. И тебя, младший князь. Вы долго мешкали.

— Может, скажешь, Калеш, что случилось с моей женой? — злобно потребовал Ирвальд.

— Ты меня в чём-то обвиняешь? — Ослабился Калеш, вскакивая с трона, — ты, покрывший наш род позором!

— Это не ответ на мой вопрос.

— Мы видели, что с ней сотворили, — вмешался Авгур, — такая жестокость требует возмездия.

— Какого возмездия? — прищутив глаз, спросил Калеш, вновь опускаясь на трон, — ты говоришь о возмездии с верховным владыкой?

— Она была здесь, — рявкнул Ирвальд, хватаясь за меч, — я чувствую её запах. Это ты похитил её?

Калеш громко рассмеялся. Эхо его картавого смеха разнеслось далеко по пустынным комнатам замка.

— Я уже стар, Ирвальд, — немного успокоившись, ответил он, — стар и бесплоден. Мои чресла уже не пылают огнём, как твои. Мне незачем красть твою женщину. Я и со своими не знаю порой, что делать.

— Тогда объясни! — потребовал Ирвальд, — зачем держал её в замке? Зачем навёл морок?

— Что ж, — многозначительно сказал Калеш, — я не хотел. Но правда тебе не понравится, сынок.

— Мы все готовы тебя слушать!

— Как хочешь, — равнодушко вздохнул Калеш, — я бы хотел, чтобы это умерло вместе с ней. Ты узнаёшь это, Ирвальд?

Калеш протянул племяннику ладонь, на которой лежало кольцо верховного владыки, переливаясь в отблесках вечернего солнца, пробивавшегося сквозь высокие окна тронного зала. Камни оправы сверкали и, казалось, надсмехались над помрачневшим владыкой.

— Откуда оно у тебя? — глухим голосом спросил Ирвальд.

— Я думал, ты мне скажешь. Твоя жена не смогла.

— Она не могла украсть кольцо, — неуверенно прошептал Ирвальд, а мысли его лихорадочно завертелись, выуживая из памяти моменты, когда же он всё-таки видел его в последний раз. Он не помнил, чтобы вообще снимал кольцо, пока не угодил в злосчастную ловушку тирана.

— Ты уверен, что оно было у неё?

— Уверен? — Усмехнулся Калеш, — о да!

— Как ты её нашёл? — подал голос Моращ, доселе задумчиво молчавший.

— Я и не искал. Как-то был у меня знакомый торговец, Боровод, — начал Калеш. Глаза его сузились, когда он увидел, как Ирвальд едва не подпрыгнул на месте, и усмехнулся, — он добывал для меня разные диковинные вещи. А несколько дней назад принёс кольцо. Само собой, я тут же узнал его и потребовал рассказать, откуда он его взял. Боровод долго сопротивлялся — пришлось снять с него шкуру. И в муках он признался, что около года назад купил девушку и обучил её разным хитростям. Она и принесла ему кольцо. Каково было мой удивление, Ирвальд, когда я нашёл эту девушку и признал в ней твою жену.

— Я не верю! — покачал головой Ирвальд.

— Считаешь, что я лгу? — грозно спросил Калеш, — ты забываешься, Ирвальд. Похоже, я поспешил объявлять тебя князем. Ты ещё слишком молод и глуп.

— Кто обошёлся с ней так жестоко? — настаивал Ирвальд, пропуская обидные слова мимо ушей.

— Я должен был знать, как она заполучила кольцо.

— Узнал?

— Увы! Я не сподобился содрать с неё шкуру живьём, как с её полубовничка. Тогда бы, возможно, она сказала. Но она потеряла рассудок раньше, чем эта мысль пришла мне в голову.

— Ты трогал её, — прошептал Ирвальд, едва сдерживая ярость.

— За такую дерзость, как кража родового кольца, полагается кое-что похуже, чем смерть, — зловеще ответил Калеш, — можешь считать, что я был милосерден.

— Я знаю, что её увёз синий владыка, — вдруг вспомнил Ирвальд, — молодой и красивый. Что ты про это знаешь?

— Я знаю, что нас всего четверо, князь! А Боровод был хорош собой, черняв, длинноволос и ладен до всяких хитростей. Так что я не удивлён, если кому-то померещилось.

Ирвальд не смог вымолвить ни слова. Щёки его посинели, приняв оттенок Гор. Он силился не опускать голову, однако тихие проклятия то и дело срывались с губ. Калеш снисходительно смотрел на племянника, всем своим видом демонстрируя неодобрение.

Мораш легонько похлопал сына по плечу, призывая собраться с духом. Ирвальд очнулся, и злобно сверкнув глазами, поспешил прочь из замка.

Морашу удалось догнать его лишь на пороге пещеры.

— Что ты задумал?

— Я сам разберусь со своей шлюхой, — сквозь зубы процедил Ирвальд.

Он грубо схватил Ярушку, уютно дремлющую, завернувшись в плащ, под боком у рептилии, и бросил поперёк спины ядохрыла. Волосы её растрепались и запутались в ядовитых перьях. Ярушка еле слышно охнула от боли. Ирвальд пристроился рядом, игнорируя её вздохи, и приказал Юрею лететь домой.

За всю дорогу к своему замку он не произнёс ни слова. Он был слишком зол, чтобы даже смотреть на жену. О том, что отец полетел следом за ним, Ирвальд догадывался по шелесту крыльев над головой, но не смотрел в ту сторону. Ему хотелось, чтобы его оставили в покое, однако Мораш был упрям, не хуже его самого, поэтому Ирвальд делал вид, будто никого не замечает, втайне надеясь, что отцу надоест, и он уберётся к себе домой.

Прилетев в замок, Ирвальд стащил жену со спины ядохрыла и отвёл в небольшую комнату, расположенную в дальней башне. Он шёл быстро, грубо волоча её за локоть, так что Ярушка спотыкалась о каменные стыки полов, сбивая в кровь босые пальцы ног. Вскоре она уже совсем не могла ступать сбитыми ногами и падала на колени. Ирвальд равнодушно поднимал её за волосы и толкал вперёд.

В комнате не было ничего, кроме узкой кровати и табуретки. На единственном окне была решётка, между прутьями которой могла проскочить разве что мышь. Из стены под окном торчало большое железное кольцо. Ирвальд велел приковать Ярушку цепью к кольцу. Себрий, смущённо отводя глаза, надел ей на ногу железный оков и громко стукнул

молотком, забивая клин. Ярушка закусила губу, чтобы не заплакать от боли и унижения. Затем они оба ушли, оставив её одну.

Долгое время она сидела совершенно подавленная, не в силах даже вздохнуть от возмущения. Ярушка не понимала, почему Ирвальд вёл себя так. Что она сделала? Чем провинилась? Она совершенно ничего не помнила, а муж не соизволил ничего объяснить. Из храброго ласкового зверя Ирвальд неожиданно превратился в холодного деспота — таким она его не знала. И теперь ей стало по-настоящему страшно.

С Ярушкой почти не разговаривали. Зельда принесла ей своё старое платье вместо лохмотьев, в которые она была одета.

— А где моя одежда? — спросила Ярушка.

— Князь велел сжечь, — сухо ответила каменная баба и ушла, даже не взглянув на неё.

Больше к ней никто не заходил. Лишь тень принесла ей воды, чтобы умыться.

— Хаша, — позвала её Ярушка, — не уходи. Мне так одиноко. Побудь со мной немного.

Тень дрогнула, прошипев что-то в ответ, но осталась и даже попыталась распутать её сбившиеся пряди. Ярушка не смогла сдержать горьких слёз. Если бы Хаша могла говорить, то рассказала бы ей, что творится. Но тень молчала. Потом ушла, едва слышно скрипнув дверью.

Чуть погодя в её каморку пожаловали Зельда, Мальва и Мораш. Никого из них Ярушка не хотела видеть, особенно ведьму. Губы её дрожали от обиды: что здесь делала эта красотка? Миклош как-то намекал, что у Ирвальда с ней особые отношения, и вот теперь она свободно расхаживает по замку, в то время, как законная жена князя прикована цепью, словно преступница. И где этот болтливый коротышка? Почему прячется, когда ей так нужно с кем-то поговорить.

— У неё в волосах трава беспамятства, — заметила Мальва, — мы не заставим её вспомнить.

— Что ты ещё можешь сказать? — спросил старый князь.

— Она пуста, — ведьма хмыкнула, пожимая плечами, — её похождения не принесут чужих отпрысков.

— Она тоже говорила, что я пуста, — вдруг сказала Ярушка. В голове промелькнуло смутное воспоминание.

— Кто? — Мораш внимательно смотрел на неё бледными, как пасмурное небо, глазами.

— Ведьма в замке. Она сожалела, что я пуста. Больше ничего не помню.

— Ты знаешь её имя?

Ярушка задумалась, но с сожалением покачала головой. Воспоминания были туманными.

Мораш постоял рядом с невесткой ещё некоторое время, затем ушёл. Лицо его было хмурым и задумчивым. Он не стал искать сына, чтобы попрощаться. Вскочил верхом на своего скакуна, и спустя мгновение оба исчезли в облаках.

Мальва целыми днями шаталась по замку, не зная, чем себя занять. Каменная баба шарахалась от неё, как от чумной, понурыши путался под ногами, злобно фыркая, а Себрий, напротив, не давал проходу, стараясь завлечь в конюшни, чтобы потискать, зарывшись в сено.

Мальва устала от замка и его домочадцев и хотела вернуться домой. Но Ирвальд велел

ей оставаться, и без его разрешения никто бы не выпустил её даже погулять по окрестностям. А он, как назло, шнырял невесть где, а в те редкие моменты, когда появлялся в замке, ему было не до неё.

Поэтому приходилось терпеть и наслаждаться бездельем.

В один из таких дней Мальва спустилась в подземелье. В одной из темниц она обнаружила цыганку. Та сидела, отвернувшись к стене, и не пожелала отвечать ни на один из её вопросов. Мальва не стала настаивать — это было совсем не её дело, и пошла дальше. В дальней темнице за высокой решёткой сидели ещё двое. Мальва спряталась за выступ, с любопытством рассматривая человеческих существ, не так уж часто попадавших в долине, и стала слушать, о чём они говорят.

— Нужно бежать, как можно скорее, Анджей, — сказал Тадеуш, — в замке беспокойно. Всем не до нас.

— А твоя жена? — спросил боярин.

Тадеуш тяжело вздохнул. На лице его отразились муки борьбы с совестью и желание выбраться живым из передраги. Торговец сжал кулаки, а брови его сошлись на перносите.

— Что толку погибать обоим? Она сама виновата. Нечего было водиться, с кем неподобает.

— Нехорошо говоришь, — упрекнул его Анджей.

— А что я могу поделать?

— Оставлять крещёную душу в лапах Сатаны? — боярин прицокнул языком.

— Сто раз тебе говорил: князь не Сатана.

— По мне так один чёрт. Душегуб проклятый.

— К твоей сестре он поначалу хорошо относился. Я платьев дорогущих, знаешь, сколько привёз?

— И думать про то не хочу.

Анджей поднялся и прислонил лицо к решётке. Мальва тихо ахнула, глядя на его красивое мужественное лицо. Боярен был статен, не в пример большинству мужчин Межгорья. Широкие плечи, мощная грудь, обильно покрытая порослью курчавых волос, проглядывающих сквозь разорванную рубаху. Она почувствовала, как её накрывает трепетная волна.

Между тем Тадеуш, боязливо оглядевшись по сторонам, достал небольшой кусок железа и стал ковыряться в замке, стараясь поддеть язычок. Он уже несколько дней бился над замком, никак не желая сдаваться. Анджей поначалу помогал ему, но, поняв тщетность затеи, бросил дурное дело и молча сидел в стороне.

Тадеуш продолжал возиться, подбадривая боярина добрым словом, однако в душе проклинал едва ли не пуще владыки. Торговец знал, что одному ему не выбраться, и благодарил Бога, что тот послал ему Анджея. Повсюду подстерегали колдовские твари, а боярин казался сильным и довольно смелым, как всякий самовлюблённый дурак.

Мальва усмехнулась, глядя на отчаянные попытки Тадеуша справиться с замком. Нет, то, пожалуй, пустое. Торговец застрянет здесь вечно, что нисколько её не волновало. Но второй мужчина с ясными карими глазами...

Мальва ринулась наверх в отведённую ей комнату и достала из-под кровати деревянные бусы. Перебирая бусинки одну за другой, она шептала заклинание.

Внизу, в темнице, Тадеуш неожиданно выронил железку, а замок громко щёлкнул, срываясь с петель.

— Свобода! — ликующе воскликнул он, распахивая решётку.

Анджей радостно вскочил и обнял торговца за покатые плечи. Запах застарелого пота противно щекотнул нос, однако сейчас это было неважно. Вместе они стали искать дорогу из подземелья. Проходя мимо темницы, где сидела Маришка, Тадеуш неловко зажмурился, потом открыл глаза, посмотрел на массивный замок, покачал головой и тихо скользнул мимо. У него был единственный шанс спасти свою шкуру, а новую жену он всегда найдёт.

Беглецы осторожно выбрались наружу, на удивление, не повстречав никого на своём пути. Они и не подозревали, что ведьма напустила туман, скрывающий их от обитателей замка. Иначе обоих уже бы давно схватили и вернули в темницу, надавав туманов.

Анджей с Тадеушем бежали через лес, отбиваясь ветками от назойливых зубастых тварей, норотившись вцепиться в сладкие человеческие бока. За лесом простиралось поле, усыпанное васильками. Там они прилегли немного отдохнуть и перевести дух. Затем снова пошли дальше. Тадеуш лишь приблизительно знал дорогу, поэтому они петляли, то и дело возвращаясь к только что пройденному месту.

— Проклятые ведьмы путают! — сплюнул на землю торговец. Анджей лишь улыбнулся — он не верил ни в каких ведьм.

Ближе к вечеру небо заволокло тучами, поднялся сильный ветер. Беглецы решили укрыться от бури в лесу, забравшись на высокое дерево.

Однако в лесу оказалось на удивление тихо. Могучие стволы исполинских дубов стеной закрывали чащу от буйного ветра. Путники присели возле одного из деревьев, как вдруг Тадеуш заметил кроличьи уши, торчавшие из кустов.

— Тихо, — шепнул он Анджею, осторожно поднялся, на цыпочках подошёл к зайцу и рухнул на него всем весом своего немалого тела. Заяц проворно сорвался с места ещё задолго до того, как торговец шлёпнулся на бугристые корни, торчавшие из-под земли. Тадеуш закричал от боли.

Анджей зашёлся весёлым смехом.

— Тоже мне, охотничек!

— Сам лови, — буркнул торговец, поднимаясь на колени.

— Будь у меня нож, я бы соорудил лук и стрелы.

— Чего нет, того нет.

— Значит, найдём мелководье и будем рыбачить. Длинных палок пруд пруди. Хоть из одной получится копьё.

— Я не знаю, где искать воду. А пить-то как охота!

— Не думай про это, — посоветовал Анджей, — лучше пойдём.

Они ещё некоторое время бродили по лесу, заглядывая под каждый куст в надежде найти какие-нибудь ягоды или съедобные грибы. Но повсюду были лишь мох да репейник, а в траве мелькала всякая мелкая нечисть, притронуться к которой никто из них не решался.

Стало уже совсем темно, когда они вышли к озеру. Тадеуш радостно всплеснул в ладоши, подбежал к воде и плюхнулся в неё, обрызгавшись с ног до головы.

— Хорошо-то как! — воскликнул он, громко сёрбая воду из сложенных в пригоршню ладоней, — сладкая, как мёд.

— Что-то тихо здесь, — настороженно сказал Анджей, — птицы молчат.

— Так ведь ночь, — заметил Тадеуш, — все спят.

— В наших лесах зверьё просыпается к ночи. А если тихо, то не к добру.

— Чёрт с тобой, — сказал Тадеуш, — ты нудный, как деревенский поп. Иди лучше,

искупайся. От тебя смердит.

Анджей хмыкнул, но не спешил лезть в воду. Он присел, слушая тишину. Самым громким звуком был стук собственного сердца, становившийся всё более частым. Он чувал недоброе, как это уже не раз бывало во время неудачной охоты.

— Беги! — вдруг крикнул он Тадеушу, бросаясь в сторону.

Торговец не успел даже вскрикнуть, как сотни зелёных лап подхватили его и вмиг утащили на дно. По поверхности озера поплыли пузырьки воздуха, и вскоре исчезли. Анджей испуганно выглянул из укрытия между огромными корнями высокого дуба, но никого не увидел. Ещё немного подождал — вдруг торговец сумеет отбиться и вынырнет. Но время шло, а озеро по-прежнему оставалось спокойным. Тадеуш был мёртв — если не съеден заживо, то уж точно утоплен.

Анджей не мог ничем ему помочь — без оружия, не ведая, с какой нечистью придётся сражаться. Он ещё помнил, как Сатана повалил его на землю, одним лишь взглядом заморочив голову. На что способны лесные твари, он и думать боялся.

Анджей поспешил прочь из леса. Поле с бушевавшей над ним грозой казалось не таким уж страшным. Он заночует где-нибудь среди травы, а утром продолжит путь.

Анджей вышел под проливной дождь, дрожа как мокрый щенок, нашёл небольшой участок, где трава была довольно высокой, нарвал длинных стеблей и прикрылся ими от холодных капель. Пристанище было так себе, но выбирать не приходилось. Дождь вскоре кончился, и Анджей, свернувшись калачиком на мокрой траве, забылся усталым сном.

Утро разбудило его слепящими лучами солнца. Боярин встал, потянулся, расправив затёкшие члены. В животе заурчало от голода, и он нахмурился. Без еды он долго не протянет. Значит, нужно поскорее выбираться. Анджей побежал по полю в сторону Гор. Торговец говорил, что там можно найти выход.

Анджей бежал изо всех сил по бесконечному полю. Зелёная трава кончилась, уступив место буйному маковому цветку. Он присел на мгновение перевести дух. Полевые цветы кружили голову сладким ароматом. А может, голова кружилась от голода. Анджей не был уверен. Он почувствовал усталость и опустился среди маковых головок. Веки его закрылись, чуть подрагивая, в глубоком сне. Маковые цветы повернули к нему свои головки и стали заплетать тело, словно кокон.

— Ну, здравствуй, — раздался довольный женский голос — добро пожаловать в мои владения.

Глава 35

Ирвальд пронёсся мимо неё, как всегда, в дурном расположении духа. С тех пор, как княжна вернулась, он не бывал добрым — только рывкал и поливал бранью любого, кто попадался под руку. Мальва набралась смелости и схватила его за локоть.

— Я больше не нужна тебе, владыка. Отпусти домой.

— Обрато в свой свинарник, ведьма?

Мальва сверкнула глазами, но проглотила оскорбление и сложила ладошки перед грудью.

— Мои маки погибнут, если я не буду колдовать. Потребуется немало сил, чтобы вырастить поле.

— Чище будет, — заметил Ирвальд, но всё ж махнул рукой, — выметайся к дьяволу.

— Спасибо!

Мальва радостно подпрыгнула и поспешила на выход, даже не вернувшись в свою

комнату, чтобы забрать вещи, которыми успела обзавестись. То было совсем неважно. Себрио проводил её скучающим взглядом, однако она равнодушно посмотрела поверх него — сейчас зверолод не вызывал у неё ничего, кроме брезгливости.

Мальва бежала без устали через леса и поля, следуя за невидимой нитью, тянувшейся за беглецами. Нитью, которую сама тайком привязала к подолу рубахи Анджея, пока он прятался на конюшне, в то время как Тадеуш разведывал, есть ли кто во дворе.

Ведьма бежала до самой ночи, пока не начался дождь. Тогда она остановилась, увидев посреди поля одинокую фигуру боярина, и, обрадовавшись, обошла его вокруг, и поспешила домой. Анджею уже никуда не деться, а у неё было время приодеться и привести пещеру в порядок.

За время отсутствия хозяйки в пещере расхрабрились пауки. Мальва достала метлу и вымела всех на улицу, невзирая на возмущённые возгласы. Обычно пауки и крысы ей не мешали, скрашивая одинокие вечера пустой болтовнёй. Но сейчас Мальву интересовал лишь боярин.

Она перестелила постель, достав свежие простыни и одеяла, и расствила по пещере кувшины с полевыми цветами. Затем разожгла очаг и бросила в огонь охапку ароматных трав.

На рассвете Мальва велела псам загнать парочку кроликов и освежевала тушки. Боярин наверняка голоден, как зверь. Понравится ли ему её стрепня? Прежних любовников Мальва не потчевала, да и были они не особо привередливы. Им яства, что любовно приготовленные, что только что задранные — всё равно, лишь бы пожрать.

Этот мужчина был другим. Мальва смущённо уставилась на свои когтистые пальцы, провела рукой по неровным, чуть выпирающим зубам. Она совсем из другого теста.

Возможно, ему понадобится зелье, которого Мальва отродясь не варила, считая уделом слабых некрасивых ведьм. Но сейчас она задумалась...

От невесёлых мыслей её отвлек тихий шёпот. То маки передавали сигнал — они зачаровали боярина и тащат напрямик в её пещеру. Мальва тут же забыла про зелье, пригладила красные волосы и плотоядно улыбнулась.

— Ну, здравствуй!

Анджей лежал, не шевелясь, скованный ядовитым маковым дурманом. Мальва велела перенести его на кровать и стащила смердящую от пота рубаху. Тело под рубахой оказалось ещё прекрасней, чем она себе представляла. Литые мускулы, покрытые курчавой порослью, смуглая кожа, влажная и бархатная наощупь. Мальва поцеловала боярина в плечо и зарылась носом в волосы на его груди. Сквозь прогорклый запах немытого тела пробивался другой — мужской, крепкий запах. Она, не стесняясь, продолжала рассматривать Анджея, ослабив его пояс. Внезапно он открыл глаза, схватил её за запястья и перевернул, подминая под себя.

— Столь развязных девок ещё поискать, — улыбаясь, сказал он, как вдруг лицо его побледнело. Анджей увидел белёсые глаза, алые с чёрным ресницы, кривоватый зуб, торчавший из-под верхней губы. Он скатился с неё и отбежал в другой конец пещеры.

— Я думал, люди сказки сочиняют. Но ты... Ты ведьма?

— Да, — просто ответила Мальва, садясь в постели.

— Святой Боже, помоги мне! — в страхе воскликнул Анджей, — ты хотела меня съесть?

— Разве было на это похоже?

— Нет, но... Чего тебе надобно?

— Сперва давай я тебя искупаю, потом скажу.

— Для чего?

— От тебя несёт.

— Раньше тебе не мешало.

— То было раньше.

Мальва потянулась и соскочила с кровати. Быстрыми шагами она подбежала к Анджею и обняла его за шею. Глаза её лукаво блеснули.

— Мне кажется, я понял, — усмехнулся он, подхватил её за талию и понёс обратно в постель.

— погоди, — воскликнула Мальва, но Анджей закрыл ей рот поцелуем. Руки его скользнули под юбки, бесстыдно лаская потаённые местечки, которые там нашёл. Мальва застонала, а Анджей перевернулся на спину и усадил её на себя.

— Ты уже готова, — прошептал он, раздвигая её бёдра и врываясь внутрь.

Мальва задрожала в сладостной истоме и упала ему на грудь.

— Мне кажется, я слышу запах жареного мяса, — тяжело дыша, сказал Анджей. В животе его громко заурчало.

— О, так тебя ещё и кормить надо.

Анджей шлёпнул её широкой ладонью по ягодицам и потрепал по щеке.

— От голодного мужика мало толку.

— Не скажи, — ухмыльнулась Мальва, соскальзывая с него, — иди мойся, я накрою на стол.

Анджей с видимым удовольствием подмахнул всё, что приготовила для него Мальва. И выпил добрый кубок вина из солнечных цветов. Всё это время он не сводил с неё глаз, отчего щёки у ведьмы пылали не хуже макового цвета.

— Ты знатная хозяйка, — похвалил её Анджей и похлопал себя по животу, — не скажешь, как я тут очутился?

— Я увидела тебя в поле и привела сюда.

— Я что-то не припомню.

— Ещё бы! Ты спал, как младенец.

— Как же ты вела меня? — удивился Анджей.

— Есть способы, — уклончиво ответила Мальва.

— А ты можешь вывести меня отсюда в мир людей? — вдруг спросил он.

Мальва почувствовала, как краска сошла с лица вместе с радостью, объявшей её сердце. От досады она прикусила губу, так что на неё выступила кровь.

— Ты злишься? — догадался Анджей и тут же притянул к себе и усадил на колени — мне нужно домой. Тут мне не место.

— Твоя сестра так не считала, — заметила Мальва и тут же прикусила язык, но было поздно.

— Ярушка? Ты знаешь, где она? — Анджей крепко сжал её плечи так, что дух захватило.

— В надёжном месте, — ответила она и покачала головой, — я не могу сказать, мне не велено.

— А тот нехрист, который зовёт себя её мужем? Он не сможет её найти?

— Послушай, Анджей, — серьёзно сказал Мальва, — Кош её не обижал, сделал княгиней. Она сама сбежала. Или ей помогли. Я про то не ведаю. Одно могу сказать

наверняка — если б он желал ей зла, твоя сестра уже была бы мертва.

— Я заберу её домой, — решил Анджей.

— Не стоит. Владыка тотчас же найдёт её, и вот тогда будет беда.

— Долго придётся искать.

— Да она и сама не захочет. Твоя сестра уже здешняя, ей нет дороги назад.

— Я хочу сам поговорить с Яриной, — потребовал боярин.

— Это лишнее, — осторожно сказала Мальва, — тебе не стоит высовываться. Я схороню тебя от князя, пока он не успокоится. Дальше посмотрим.

— Ты выведешь меня? — вновь спросил Анджей.

— Не сейчас, — солгала ведьма, — ты бежал из темницы, и князь очень зол. Он будет ждать при выходе, это я тебе точно говорю.

Анджей готов был поспорить, но не стал. У него не было ни меча, ни любого другого оружия, чтобы противостоять Сатане. А князь был силён, с ним ему вряд ли справиться. Лучше переждать. Тем более что ведьмочка эта — такая бойкая и охочая до ласк.

Здесь ему уж точно не придётся скучать.

Глава 36

Миклош сидел на подоконнике, болтая ногами, и размышлял. Вот уже много дней назойливая мысль не давала ему покоя. Коротышке казалось, будто он должен вспомнить что-то важное, однако, сколько бы ни ломал голову, вспомнить ничего не мог.

Миклошу было очень жалко княгиню. Настолько, что он не мог заставить себя войти в комнату, где её держали на цепи, будто дворовую собаку, и просто поговорить. Владыка приказал не ходить к ней, но разве это бы его остановило?

Нет, Миклоша держало другое — он чувствовал себя виноватым за то, и чём никак не мог вспомнить. Что же это было? Несомненно, очень важное.

Миклош слез с подоконника, вышел в сад и стал кидать камешки в стены замка. Белые кусочки известняка с шумом ударялись о гранитный камень и падали на землю, рассыпаясь мелкой крошкой. Он побросал уже все найденные камни и, почувствовав лёгкий голод, пошёл обратно в замок. На пороге обернулся, посмотрев на сад, и вдруг его осенило!

Миклош вспомнил, как стоял точно также и глядел на Ярушку, сидевшую на ковре из чудных цветов. Что-то ему не нравилось. Но что? Он сунул руки в карманы и нащупал сухие листья. Он сгрёб их в ладонь, намереваясь выбросить, и неожиданно понял.

— Владыка! — истошно заорал Миклош и бросился в обеденный зал.

Ирвальд сидел возле камина, закинув обе ноги на табурет, и держал в руках остывшую трубку. Курить ему не хотелось, разве что вспомнить былое. Во рту было горько, как от забродившего вина, и он то и дело сплёвывал на пол, представляя, как Зельда начнёт браниться. Вопли Миклоша заставили его вздрогнуть.

— Что ты орёшь? — недовольно спросил Ирвальд.

— Я вспомнил!

— Что? — оживился он, отбрасывая трубку в сторону.

— Вспомнил, что показалось мне странным! Цветы! Они зацвели за один день! Болтушки принесли семена давно, но по всему саду не было ни росточка. А в то утро цветы вылезли будто из-под земли и зацвели.

— И что?

— У них был странный аромат, — возбуждённо говорил Миклош, — и княгиня вела себя не так, как обычно.

— Я не видел никаких цветов, — сказал Ирвальд, — тебе точно не померещилось?

— Вот, — Миклош протянул ему сухие хлопья лепестков, — я сунул себе в карман. А сегодня только вспомнил, для чего.

— Давай сюда.

Ирвальд достал платок, и коротышка аккуратно ссыпал в него лепестки. Владыка поднёс платок к носу, вдыхая запах, но не почувствовал никакого колдовства. Тем не менее, он спрятал его в карман и отослал Миклоша прочь, чтоб не мешал думать. Затем вышел во двор и свистнул ядодкрыла.

— Ты уже и сам знаешь, куда лететь, — вздохнул он.

Юрей громко крикнул и опустился на передние колени, позволяя Ирвальду усесться, и полетел в селение ведьм.

— Мальва, — позвальд Ирвальд с порога.

Ведьма тотчас же выбежала к нему, вытирая руки о передник. Выглядела она необычно — сияла, будто начищенная золотая монета и казалась немного испуганной.

— Что там у тебя происходит? — поинтересовался Ирвальд.

— То моё дело, — улыбнулась ведьма, краснея, и он понял, что спешила она вовсе не к маковым цветам. Ирвальд понимающе усмехнулся, но всё ж протянул ей свёрнутый платок.

— Можешь сказать, что странного в этих цветах?

Мальва развернула платок и едва не уронила на пол. Губы её сжались в полоску.

— Нехорошее колдовство, — сказала она.

— Поясни.

— Ведьмам давно запретили использовать такой заговор. Лишь немногие его помнят. Это очень сильное колдовство. Сожги их.

— Эти цветы зацвели у меня в саду в тот день, когда Ярушка исчезла.

— Немудрено, — задумчиво сказала Мальва, — это колдовство способно заставить любого подчиниться чужой воле, принимая за свою. Такими цветами Ольжанка заставила твоего брата напасть на отца.

— Но Ольжанка давно мертва!

— Она не единственная ведьма, которая нарушала законы.

— Ты кого-то знаешь? — спросил Ирвальд, испытывающе глядя в её глаза, надеясь уловить хоть маленький намёк на то, что ведьма что-то скрывает, однако Мальва выдержала его взгляд.

— Нет, — ответила она, — но я могу кое-что. Подожди здесь.

Ведьма спустилась к себе в пещеру, повесила небольшой котёл над очагом и подула на тлеющие угольки. Затем плеснула в котёл немного зелья из кувшина, достала из закровов небольшой клубок ниток и опустила в варево. Пламя разгоралось всё ярче, однако жара совсем не было. Мальва подождала, пока зелье закипело и начало пузыриться, потом аккуратно высыпала в котёл заколдованные лепестки. По всей пещере разлился аромат, от которого у неё пробежал холодок по коже. По углам мерещились призраки давно умерших ведьм, даже понесло зловонием разлагавшейся плоти. Анджей высунул голову из соседней пещеры — взгляд у него был рассеянным.

— Иди, ложись в кровать, — велела ему Мальва. Тот послушно исчез.

— Забавно, — ухмыльнулась ведьма себе под нос. Всё-таки у зелья были свои достоинства.

Клубок в котле запищал, подпрыгивая и брызгая в разные стороны. Мальва подхватила

его, завернув в платок, и вынесла на улицу.

— Держи, — сказала она Ирвальду, вручая клубок, — он приведёт тебя к тем, кто повязан с колдовством.

Ирвальд подбросил на ладони клубок, задумчиво глядя на Мальву. Благодарить её не имело смысла. После всех обидных выходов, что они друг другу устраивали, это выглядело бы жалко и недостойно. Но с тех пор много воды утекло. Ирвальд одержал верх, и ведьма давно с этим смирилась. И всё ж, Ирвальду было не по себе. Неужели за все эти годы его суровое сердце смягчилось?

Он тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли прочь. Клубок в его пальцах зашевелился, спрыгнул на землю и поскакал вперёд не хуже зайца. Ирвальд последовал за ним, даже не обернувшись, чтобы попрощаться с Мальвой.

Клубок промчался через поле, перепрыгнул ручей и остановился на опушке леса. Ирвальд знал эти места. Именно тут он когда-то встретил Ярушку. Почему же клубок привёл его сюда? Здесь не было ведьм — их поселения были намного дальше.

Тем не менее, клубок вертелся на месте и не двигался дальше. Ирвальд спешился и стал внимательно осматривать лес. Не было ничего необычного — трава, кусты, деревья с огромными дуплами, в которых гнездились птицы. Ирвальд напряг слух и услышал быстрое биение крошечного сердца. Оно колотилось так, что ещё немного, и разорвалось бы на части, а в воздухе витал запах страха. Обычно лесные твари боялись владыку и разбегались прочь, но это был непростой страх. Так боялись те, кому было чего бояться. Ирвальд запустил руку в дупло и достал птицу. Маленькая болтушка сжалась в комочек, лицо её стало таким же белым, как и перья. Она зажмурила глаза и поджала лапки, с которых капала густая зеленоватая слизь.

— Вот мерзость! — выругался Ирвальд, отряхивая ладонь.

Птица лежала ни жива, ни мертва. Что было от неё толку? Скрутить голову да бросить в кусты — вот чего хотелось Ирвальду, но птица должна была что-то знать. Стало быть, нужно приводить её в чувства.

В это же время клубок снова подпрыгнул — высоко, чуть выше князя, и поскакал в чащу. Ирвальд сунул птицу под кафтан, вскочил на ядодкрыла и продолжил путь.

На этот раз клубок бежал ещё быстрее, так что Ирвальду пришлось поднять Юрея в воздух и лететь. Маленькая точка клубка мерцала на земле, оставляя позади версту за верстой. Несколько часов они летели, не останавливаясь, пока впереди не показался замок Калеша.

Ирвальд сверкнул глазами, шепча ругательства, а в груди неторопливой волной поднималась ярость.

Клубок замедлил бег, и уже катился по земле. У самых ворот замка он остановился, поджидая владыку, затем покатился вдоль ворот, пока не достиг небольшого лаза и нырнул туда. Ирвальд велел Юрею спрятаться и полез следом за клубком.

Лаз был довольно узким и невысоким, так что Ирвальду пришлось пробираться, согнувшись в три погибели. Впереди показался свет — тусклый, как от пламени очага. Ирвальд затаил дыхание и осторожно, ступая на носках, двинулся дальше.

Лаз привёл его в просторную комнату, вырубленную прямо в скале. Высокие стены уходили далеко вверх, так что едва можно было разглядеть своды, увенчанные кривыми сосульками сталактитов. На каменных выступах стояло множество склянок и кувшинов с зельем, повсюду были развешаны связки трав, грибов, сухоцветов, на толстых нитях висели

привязанные за хвосты мёртвые летучие мыши. По углам стояли клетки — большие и маленькие. Почти в каждой сидело какое-нибудь измученное существо — зайцы, псы, понурыши. Был даже каменный орёл, сжатый прутьями клетки настолько, что не мог повернуть ни одной из голов.

В центре комнаты горел огромный очаг, над которым висел такой большой котёл, что впрору было сварить целиком ядохрыла. Рядом с очагом колдовала ведьма. Клубок остановился возле её юбки, задрожал и медленно растаял в воздухе.

Ведьма стояла спиной к Ирвальду и не сразу заметила гостя. Он достал меч из ножен и тихонько подошёл сзади.

— Ну что, поговорим? — грозно спросил Ирвальд.

Ведьма испуганно обернулась, и он сразу же её узнал. Это была последняя жена Калеша, Атилла. Верховный владыка славился сластолюбием, и в молодости часто менял жён, отвергая по весьма удобной для него причине — ни одна из них не могла зачать. Но сейчас Калеш был глубоко стар, и Атилла держалась в его замке довольно долго.

Клубок указал на неё. Неужели жена Калеша была причиной всех его бед? Ирвальд хмурил брови, не в силах поверить. Пока он раздумывал, Атилла отскочила в сторону и качнула огромный котёл. Тот зашатался, разбрызгивая кипящее зелье по сторонам. Брызги вмиг обернулись зудящими шершнями и, выставив вперёд острое жало, бросились на Ирвальда. Ему пришлось опустить меч и остановить их мороком.

Пока он возился с шершнями, Атилла успела взбежать по ступенькам неверх и скрыться в другой комнате. Ирвальд мигом вскарабкался по стене и прыгнул вслед за ведьмой, ухватив её за развевающийся подол. Атилла вскрикнула и упала.

— Чего ты так испугалась? — спросил Ирвальд, наступая ей на юбку.

Глаза её побелели от ужаса, и она не смогла произнести ни слова. Небольшая грудь часто вздымалась, а стук сердца громко отдавался дробью в ушах владыки.

— Боишься, — насмешливо сказал Ирвальд, наклонился и погладил её по щеке, — может, расскажешь почему? Что за цветы ты посеяла в моём саду?

— Отпусти, — пискнула Атилла, — мне нужно отойти... по нужде.

— Правда? — хмыкнул Ирвальд, — это ещё с кем-то работает?

— Я не лгу, — прохрипела она.

— Тогда представь, что меня здесь нет, Атилла. Потому что я не уйду без ответов на свои вопросы. А их много, ведьма.

Ирвальд убрал ногу с юбки, и Атилла поднялась — сначала на колени, потом во весь рост. Взгляд её был потухшим. Она отошла немного в сторону, подняла края юбки, и вдруг бросилась мимо Ирвальда с такой прытью, какой он совершенно не ожидал. Выскочив обратно на лестницу, Атилла лишь на миг оглянулась и прыгнула вниз.

Голова её ударилась о край котла, а ноги угодили в очаг. Когда Ирвальд спустился вниз, тело её пылало, а из потрескавшихся глазниц вытекали густые ручейки чёрной крови.

Ирвальд со злостью пнул ногой тело ведьмы и поспешил на воздух — вонь от горячей плоти сжимала горло, мешая дышать. Он лез обратно, проклиная себя за то, что позволил оставить в дураках какой-то ничтожной ведьме. Ком загадок рос со страшной силой, а единственная зацепка догорала в пламени, не оставив ни малейшего намёка, где искать правду.

— Как сладок аромат смерти, — раздался писклявый голос. Ирвальд посмотрел вниз — он совершенно позабыл про птицу, спрятанную в кафтане. Похоже, она уже отошла.

Ирвальд достал её и посадил на ладонь, сжав между пальцами крошечные лапки.

— Ведьма мертва! — ликовала болтушка и хлопала крыльями.

— Чем она заслужила твою ненависть? — спросил Ирвальд.

— Она откусывала нашим сёстрам головы и делала говорящие ожерелья.

— Зачем?

— Для пыток. Или наказаний. Атилла любила наказывать слуг, привязывая к дереву и надевая ожерелье.

Ирвальд подивился таким хитростям. Ведьма оказалась жестокой и изобретательной. Живи она в его владениях, он бы её приструнил, а то и отсёк голову. Но раз Калеш позволял такие выходки...

Видать, князь совсем одряхлел, хотя в их последнюю встречу Ирвальду так не показалось.

— Расскажи мне, почему клубок привёл меня к тебе?

— Что за клубок? — спросила птица, невинно хлопая ресницами.

— Ты знаешь.

— Я расскажу, но ты должен кое-что мне пообещать.

— Ты ещё торгуешься? — удивился Ирвальд, — я могу открутить голову за такую дерзость.

— Её мне открутит хозяин, так что выбор не велик.

— Кто твой хозяин?

— Калеш, — ответила птица.

Ирвальд почувствовал, как его бросило в жар. Все дороги вели к верховному владыке. Но почему? Разве мог он хоть на миг допустить мысль о том, что Калеш, назвавший его сыном, велел одурманить его жену? Нет, это была совершенно дурная мысль.

— Чего ты хочешь? — мрачно спросил Ирвальд.

— Его смерти, — ответила болтушка, — ты должен убить его. Также, как он убил всех моих сестёр и дочерей.

— Ты потеряла разум, птица.

— Я расскажу тебе правду, князь. Ты ведь этого хочешь? Тогда решай...

Глава 1

500 лет назад

Война с дьяволами песка перестала казаться весёлой прогулкой. Кшиш Велес не жалел учеников, считая их достаточно окрепшими, чтобы сражаться с противником среди Мёртвых Гор без его указаний.

Владыка наблюдал за неистойой битвой с вершины Застывшего Пика, не вмешиваясь, лишь нахмутив брови, когда дьяволы разбросали молодых княжичей среди барханов, разбив их чёткую линию. Он не вмешался даже тогда, когда из-под песка начали выпрыгивать верные дьяволам волколаки и стали разрывать шеи ядохкрылов острыми клыками. И те, и другие тотчас же падали на землю, корчась в предсмертных агониях. Молодые владыки не успевали лечить скакунов — их тут же атаковали дьяволы.

Невысокие, проворные дьяволы нещадно вертели перед опешившими княжичами короткими кинжалами и стремительно отскакивали в стороны, уворачиваясь от длинных мечей владык, и тут же вонзились в бока противников острыми рогами. Молодые владыки падали, крича от боли, и пытались отбиваться, пока хватало сил. Мало кому удавалось излечиться, и в воздухе стоял едкий запах свежей крови.

Княжичам пришлось рассредоточиться между крошащимися вершинами Мёртвых Гор. Некоторые держались по двое, невзирая на выпрыгивавших отовсюду рогатых. Те же, кому молодая ярость застилала глаза, в одиночку кидались на дьяволов и чаще всего терпели поражение.

Дьяволов почти невозможно было убить — они мгновенно исцелялись и рвались в атаку, но владыки приспособились рубить их пополам и сжигать колдовским пламенем — только так они гибли навсегда.

— Калеш, — прошептал Мораш, чувствуя за плечами спину брата, — это похоже на ад.

— Не хватает пламени, — бодро воскликнул Калеш, — вижу только синее. Что, красномордые и белозадые писаются по кустам?

— Я вижу трупы ядохкрылов, — Мораш с трудом сглотнул слюну.

Калеш злобно ткнул его локтём в кадык. Он был на целых полторы головы выше и точно знал, где больнее.

— Если начнёшь раскисать, я сам тебя прикончу.

Мораш стиснул зубы. Да, он боялся, ведь это было для него впервые. Калеш был старше на три четверти века, его самоуверенности и бесстрашию завидовали многие. Мораш радовался, что ему удалось удержаться рядом.

— Волколаки! — крикнул Калеш, неистово махая мечом.

Его ядохкрыл отскочил в сторону, оставив в зубах песчаного зверя кусок шеи. Волколак захрипел, и, шатаясь, поплёлся прочь. Калеш гневно метнул в него пламя.

И тут же из-за осколка скалы, торчавшей из песка, словно мачта погибшего корабля, посыпались дьяволы.

— Держись! — велел Калеш, отмахиваясь от неприятеля мечом и пламенем. Дьяволы, почувствовав более сильного противника, двинулись на старшего владыку, оттесняя к горам.

Мораша обуяла ярость: он поднял ядохкрыла в воздух, а затем заставил камнем рухнуть вниз и завертеться волчком, неистово махая крыльями. Тучи песка полетели в разные

стороны, забиваясь в золотистые глаза дьяволов. На несколько секунд это выбило их из колеи, и этого оказалось достаточно, чтобы Калеш срубил четверым из них головы и поджёг.

Оставшиеся в живых очистили глаза от песка и повернулись к Морашу. Тот встретил их бурным потоком перьев ядохрыла. Дьяволы повалились в песок, корчась от боли. Мораш не был уверен, что яд сможет убить их до конца, поэтому пустил в ход меч.

— Ловко! — похвалил Калеш, — летим отсюда.

— Нужно найти остальных, — сказал Мораш, но брат его не услышал. Калеш поднялся высоко в горы, полагая, что младший княжич следует за ним. Мораш замешкался на секунду, погладив шею хрипевшего от усталости ядохрыла. Зверю необходима была передышка. Илаг был молод и напуган, также как его хозяин, поэтому Мораш продолжал стоять, похлопывая его по спине.

— Мораш! — раздался гневный окрик брата, эхом разлетевшийся по горам.

Неожиданно из песка вынырнул здоровенный волколак — пепельно-серая шерсть стояла дыбом, глаза яростно сверкали, а по внушительным клыками стекала кровавая пена. Мораш замер на месте, выставив впереди себя меч. Зверь надвигался, щекоча ему нервы злобным рычанием, как вдруг передняя нога волколака задела тлеющую голову дьявола. Он заскулил, потом завыл — жалобно и печально, и обратился в человека. Мораш тут же съёс ему голову и, не дожидаясь, пока выскочат остальные волколаки, вскочил верхом на Илага и взлетел.

Калеша нигде не было — должно быть, он расsverипел и оставил его, решив преподать урок. Это было сурово, но справедливо. Мораш летел, держась середины гор, и напряжённо всматривался в развалины скал, боясь угодить в ловушку.

У подножья одной из гор копошились дьяволы — они скакали вокруг чего-то и махали кинжалами. Мораш сумел разглядеть красное пламя — так вот значит куда делись Яры.

Спустившись ниже, Мораш сумел рассмотреть мешанину из красно-кричевых и золотистых тел. Живых дьяволов было всего два, и они яростно добивали свою жертву.

Почувяв Мораша, один из них отделился и метнул в него кинжал. Мораш ответил дождём из ядовитых перьев. Теперь уже второй дьявол бросился к младшему владыке, выставив вперёд щит. Под чарующим взглядом дьявола ядохрыл стал снижаться, чего Мораш совершенно не ожидал. Он спрыгнул со спины Илага и укрылся за кучей тел.

Дьявол захохотал и взобрался по трупам наверх, намереваясь прыгнуть. Мораш осторожно достал из руки мёртвого дьявола кинжал и воткнул его в кость противника чуть ниже колена. Дьявол согнулся пополам от боли и, не удержавшись, рухнул прямо на острие меча владыки. Мораш крутанул рукоять, и внутренности дьявола вывалились наружу. Он отбросил тело на кучу и огляделся вокруг в поисках второго.

Дьявола нигде не было. Зато недалеко от тел он заметил красного владыку. Наследник семьи Яров был по грудь затянут в зыбучую яму, излюбленную ловушку дьяволов. Правая рука его была растерзана, плоть отделена от кости — от плеча до самого локтя. Левой он сжал трезубец с единственным уцелевшим лезвием. На горле Яра зияла кровоточащая рана. Лицо владыки уже начало бледнеть. Мораш знал, что ещё мгновение, и его нельзя будет спасти. Всего лишь мгновение — притаившемуся дьяволу будет достаточно. Мораш не мог себе позволить потерять бдительность. К тому же, с Ярами они не были особо дружны.

Рука красного владыки дрогнула в конвульсиях.

Мораш прикрыл веки, проклиная себя за глупость и опустился возле умирающего. Он нашёл его губы и выдохнул ему в глотку изрядную порцию собственных сил. Яр открыл

налитые кровью глаза и вцепился изувеченной ладонью в запястье Мораша.

— Ещё — прошептал он одними губами.

Мораш дотронулся до его горла, шепча заклинание, и рана стала затягиваться.

Когда красный владыка достаточно окреп, то выбрался из песчаной ловушки и высокомерно посмотрел на синего княжича.

— Я бы не сделал такого для тебя, Кош.

— И тебе не хворать, — раздосадованно буркнул Мораш.

— Но я этого не забуду, — пообещал Яр.

Мораш лишь махнул рукой, высматривая второго дьявола. Но тот как сквозь землю провалился.

Красный владыка с грустью взирал на тела своих братьев — Морашу показалось, что он даже готов завывать от отчаяния и горя, и поспешил оставить его одного.

Он вернулся к Илагу и только тут заметил пропавшего дьявола — его тело беспомощно распласталось под тяжёлой тушей ядохрыла и кровоточило от сотен глубоких ран. Илаг злобно мял дьявола — Мораш явственно слышал хруст его костей.

— Молодец, — похвалил он ядохрыла, — теперь я отрублю ему голову и сожгу.

Расправившись с дьяволом, Мораш отправился на поиски братьев. Он позвал их, но в ответ услышал лишь дикие вопли — дьяволы колдовали, чтобы заглушить владык.

Мораш взял Илага под уздцы и осторожно повёл среди барханов. Повсюду валялись тела белых, чёрных владык и золотистых песчаных демонов. Его тошнило от смрада мёртвой крови. Внезапно он увидел копну роскошных иссиня чёрных волос, разметавшихся по песку. То была голова. Мораш подкрался поближе, едва сдерживая рыдания, и повернул голову лицом вверх. На него уставились пустые синие глаза мертвеца.

— Роин, — зарыдал Мораш, — Роин.

Роин был старшим после Калеша. Ловкий и сильный воин, достойный владыка. Отец с братьями будут вне себя от горя.

Морашу тяжело было смотреть на голову брата. Однако он всё ж нашёл в себе силы завернуть её в плащ и пристегнуть к седлу. Оставалось найти остальное тело. Роина следовало предать водопаду, как поступали семьи испокон веков. Мораш обшарил барханы вокруг, заглядывая под тела, однако ничего не смог найти.

А потом он заметил руку — разорванная кисть с торчащей из плоти белой костью просто лежала на песке. В крови копошились мелкие насекомые, отчего казалось, будто она шевелится. Рука была почти серой, однако Мораш догадался, что она принадлежала синему владыке. Сердце его оборвалось — неужели ему придётся собирать Роина по частям? Он подобрал руку, стряхнул насекомых и сунул в плащ.

Илаг тихонько крикнул и нахлобучил перья. Мораш медленно повернулся, чтобы посмотреть, что же так взбудоражило ядохрыла. Картина, представшая перед глазами молодого владыки, ещё много лет заставляла его просыпаться от ужаса посреди ночи.

Его брат Верелей сидел, прислонившись спиной к камню, а изо лба торчал кинжал. На месте левого плеча зияла кровавая рана. Мораш видел, что он ещё жив — тело Верелея подрагивало. Рядом лежал Авгур — со вспоротым животом. Грудь его еле вздымалась, а по разбросанным на окровавленном кафтане кишкам ползали мухи.

Мораш знал, что не сможет помочь обоим. У него едва хватило бы сил вытащить из лап смерти одного.

— Калеш! — закричал он, что было мочи, — Калеш!

Братья умирали — и оба были дороги Морашу. Не меньше, чем Роин, и даже больше, чем собственная жизнь.

Кто из них — Верелей или Авгур?

Кто из них?

Мораш подошёл к братьям на негнущихся ногах. Он видел, как на лицо Верелея надвигаются смертные тени. Он мог бы остановить их, однако на пути к Верелею лежал Авгур. Мораш не смог переступить через него. Он упал на Авгура, покрывая всем своим телом, обнимая и шепча заклинания. И лежал так, пока не почувствовал, как силы покидают его, заволакивая глаза туманом.

Затем он скатился с брата, тяжело дыша, и посмотрел на небо — оно понемногу темнело. Надвигалась ночь. Мораш помнил, что дьяволы должны вернуться к своим дьяволицам, пока на небе не взошла луна, иначе они не смогут больше исцеляться. Нужно было выбираться, пока они не набрались сил.

Княжич приподнялся и посмотрел на Авгура. Рана на животе затянулась, и молодой владыка спал, изредка подрагивая во сне.

Затем Мораш перевёл взгляд на Верелея — тот был совершенно серым. Смерть поцеловала черты его лица необратимым поцелуем вечности. Княжич знал, что было колдовство, способное вернуть Верелея к жизни, пока тело совсем не остыло, однако у него не осталось сил, чтобы колдовать. Если бы в пустыне была вода, он принёс бы туда обоих братьев, и они вместе черпали бы силы. Но воды не было, а Мораш слишком ослаб.

— Калеш, — шептал он со злобой, — Калеш..

Мораш подозвал ядохрыла и с трудом взвалил на него спящего Авгура и мёртвого Верелея. Уставший Илаг недовольно клекотал, но Морашу было не до него. Волосы вставали дыбом от ужасной ноши, которую предстояло везти отцу. Только бы найти Калеша. И тут Мораша будто молнией ударило: а что если старший брат тоже мёртв? Ему не хотелось в это верить.

Мораш похлопал скакуна по крупу, подталкивая идти вперёд. Они неторопливо миновали Адские барханы, усеянные трупами. Песчаные хищники уже развернули кровавое пиршество. Мораш с грустью осознавал, что тело Роина ему не удастся найти.

Между тем Авгур пришёл в себя и негромко застонал. Пришлось остановиться, чтобы помочь освободиться от верёвки, которой Мораш привязал его к спине Илага. Взгляд Авгура был туманным. Его шатало в разные стороны. Он схватился за мёртвые ноги Верелея, чтобы не упасть. Осознав, что это такое, Авгур упал на колени, и его стошнило.

— Я пытался ему помочь, — прошептал он Морашу.

— Нужно найти Калеша, — только и смог произнести младший владыка.

— И Роина.

Мораш отвернулся, делая вид, что поправляет седло.

— Может, мы успеем, пока не взойдёт луна.

Братья уныло побрели через пустыню к горам. Миновав Застывший Пик, они увидели фигуру, одиноко застывшую на самом краю. Кшиш Велес стоял на коленях, прислонив лоб к рукояти меча. Ветер неистово трепал его чёрные волосы, и молодым владыкам оставалось лишь гадать, что творилось у него в голове.

— Думаю, он оплакивает своё поражение, — сказал Авгур.

Мораш не ответил. Несколько новолуний назад они и подумать не могли, что этот день станет позорной страницей недолгой истории молодых воинов. Кшиш слыл жестоким, но

достойным учителем. Они верили ему, так же как верили в свою победу.

Теперь же... Мораш пока не мог представить, что могло быть теперь...

Позади кто-то негромко свистнул.

— Калеш! — обрадовался Мораш, забыв, что ещё недавно гневался на брата.

— Ты мелкий... — начал было Калеш, но осёкся, увидев привязанное к спине ядохрыла тело. Скулы его потемнели, а глаза засверкали злобой.

— Кто?

— Нас осталось трое, — мрачно ответил Мораш, — тело Роина я не нашёл. Только голову. Верелей... вот он.

— Мы отомстим за них! — пообещал Калеш.

— Если бы ты не оставил меня, мы могли бы спасти Вереля, — тихо прошипел Мораш, — мне пришлось выбирать между ним и Авгуром.

— Заткнись, сосунок! — Калеш замахнулся, чтобы ударить Мораша, однако тот перехватил его руку. Старший брат на мгновение замер от удивления — он не ожидал, что Мораш дерзнёт остановить его, да и силищи в юношеских руках оказалось не мало.

— Хватит! — закричал Авгур, расталкивая их в разные стороны, — никого уже не вернуть.

— Мы отомстим, — повторил Калеш, — идемте со мной.

Старший владыка развернулся — полы длинного плаща взметнулись вверх, словно хвост чудо-птицы. Он направился к небольшой расщелине, которую Мораш изначально принял за трещину в скале. Калеш согнулся и нырнул куда-то вбок. Братья последовали за ним. Илагу пришлось лечь на дне расщелины и затаиться в ожидании.

Проход в пещеру был низким, так что пришлось ползти, однако недолго. Вскоре им открылась другая пещера — просторная, высокая, освещённая ярким светом от десятков факелов, прикрепленных к стенам. Калеш уверенно шёл дальше. Мораш с Авгуром удивлённо переглянулись — никто не ожидал, что внутри Мёртвых гор что-то есть. Но старший брат, похоже, великолепно ориентировался в пещере.

Они свернули в узкий коридор — вдоль стен Мораш заметил несколько дверей из резного дуба с огромными коваными ручками в виде волчьих голов — то была символика дьяволов. Ему стало не по себе. Однако брат не повёл бы их в логово врага...

Или нет?

Рука непроизвольно потянулась к рукояти меча.

— Чего ты боишься, Мораш? — спросил Калеш, не оборачиваясь.

— Где мы?

— Тебе понравится, — в голосе Калеша звенело торжество.

Он токнул ногой одну из дверей. Она с шумом распахнулась, ударившись о стену. Комната внутри была небольшой, скудно обставленной — лишь небольшая кровать да несколько факелов на стене. На кровати сидела девушка. При виде Калеша она вскочила и радостно бросилась ему на шею. Однако владыка мягко отстранился.

— Ну же, Вилна, ты ведь знаешь, — снисходительно сказал Калеш.

Девушка виновато опустила подбородок, однако в глазах по-прежнему поблёскивал игривый огонёк.

Она была красива — длинные медово-коричневые волосы, золотистая кожа, большие глаза с пушистыми угольно-чёрными ресницами. Мораш раньше не видел таких красавиц. Внутри него разлилось странное тепло, охватившее всё тело, от кончиков пальцев до

напрягшегося некстати уда. Морашу захотелось провалиться под землю, лишь бы не смотреть на неё на глазах у братьев, вождедея до срамоты.

— Хочешь её? — смеясь, спросил Калеш и схватил девушку за локоть, подталкивая к Морашу, — бери, она твоя.

Девушка врезалась в Мораша, но тут же отскочила в сторону, зашипев от злости. Лицо её перекошилось от негодования.

— Ты! — только и смогла она вымолвить, тыкая в Калеша пальцем, — ты...

— Ну что ты тянешь, — недовольно спросил Калеш младшего брата, — я могу поддержать её.

— Зачем, Калеш, мы разве за этим сюда пришли?

В груди Мораша неистово боролись два чувства — похоть к этой красавице и стыд перед братьями, чьи тела ожидали их снаружи. С одной стороны, он раньше никогда не был с женщиной, но знал, что этот плод слаще, чем любые яства. С другой — красавица смотрела на него взглядом, в котором читалось отвращение и обида, и это несколько остудило пыл.

— Авгур, если он не хочет, девка твоя.

Мораш перевёл взгляд на среднего брата — лицо Авгура пылало от похоти, и, похоже, он не сильно и колебался. Чувствуя себя дураком, Мораш закричал:

— Да что вы за твари такие? Забыли, что мы везём отцу тела наших братьев?

Это возымело действие — Авгур нахмурился и отступил.

— Он прав, Калеш. Это не к месту сейчас.

— Как знаете, — ответил старший владыка.

Калеш подошёл к Вилне, вжавшейся в стену от страха, в ожидании своей участи. Поняв, что её не станут насиловать, девушка осмелела и потребовала, чтобы Калеш с братьями убирались вон. Старший владыка усмехнулся, преспокойно достал из ножен меч и отрубил ей голову. Тело несчастной рухнуло на каменный пол, объятые голубыми пламенем. Мораш с Авгуром с ужасом отшатнулись и посмотрели на брата с недоумением.

— Дьяволица, — равнодушно пояснил Калеш, — радуйтесь, она не станет матерью дьяволят.

— Похоже, ты неплохо её знал, — заметил Авгур.

— Я же сказал: мы отомстим. И месть будет страшна!

Калеш едва не лопался от восторга, в то время как Мораш никак не мог прийти в себя. Голова Вилны все ещё лежала возле тела — из застывших глаз янтарного цвета владыке улыбалась смерть. Подумать только, еще несколько минут назад он мечтал овладеть ею. А если б овладел? Позволил бы брату убить её? Даже не хотелось об этом думать.

Мораш никогда раньше не встречал дьяволиц. Легенды воспевали их красоту, хотя мало кому довелось их увидеть. Считалось, что дьяволицы живут несколько тысяч лет, сохраняя молодость до самой смерти.

Каждые двести лет дьяволицы вступали в брак и производили на свет потомство — тринадцать сыновей. Больше она не могла рожать — все её силы уходили на то, чтобы выкормить и защищать своё потомство, питая его целительной силой жизни.

Обычные дьяволы редко жили дольше двухсот лет, поэтому к следующему зачатию дьяволице приходилось выбирать нового мужа.

Перед самой смертью дьяволица рожала дочь. И то было величайшее событие для всего рода, ибо именно дочери хранили мощь дьяволов. У дьяволиц не было отцов — их зачатие

происходило из частички семени от каждого из мужей матери.

Лучшие воины устраивали состязания, чтобы оказаться достойными дьяволицы. Ведь лишь избранным позволено было вступать с ними в брак. Всем остальным приходилось довольствоваться песчаными ведьмами и самками волколаков, которые не способны были понести от дьяволов. Изредка они похищали человеческих девушек, и от таких союзов появлялись бесы, обладавшие свойством вселяться в чужие тела и подчинять их себе. Дьяволы считали их низшей расой и не могли гордиться таким потомством, поэтому нередко использовали бесов, чтобы завладеть врагом и заставить его обернуть оружие против себя. То, что при этом нередко гибли сами бесы, дьяволов не сильно волновало. Человеческие жёны рожали много детей. И ряды погибших быстро восполнялись.

Бесов никогда не звали на празднования в честь побед. Верховный дьявол не выносил их присутствия, считая, что человеческое зловоние, исходившее от бесовских тел, оскорбляет его величие.

Легенды гласили, что однажды случилась великая битва — множество доблестных воинов полягло, включая и триста бесов. Для дьяволов то была знатная победа.

Во дворце Верховного устроили пир — да такой, что пески гремели от звона кубков и возгласов прославляющих друг друга дьяволов. Шумно играли музыканты, а лучшие из воинов стали мужьями, совокуплялись с молоденькими дьяволицами.

В то же время бесы сложили погребальный костёр для своих умерших братьев. Но никто из дьяволов так и не вышел, чтобы почтить их память. Наутро в песках не осталось ни одного беса. Она также забрали с собой матерей, объявив, что с этого момента больше не служат дьяволам.

Верховный лишь рассмеялся, назвав их выходку детской шалостью. Однако бесы так и не вернулись, а у владык Гор, Небесных хранителей и фурий появился отличный шанс оттеснить дьяволов с территорий песка. С той поры развернулась война, длившаяся уже не один десяток лет. Сотни воинов Межгорья полягло, но ещё больше — песчаных дьяволов...

— Ты долго будешь глазеть? — прошипел Калеш над самым ухом брата.

Мораш вздрогнул, очнувшись от размышлений, и метнул в голову дьяволицы синее пламя. Ему не хотелось, чтобы от неё осталась одна голова — как от Роина.

Калеш покачал головой, снисходительно глядя на брата, и махнул рукой, указывая на выход.

— Ну вот, смерть Верелея отмщена, — провозгласил Калеш, — двести нерождённых дьяволят одним махом.

— Ты задумал что-то ещё?

— О, да! Роин был моим любимым братом. И за него я взял побольше...

Калеш толкнул ногой ещё одну дверь. Младшие братья застыли на пороге, глядя на груды дымящихся женских тел. Мораш насчитал шесть, но могло быть и больше. У всех были отрублены головы.

— Эти были не такими красивыми, как Вилна, — пожал плечами Калеш.

— Как тебе это удалось? — прошептал Авгур, на лице которого застыл ужас, смешанный с восхищением.

— Я давно это готовил, — самодовольно заявил Калеш, — дьяволы много воюют, а бедным одиноким дьяволицам недостает утех.

— Но как ты их всех? — спросил Мораш.

— По одной, — не моргнув глазом, ответил Калеш, — и я почему-то полагал, что они могут понести лишь от дьяволов. Но две из них зачали владык.

— Что? — не понял Мораш.

— Они могли родить мне двадцать шесть сыновей. Синих рогатых уродцев. Я думал оставить их в живых — посмотреть, какое будет лицо у дьявола.

— Отцу это не понравится.

— Вот и я так решил, — улыбнулся Калеш.

— Кшиш Велес учил нас, что женщин мы берем в плен, — бледнея, произнёс Мораш.

— Кшиш — старый болван, — отрезал Калеш.

Авгур ничего не сказал. Он был в смятении. Как и всегда, он не спешил принимать чью-либо сторону, надеясь, что всё само собой уладится.

От запаха горелой плоти начало тошнить. Мораш поспешил закрыть дверь и прикрыл нос рукавом. Больше всего на свете ему хотелось оказаться подальше отсюда.

— Калеш? — раздался нежный женский голос, — что здесь творится, мой князь?

Мораш обернулся на голос и обомлел. Мысли — и дурные, и дерзкие — всякие, тотчас же улетучились, оставив место лишь восхищению. То была невероятная красавица — рослая, с полными бёдрами и грудями, с длинными курчавыми волосами цвета красного золота. Шёлковая, почти светящаяся кожа, мягкие губы и глубокие, как бездонное озеро, малахитовые глаза. Лоб её у самых корней волос венчали небольшие рога, загнутые, как края полумесяца внутрь. Мораш не видывал таких красавиц — ни до, ни после этой встречи. Дыхание владыки перехватило: он почувствовал, что готов, если не овладеть ею тотчас же, то увезти на край Межгорья и запереть в башне под замок — чтобы никто в мире кроме него не мог любоваться такой красотой.

— Смотри, не захлебнись слюной, — прошептал ему на ухо Калеш.

— Здравствуй, Арая, — поприветствовал её Калеш, — я привёл с собой братьев.

— О, Калеш, — Арая бросилась ему на шею и обвила руками, — ужасная битва. Её не должно было быть! Мы должны пойти к отцу и положить этому край.

— К отцу? — переспросил Авгур, — ты — дочь Верховного дьявола?

— Да, — величественно улыбнулась Арая, — и наш брак даст новый...

Калеш не дал ей договорить. Одним ловким движением он воткнул в её живот меч и разрубил пополам. Затем отнял голову и руки.

— Остановись!

Авгур обхватил его сзади за талию. Калеш остервенело махал в воздухе мечом, ноздри его раздувались от ярости.

— Наш? С тобой? Да как ты только посмела, рыжая шляха!

Мораш изловчился и отнял у него меч. Калеш продолжал свирепствовать, больно толкая Авгура острыми локтями.

— Достаточно! — закричал Мораш, — хватит!

— Возьми её голову, — велел ему Калеш, — мы завернём её в золотой платок и отошлём дьяволу. Пусть знает, что коварство владык куда сильнее его неуёмной спеси!

— Нет, — решительно сказал Мораш, — я не буду этого делать.

— Ты слаб, — презрительно сказал Калеш.

Он высвободился из рук Авгура и подошёл к голове дьяволицы. Арая смотрела на него, сверкая малахитовыми глазами, а по щекам текли слёзы.

— Ты знаешь, что я бессмертна? — спросила она.

— Придётся тебя сжечь, — пожал плечами Калеш, — всю.

— Не поможет, — рассмеялась голова, — ты помнишь, что говорил мне, владыка?

— Я много чего говорю своим девкам.

— Я ведь ждала дитя...

— Знаю, — на лице Калеша расцвела улыбка, тут же сменившаяся злобной гримасой, — но мне не нужно твоё отродье.

— Это было единственное дитя, — плача, продолжила голова, — единственное, кого я могла родить. Я выбрала тебя, красивый владыка...

— И это знатная весть: твой отец станет последним Верховным дьяволом!

— Станет, — отрешённо сказала Арая, и глаза её почернели, — но и ты узнаешь, Калеш, что такое проклятие дьяволицы! Твоё семя навеки станет бесплодным. А самый могущественный и прекрасный владыка твоей семьи не сможет возлечь ни с одной женщиной, кроме меня.

— Ай да напугала! — воскликнул Калеш и воткнул меч в её распахнутый рот.

Дьяволица замолчала, заливаясь кровью. Зрачки её закатились и стали белыми, как саван. Калеш рассмеялся, выпуская в неё пламя. Однако синие язычки плясали вокруг, не занимая плоть. Арая смотрела на владыку, а в глазах её плясало торжество.

— Семя станет бесплодным, — звенело вокург, — бесплодным!

— А-ах.

Калеш вдруг схватился за пах, и лицо его исказилось от боли.

— Вот тварь!

— Идём отсюда!

Мораш с Авгуром подхватили скорчившегося от боли брата под руки и потащили к выходу. Меч Калеша так и остался торчать вот рту Араи, но никто не стал за ним возвращаться. Им стоило торопиться, пока в пещеру не пожаловали обозлённые дьяволы. Тогда отцу не увидеть было бы даже их тел.

Они неслись по коридору. Калеш продолжал стонать, но уже пытался идти сам.

— Тварь, — то и дело хрипел он, оглядываясь, — мерзкая тварь.

Мораш молчал. Ему было жаль брата, и в то же время он считал, что Калеш обошёлся с влюблённой в него дьяволицей не просто жестоко.

Жестоко было бы отрубить ей голову при встрече. Но то, что сотворил Калеш...

Даже оплакивая братьев, Мораш не мог принять столь вероломной расправы.

Глава 2

500 лет спустя

— Зачем ты пришёл, Авгур? — спросил Моращ, — я тебя не звал.

— Ты забываешь, что я тоже могу слышать, — тихо сказал брат, — что ты задумал?

Два владыки стояли у водопада Забвения и смотрели на бурлящие воды, уносившие под землю миллионы угасших жизней. Там был источник, питающий саму жизнь, дающий силу ярости и магии, благодаря которым каждое существо в Межгорье могло оставаться тем, кем суждено было стать при рождении. Источник создавал и разрушал, отдавал и требовал обратно. Никто не мог повелевать источником, кроме тиранов, да и те могли лишь направлять его силу.

Источник ведал тайнами судеб, и ничто на свете не могло его удивить, поэтому уже несколько тысяч лет он был нем и безразличен ко всем, кто приходил к его водам, чтобы испытать его милость или воззвать к справедливости.

Вот и сегодня источник молчал, хотя Моращу казалось, будто реки крови стремятся вниз, смешиваясь с потоками водопада.

Младший из трёх братьев провёл несколько ночей в размышлениях. Глаза его запали, а морщины сделались глубже, однако он не чувствовал усталости. Ярость бурлила в нём, как воды в озере, но за эти дни она стала холодной, как он того и хотел.

Моращ сразу почувствовал присутствие Авгура и поморщился. Он не хотел вмешивать брата. Тем более что не был уверен до конца, чью сторону он выберет. Моращ больше ни в чём не был уверен.

— Ты долго будешь молчать? — поинтересовался Авгур.

— Молчать получается лучше всего, — скривился Моращ.

— Ты на что-то намекаешь?

— Тебе лучше знать.

— Я не стану слушать оскорбления.

— Тогда уйди, — посоветовал Моращ.

— Нет, — возразил брат, — хочу знать, что ты задумал.

Моращ вертел в руке обнажённый клинок, любясь, как переливаются камни на рукояти, как играет закалённое столетиями лезвие. Холодный блеск стали успокаивал его.

— Знаешь, брат, когда годами смотришь в лицо лжи, то запоминаешь его до малейшей чёрточки. И сможешь узнать везде — даже по движению глаз. Ложь невозможно укрыть — она проступит даже на гладко отполированной маске.

— Красиво сказано, — похвалил Авгур.

— Ты понимаешь, о ком я...

— Что за совет ты созвал, Моращ? — раздался за спиной голос верховного владыки, — у водопада! Так символично! И где твой отпрыск?

— Там, где ему велено быть, — ответил Моращ.

— Стало быть, мы будем решать без него?

— Только ты и я, — Моращ поднял клинок и ткнул острием в грудь Калеша.

— Ты рехнулся, — улыбнулся Калеш, — я хоть и стар, но и ты не молод.

— Разве?

Лицо Мораша было мрачнее тучи. Глаза сверкали, сделавшись совершенно синими. Меч в руке выглядел угрожающе, да только Калеш не испугался. Он покачал головой, по-прежнему улыбаясь, и развёл руками в стороны.

— Ты всё тот же глупец, мой младший брат. Юбки владеют тобой и твоим сыном.

— Не тревожься, Калеш. За пятьсот лет я многое успел повидать. Но глупцом никогда не был, — Мораш кивнул в сторону Авгура, — скажи-ка, брат, только мне чудится морок, которым верховный владыка покрыл себя с головы до ног?

Авгур ничего не ответил. Он с грустью взирал на братьев, взъерошенных, как петухи перед дракой. Он не понимал Мораша, однако чувствовал морок.

— Открой своё лицо, владыка!

— Ты несёшь чушь, брат, — возразил Калеш, однако в глазах блеснули искорки.

— Знаешь, Ирвальд хотел убедить меня, будто это Тарр восстал из мёртвых, чтобы занять его место!

— Здравая мысль, — похвалил Калеш, — твой первенец уже показал себя отступником.

— Я мог бы поверить, — прошипел Мораш, — да только мой мальчик не был красив. Не был высок. И ему ни к чему было покрывать себя мороком, чтобы скрыть свою молодость! Я знаю тайну кольца, Калеш. Знаю, что ты сейчас выглядишь так же, как и пятьсот лет назад.

— Ты бредишь, — расхохотался Калеш, — и пытаешься поймать меня, но не выйдет. Я устал от тебя, брат. Ты безумен. Авгур, нужно решить, что с ним делать.

Калеш подошёл к среднему брату и положил ладонь на его плечо. Из всех братьев Авгур слыл самым мягким и не всегда мог принять решение без того, чтобы кто-нибудь из остальных не дал ему пинка. Прошло уже много лет, но мало что изменилось. В глазах Авгура по-прежнему плескалось сомнение.

— Они оба позорят наш род, — настаивал Калеш, — и если Ирвальд просто юный болван, то Мораш совсем сбрендил. Я впервые слышу о тайне кольца.

— Ты, верно, забыл, что кое-кто из верховных владык мне задолжал? — ответил Мораш.

— Каспий Яр? — улыбка на лице Калеша поблёкла, — он бы не посмел.

— Я тоже мог бы не спасти ему жизнь.

— Достал!

Калеш завопил что есть мочи, так что стены пещеры задрожали, а сверху на дно стали сыпаться камни.

— Как же ты меня достал, старый пень!

Калеш замотал головой, рассеивая морок, и волосы его на глазах почернели, спина выпрямилась, отчего он стал выше на целую голову. Он смотрел на братьев сверху вниз, а на молодом лице, гладком, без единой морщинки, играла победная улыбка. Калеш действительно был красив — вот уже тысячу лет Синие Горы не видели столь прекрасного владыку.

— Ты не побоялся за наш род, — прошептал Мораш, сглатывая комок печали, застрявший в горле.

— А что мне терять? — рассмеялся Калеш, — я буду править ещё пятьсот лет, а на то, что будет потом, мне совершенно плевать.

— Изверг!

— Я убью тебя, и твоего выродка, как давно этого хотел! И ты ничего не сможешь поделывать, мой старый никчемный брат!

Они оба почти одновременно подняли мечи. Лезвия со скрежетом ударились друг о

друга, сыпя исками. Калеш нависал над братом, как скала. Мораша питала ярость, на стороне Калеша была молодость и сила.

Мораш брызгал слюной, ощерив клыки. Калеш усмехался, дразня его. Внезапно он охнул и покачнулся, затем выронил меч и упал на колени. Из спины его торчал клинок Авгура, вонзённый в самое сердце.

— Чего стоишь? — Рывкнул Авгур ошеломлённому Морашу.

Старый князь вздрогнул, но тут же взял себя в руки и одним движением отрубил голову Калеша. Она покатила к озеру и замерла у самого края. Лицо мёртвого князя побелело и сморщилось, волосы снова поседел и осыпались на пол.

Некоторое время братья стояли и смотрели на тело Калеша, не в силах произнести ни слова. Мораш поднял на Авгура взгляд, полный изумления и благодарности.

— У меня все равно дочери, — только и сказал Авгур.

— Можешь забрать кольцо, — прошептал Мораш, — теперь оно твоё.

— Что-то нет желания.

— Мы должны предать его водопаду, — вспомнил Мораш, — его силы нужны семье.

— Думаешь, он не станет поперёк источника? — грустно пошутил брат.

— Не станет, — раздался незнакомый голос.

Владыки переглянулись и, не сговариваясь, схватились за мечи. Однако на них никто не собирався нападать. Тиран, появившийся будто из воздуха, выглядел весьма миролюбиво. В руках его не было оружия. Взгляд светлых глаз был спокоен.

— Жаль, что это длилось недолго, — вздохнул Лаорт, — этот владыка успел мне опротиветь, и я был бы не против насладиться его мучениями.

— Чем он тебя обидел, тиран? — удивился Мораш.

— Да ничем, — улыбнулся тиран, — мы всего лишь заключили сделку.

— Какую?

— Вам не понравится...

— Это нам решать, — возразил Мораш, — говори.

— Пусть он уйдёт, — Лаорт кивнул в сторону Авгура, — он здесь не нужен.

— Почему? — Мораш глядел на тирана с подозрением. Ему все меньше нравилось то, что происходило у водопада Забвения.

— Смотри, князь, я теряю терпение, — предупредил Лаорт, — по условиям сделки я должен его оживить. Сохранить его молодость, красоту и жизнь на следующие пятьсот лет. Кольцо не в счёт. Этого баловства хватило бы ненадолго.

— Но Калеш мёртв. Разве это не освобождает тебя от сделки?

— Нет, если с его стороны всё выполнено.

— Что именно?

— Пусть твой брат уйдёт, — настаивал Лаорт, — и я скажу.

— Он теперь верховный владыка, — Мораш упрямо задрал подбородок, — ему решать.

— Пока ещё нет, Мораш, пока ещё нет...

Глава 3

— У меня не осталось ни подруг, ни сестёр, ни дочерей. Там, в дупле, я свила гнездо и готовлюсь снести яйца. Иначе моя семья исчезнет навсегда.

— Вас тысячи, — буркнул Ирвальд.

— Таких белоснежных больше нет, — гордо заявила болтушка.

Он не стал спорить — ему было всё равно, чем отличаются птицы. Они доставали его

громким щебетом по утрам, а те, что умели говорить, ещё и донимали глупыми разговорами.

— Владыка убил всех, — продолжала причитать болтушка, но, заметив нахмуренные брови владыки, миг осушила слёзы.

Как оказалось, птица была далеко не глупа. Она замечала многое, о чём и поведала Ирвальду.

Чуть больше года назад Калеш изловил бродячих торговцев. Они пробрались в его сад за веселящими яблоками, чтобы продать их в мире людей. Князь отрубил двоим головы, а третий упал на колени и сказал владыке, что сможет ему пригодиться. Его звали Боровод.

Он был маленьким, пухлым с хитрющими глазами, и Калеш нашёл его забавным. Князь потребовал, чтобы Боровод принёс ему что-то необычное, чего владыка никогда не видел, иначе пообещал найти его и разорвать на части.

Боровод знал, что владыка живёт на свете уже много столетий, и вряд ли есть что-то, чего он никогда не встречал. Он так и сказал князю. А когда тот опять замахнулся мечом, то вспомнил, что в одном людском городе есть девушка — такая красивая, что родная сестра готова со свету сжить от зависти. Торговец поклялся, что очень скоро приведёт её старому владыке.

Калеш согласился, но потребовал, чтобы она была девственницей.

Боровод на всё был согласен, лишь бы остаться в живых.

Спустя некоторое время торговец выполнил обещанное — они с сестрой привели девушку в Межгорье и бросили в поле. Боровод поймал одну из болтушек, служивших Калешу, и велел сообщить князю, что она девственна, и что Боровод больше ничего ему не должен. Сам он не рискнул показываться владыке на глаза — боялся, что Калеш не сдержит слово и убьёт его.

Оставив девушку, торговец с сестрой навсегда покинули Синие Горы.

Болтушка рассказала Калешу о том, что торговец оставил красавицу совсем недалеко от владений Ирвальда. Владыка очень разозлился — он не хотел, чтобы про девушку кто-то знал. Времени было потеряно много: болтушки летают медленно, и чтобы добраться до замка Калеша, птице понадобилась целая ночь.

Старый князь тотчас же оседлал скакуна и бросился на поиски своей красавицы. Он нашёл её у ручья, но уже не одну. Рядом был племянник.

Девушка действительно была очень красива — иначе Калеш пустился бы следом за Бороводом и разорвал его в клочья, как и грозился. Племянник появился совсем некстати, и Калеш всё думал, как бы от него избавиться. Думал и смотрел, как эти двое воркуют друг с другом, и в голову забрела совершенно безумная мысль.

Что если Ирвальд с ней порезвится? Красавица понесёт, а владыка заберёт себе её дитя? У Калеша не было детей, и это его угнетало. Он считал себя могущественнейшим из владык, однако не мог оставить наследника, что делало его уязвимым. Калеш злился на весь свет. Он перепробовал тысячи колдовских средств, брал в жёны сильнейших ведьм, но ничто не могло снять проклятие дьяволицы.

Дитя Ирвальда будет владыкой, матерью он объявит Атиллу, а девушкой он натешится и бросит на растерзание горным тварям.

Каково же было его разочарование, когда Ирвальд отпустил девушку домой! Калеш рвал и метал от злости. Многим в замке тогда было мало места. Калеш проклинал племянника, суля ему самые жестокие кары.

Но затем он успокоился и даже повеселел. В замке шептались, что Калеш что-то замышлял, однако никто, даже крысы, не ведали, что он задумал.

Чуть позже птицы принесли ему весть о том, что Ирвальд привёз девушку в замок и объявил о свадьбе. Калеша эта весть почему-то обрадовала. Он выглядел довольным и потирал ладони. Затем послал болтушек к замку племянника и велел подружиться с невестой.

Болтушки должны были узнать, когда красавица понесёт, и сообщить хозяину.

Свадьба состоялась, но от птиц по-прежнему не было добрых вестей. Калеш свирепел день ото дня. Иногда он исчезал надолго — никто не знал, где он бывал, но каждый раз, возвращаясь, он выглядел по-другому — владыка становился моложе и красивее, будто где-то в недрах земли черпал из источника молодости. И по-прежнему злился, потому что болтушкам было нечем его радовать.

В один прекрасный день Атилла дала плицам семена и велела посеять в саду Ирвальда. Болтушки не знали, что это за семена, но чуяли плохое. Многие из них успели полюбить Ярушку — она была доброй, весёлой, любила поговорить и послушать, не била их и не прогоняла прочь. Поэтому, когда семена взошли, многие из болтушек заплакали, но ничего не могли поделать — уж очень боялись хозяина.

Лишь одна птичка улетела прочь, не в силах смотреть, как колдовство овладевает Ярушкой, заставляя её бежать в лес, не ведая, куда и зачем.

После болтушка вернулась и увидела, что все её подруги, сёстры и дочери лежат мёртвые на поляне среди ядовитых цветов. Хозяин в «благодарность» за службу разорвал их сердца мороком.

Ирвальд слушал рассказ птицы, едва не задохнувшись от горечи и злобы. Каков же он был дурак! Ведь он знал с самого начала, что Ярушка неспроста забрела в Межгорье. За неё явно было заплачено. Только он и подумать не мог, насколько коварным окажется замысел.

Его дитя...

Старый дьявол хотел его дитя!

Хотел познать и убить его женщину!

И это ему почти удалось.

Ирвальд злобно рассмеялся, затем зарычал и затопал на месте, не в силах справиться с досадой.

Его дитя...

Никому не заполучить его дитя! Ярушка не могла зачать, пока Ирвальд того не хотел. А он пока и думать не мог о том, что придётся отлучиться от её тела хотя б ненадолго. Впереди была целая жизнь, когда можно было нарожать кучу детей. А в те дни ему хотелось владеть ею целиком, и он всё оттягивал зачатие, заговаривая семя.

Старый болван и не думал о таком!

Калеш улучил момент и украл Ярушку, оклеветав на весь мир, заставив его ненавидеть жену, как жалкую предательницу и блудницу.

Ирвальд вспомнил, какой он нашёл её в логове ящера. Избитую, исколотую шипами, поруганную и погибающую от морока. А он в довершении всего ещё и посадил её на цепь!

— Я убью его! — заорал Ирвальд, и воздух вокруг затрясся от ярости.

Он кричал, как безумный, изливая злость, пиная кусты и деревья, рубя их мечом, что было силы.

Наконец, Ирвальд немного поутих и собрался с мыслями.

Воруг замка не было ни души. Болтушка давно улетела, испугавшись, что он покалечит её, не глядя, и то было верным решением. Ирвальд и сейчас её не жаловал, несмотря на то, что птица рассказала ему правду. Оставлять её в живых владыка не обещал.

Однако было странным, что никто не выбежал на его вопли. Калеш должен был их слышать. Неужели он испугался? Впрочем, то было совсем не мудрено.

— Не смог победить меня слепого, — прошипел Ирвальд, — а зрячий я заставлю тебя сожрать свой мерзкий уд и запить собственной кровью.

Он влетел замок, словно вихрь, и бросился по всем комнатам в поисках Калеша. Слуги разбежались кто куда, не помня себя от страха. Ирвальд прочесал весь замок и подземелья, даже вернулся в логово ведьмы, но ничего, кроме тлеющего тела Атиллы, там не было.

Калеш исчез. Спрятался, жалкий трус.

Ирвальд остановился посреди замка и прислушался. Ничего не было слышно. За каким колдовством укрылся Калеш, было неизвестно. Может быть, за тем самым, что скрывало Ярушку. Этот замок — само колдовство, решил он. Его следовало сжечь.

Ирвальд вышел во двор, оглянулся через плечо и метнул в замок пламя. По стенам тут же поползли голубые язычки, очищая его от скверны и морока хозяина. Калешу придётся поторопиться, чтобы унять огонь.

Ирвальд злобно ухмыльнулся, вспоминая вычурное богатство замка. Всё золото владык не стоило запятнанной подлостью чести его хозяина.

— Калеш! — закричал Ирвальд, обращаясь к Горам, — призываю тебя, Калеш!

Он напрягся, посылая заклинание, которое Калеш не мог не слышать. Однако в ответ была тишина. Калеш молчал, что было странно.

— Прекрати вопить, — сказал кто-то за спиной.

Ирвальд отскочил в сторону, выставив впереди себя меч, но расслабился, увидев Авгура.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Ирвальд.

— Услышал, как ты орёшь, и решил посмотреть. Замок не обязательно было жечь.

— Калеш — злобная подлая тварь. Я хочу, чтоб и духу его тут не было. Я убью его.

— Ты разве не чувствуешь? Его больше нет, — сказал Авгур, — мы с твоим отцом казнили его.

— Но как? — опешил Ирвальд, — вы знали, что это его рук дело, и молчали?

— Всё не так просто, сынок.

— Не называй меня сыном! — Зарычал молодой владыка, — пусть никто не зовёт меня сыном! Все меня предали!

— Давай, ты остынешь, — спокойно предложил Авгур, пряча горькую усмешку, — потом поговорим.

— А-а-а!

Ирвальд с шумом вложил меч в ножны и свистнул Юрея. Сейчас он никого не хотел видеть.

Глава 4

— Ну вот, Авгур ушёл, — сказал Мораш, — говори, что хотел.

— Я хочу заключить сделку.

— Ты уже заключил одну, — заметил владыка.

— И я выполню свою часть, если мне не предложат что-то взамен.

— Ты так говоришь, будто мне это интересно, — усмехнулся Мораш, — я не желаю жить ещё пятьсот лет.

— А твой сын?

— Причём тут Ирвальд?

— Калеш отдал мне его, — ухмыляясь, сказал Лаорт.

— Нет!

Волосы Мораша зашевелились, поднимаясь в воздух ровным полукругом. Ноздри его раздувались, словно кузничные меха, а изо рта вырывалось пламя.

— Он не мог!

— У верховного князя есть такая привилегия. Он сам предложил, а я не стал отказываться.

— Но зачем это тебе? — удивился Мораш.

— Ирвальд силён, он наполнит источник новой силой. Это процветание моего рода, — гордо пояснил Лаорт, — такая сделка мне интересна.

— Сделки не будет! — решительно сказал Мораш.

— Как хочешь, князь. Я оживлю твоего брата и заберу сына. Или ты думаешь, я играю с тобой? У меня полно своих забот, чтобы тешиться над владыками.

— Но ты тешился с моим сыном, — зло зашипел Мораш, вынул меч и стал ходить вокруг тирана, сверкая глазами. Но на Лаорта это не произвело впечатления. Он показательно зевнул и пожал плечами.

— Я хотел посмотреть, насколько он силён. К тому же Калеш питался его яростью через кольцо — чем больше бушевал Ирвальд, тем быстрее возвращалась молодость.

— Что ж он так долго тянул? — недоверчиво спросил Мораш, — мог бы заполучить всё и сразу.

— То было его желание, — отмахнулся тиран, — мне спешить некуда.

— Зачем ты посылал к замку Ирвальда чудищ?

— Это должно было стать легендой: гибель владыки от лап исполинов, сожравших его жену. Орвилл подал знатный пример. И княгиню бы никто не подумал искать.

— Но зачем ему княгиня? Отвечай, тиран! — старый князь уже трясся от злости. Коварство брата не укладывалось в его голове.

— Ему хотелось заполучить дитя. Но твоя человеческая невестка не понесла.

Мораш молчал, прикрыв веки. Тиран лишь подтвердил его догадки, но от этого почему-то стало ещё больнее. И всё же он не мог понять, чего от него хочет тиран.

— Какова твоя сделка? — спросил он Лаорта.

— Я забираю Калеша. Семья не получит его силу.

— Я не стану возражать. Авгур тоже.

— Но он слаб, — продолжил Лаорт, — намного слабее твоего сына. Сделка не будет равноценной.

— Чего ты хочешь? — шёпотом спросил Мораш, чувствуя, как сжимается сердце.

— Я заберу ещё и тебя, — тихо ответил Лаорт.

Мораш отошёл к водопаду и некоторое время стоял, разглядывая серебристые воды Забвения. Много веков водопад был святилищем силы владык. Сейчас тиран хочет забрать у семьи половину. Смогут ли Коши сохранить могущество при таком перевесе? Или это станет началом конца? Однако, если у Ирвальда не будет наследника, их роду и так придёт конец.

И всё же Мораш хотел дожить до того времени, когда сможет увидеть внука.

— Я стар, Лаорт, — медленно произнёс он, — стар, но не глуп. Тебе плевать на мой род. И ты бы с большим удовольствием забрал Ирвальда, чем двух старых владык. Но вот в

чём загвоздка...

Мораш приблизился к Лаорту вплотную и глянул на него снизу вверх. Губы его скривились в насмешливой улыбке.

— Он переполнит источник, верно? Мой сын силён, потому как он единственный наследник в семье. Ты ждал, пока он ослабеет. Ты готов был дожидаться дитя, чтобы оно забрало часть силы. Ты позволил ему питать молодостью кольцо! Но вот незадача — он по-прежнему силён. И ты не можешь его забрать. Иначе всё, что ты собрал в источнике, взлетит к дьяволу!

Лаорт долго не отвечал. По скулам его забегали желваки, а глаза сузились, превратившись в небольшие щёлки, сквозь которые видно было, как плещется гнев. Но всё же он сумел сдержаться и спокойно ответил Морашу.

— Сделка состоялась. Я не могу уйти ни с чем.

— Ты готов поднять неподъёмную ношу? Удачи.

— Тебе не удастся обыграть меня, владыка. Ирвальд не всегда будет силён, я же могу ждать вечно. Могу подстергать его везде, а когда он попадёт в мои сети, то удовольствием понаблюдаю, как он мучается, теряя силы, годами и даже столетиями. Ты ничего не сможешь сделать.

— Ты объявляешь войну?

— Нет, война мне ни к чему. Я требую свою часть сделки.

— Хорошо, — решил Мораш, — я готов заключить сделку. Но до конца.

— Что это значит? — не понял тиран.

— Ты обещал Калешу жизнь, красоту и молодость. Но он ими не воспользовался.

— Хочешь себе? — усмехнулся Лаорт.

— Нет, сохрани это для Ирвальда, когда ему понадобится. Так будет справедливо.

— Значит, ты готов уйти?

— Не сейчас, — Мораш лукаво прищурился, — одного владыки пока достаточно. Я ещё достаточно силён, чтобы переполнить источник. Но после смерти моя сила отойдёт к тебе.

— Я принимаю сделку, — подумав, сказал Лаорт.

Глава 5

Ирвальд возвращался домой неспеша, как можно дольше оттягивая момент, когда придётся подняться в башню к Ярушке и рассказать ей правду. Он ещё не знал, какие подберёт слова. Как посмотрит на неё, и что она скажет ему в ответ.

Неужели ещё возможно вернуть те сладостные моменты, как бывало раньше? Ирвальд боялся про это думать. Что-то надломилось в его сердце, скрипело, мешало дышать.

Поэтому он пустил Юрея трусцой по полям, лесам и пролескам. Ветер трепал его волосы, отгоняя невесёлые думы прочь. Достигнув селения ведьм, Ирвальд подъехал к пещере Мальвы и громко позвал её.

Она вышла, румяная и счастливая, но, как и в прошлый раз, не пустила его дальше порога.

— Я не хочу огорчать тебя, Мальва. Но твоему гостю тут не место, — сказал Ирвальд.

— Так ты знал? — глаза ведьмы блеснули злостью.

— Знал, — признался он, — на меня не действует твой морок, забыла?

— Какое тебе дело? — Мальва едва не плакала, — или ты боишься, что твоя драгоценная жёнушка узнает, что ты пленил её брата, и надует свои красивые губки?

На лбу Ирвальда пролегла складка, а губы упрямо сжались, и ведьма поняла, что попала

в точку. Однако радоваться ей не пришлось.

— Тебе придётся его отпустить. Он принадлежит другому миру, в котором у него есть свой дом, своя семья и он должен продолжить свой род. Ты не сможешь последовать за ним.

— Почему? — упрямилась ведьма.

— Сама знаешь.

— Будь ты проклят! — крикнула Мальва, а на глаза навернулись слёзы, — сатанинское отродье.

Ирвальд лишь махнул рукой, криво усмехаясь проклятиям, и поехал дальше.

По дороге через лес ему встретилась заводь, кишевшая моренами. Они пялились на него своими склизкими лягушачьими глазками, но не прятались. Присмотревшись, Ирвальд сообразил почему. Недалеко от берега в тине плавало тело — вздутое, кишевшее опарышами болотных мух, — знатное лакомство водяных тварей. Что-то в несчастном показалось ему знакомым: он уже видел такую рубаху, такую же толстую серебряную цепь, с которой лохмотьями свисала отставшая от плоти кожа. Похоже, это был второй беглец. Ещё одна невинно загубленная душа.

— Что ж ты бросил-то жену, стервец? — пробормотал Ирвальд.

Чуть ближе к замку у подножья Гор он заметил несколько бледных теней, сжавшихся в комочек и дрожавших от голода. Ирвальд замедлил шаг ядохкрыла и велел им следовать за ним в замок. Тени радостно зашелестели и двинулись вперёд, едва ли не шустрее хозяина.

Уже во дворе Ирвальд поджёг копну сена, чтобы новые слуги насытились, и тени ринулась к синему пламени, толкаясь и наскакивая друг на дружку. Костёр быстро таял, а довольные тени, утолив первый голод, взялись за руки и стали кружить вокруг него, с каждым разом всё плотнее и плотнее сжимая кольцо. Наконец, остался лишь совсем маленький огонёк — тени подняли его над головами и разделили между собой на крохотные лучинки. Ирвальд уже не раз наблюдал подобный ритуал теней — так они почитали своих потерянных братьев, которым не удалось выжить.

— Зельда, — позвал он каменную бабу через распахнутое окно, — я привёл помощников.

Затем он отвёл Юрея в конюшни и, проходя мимо дверей в подземелья, вдруг вспомнил о цыганке, по-прежнему томившейся в темнице. В суматохе последних недель он совершенно позабыл о пленнице. Теперь же ему предстояло сообщить ей грустные вести: их торговый шатёр разграблен, а мужем пируют болотные твари.

Маришка лежала на деревянной лавке и смотрела в темноту пустыми глазами — уже много дней она видела лишь рыхлые, усеянные корнями, стены подземелья. Запах сырости впитался в кожу, а кости ломило от долгого лежания. Ей хотелось бегать, плясать, вдыхать свежий воздух, но в темнице она могла сделать лишь несколько шагов от стены до решётки. Иногда по полу пробегали наглющие крысы, так что Маришка предпочитала не покидать лавку лишней раз.

— Выходи, цыганка, — сказал Ирвальд, отпирая решётку.

— Что ты хочешь делать? — Маришка села и испуганно прижала колени к груди.

— Я нашёл жену, так что держать тебя больше нет нужды.

— А Тадеуша ты тоже отпустишь?

Ирвальд несколько секунд молчал, гадая, что сказать, но цыганка и сама поняла.

— Он сбежал?

— Да.

— Ты убил его?

— Не я. Он угодил в ловушку морен, так что ты теперь вдова.

— Понятно, — Маришка обречённо кивнула, слезла с лавки и понуро поплелась к выходу.

Солнечный свет ослепил глаза. Маришка ойкнула и прикрыла ладонями лицо. Кожа её побелела за многие дни заточения, а на лбу пролегли морщинки.

— Кому я теперь нужна? — вдруг зарыдала она, заламывая руки.

— Аврий может ответить тебя в деревню ремесленников, — предложил Ирвальд, — тамошние кузнецы богаты и терпеть не могут ведьм. Тебя с радостью возьмут в жёны.

— Они такие же, как ты? — спросила цыганка.

— Они помоложе, да посмелее твоего мужа, — отрезал Ирвальд и оставил её на попечение подоспевшего конюшего.

Дальше уже нельзя было тянуть. Ирвальд поднялся по ступенькам в башню, открыл дверь в комнату последней узницы и замер на пороге. Ярушка смотрела на него горящими от обиды глазами. В старом платье Зельды, нелепо торчавшем по бокам, она выглядела так же, как и тогда, когда он впервые привёл её в свой замок. Сердце в груди замерло, а потом застучало медленно, со скрипом старой ветряной мельницы.

— Ты свободна, — тихо произнёс Ирвальд, руками разрывая оков, — теперь я знаю, что твоей вины нет.

— Но что всё-таки случилось? — потребовала Ярушка. В голосе её не было злости, однако чувствовался холод.

— Мне жаль, что так вышло, — только и смог сказать Ирвальд.

Бросил оков на пол и выбежал из комнаты.

Глава 6

Обретя долгожданную свободу, Ярушка радостно пронеслась по комнатам замка, вдыхая полюбившийся аромат дома, от которого уже успела отвыкнуть. Но радость сменилась печалью, едва она распахнула дверь супружеской спальни. Там было пусто. Голая кровать без подушек и перин, с изрубленным изголовьем. Шкафы и сундуки — всё пустое.

— Ах, вот он как! — едва сдерживая слёзы, воскликнула Ярушка.

По коридорам замка сновали новые тени, но она не желала с ними знакомиться. Всё вокруг изменилось. Ярушка больше не чувствовала себя своей.

Она заперлась в своей комнате и просидела там до утра, проливая слёзы. Миклош принёс ей поднос с едой и пожурил за распухшее от недосыпа лицо.

— А что князь — завтракает один? — поинтересовалась Ярушка.

— Его нет дома, — пряча глаза, ответил коротышка.

Она кивнула в ответ, чувствуя, как внутри всё оборвалось и сжалось от дурных предчувствий.

Миклош трещал без умолку, надеясь её развеселить. И уже к полудню настроение Ярушки

улучшилось, слёзы высохли, и она решила, что больше не станет рыдать.

Зельда принесла ей единственное из уцелевших платьев, немного заштопанное на спине, но это была невелика беда. Ярушка быстро переделалась и посмотрела на себя в зеркало. Она исхудала и побледнела, но в целом выглядела как прежде.

— Мне удалось сбегать ещё кое-что, — сказала Зельда, — держи.

Она протянула Ярушке узелок, в котором та обнаружила свадебное платье и плащ владыки.

— Спасибо, — выдохнула Ярушка, — это так важно для меня.

— Знаю, — на губах Зельды заиграло подобие улыбки.

— Похоже, это единственное, что мне осталось, — на ресницах девушки опять задрожали слёзы.

— С чего вдруг?

— Князь считает, что большего я не достойна.

— Ты не права, — возразила Зельда.

— Он не считает нужным видеться и даже разговаривать со мной, — в голосе Ярушки зазвенела злость, — и я догадываюсь почему.

— Что за глупости лезут в твою голову? — недовольно спросила Зельда.

— У меня был другой мужчина! Пусть я этого и не хотела, но он был и делал со мной ужасные вещи. В пещере у ящера я видела, во что превратилось моё тело, пока владыки не излечили меня, — губы Ярушки дрожали, а лицо исказили страдания, — я больше не интересна мужу...

— Послушай, дитя!

Зельда почти нежно взяла её за руку, отвела к постели и заставила сесть. Затем она достала из кармана гребень и стала неторопливо расчёсывать волосы Ярушки.

— Не нужно себя жалеть, это плохое чувство. Пусть даже тебе было нелегко — но всё уже позади.

— А что впереди? Ирвальд так и будет избегать меня?

— Ему тоже нелегко. Хоть он и носится сейчас по Горам, как угорелый, но сам-то понимает, что к чему. И кается, что не смог тебя уберечь.

— Ветер, — горестно рассмеялась Ярушка, — точно ветер. Прошелестел — и был таков.

— Самое глупое, что можно сделать, это поверить в чужие дурные мысли, — возразила каменная баба, — ты дорога князю, уж поверь.

— Хотелось бы. Да только мне кажется...

— Что ваш мост рушится, — продолжила за неё Зельда, — но заруби себе на носу: совершенно не важно, кто из вас первым бросит верёвку, чтобы удержать его. А если вы оба станете крутить носом, то вскоре между вами разверзнется пропасть.

— Мы едва перекинулись и словом, — всхлипнула Ярушка.

— Не жди извинений, — посоветовала Зельда, — Ирвальд не из тех, кто будет стоять на коленях, даже если и знает, что виноват.

Ярушка ждала его целый день, то вспыхивая от волнения, то холодея от отчаяния. Вконец измученная, она уснула прямо за столом в обеденной комнате, положив голову на сложенные руки. Никто из домашних её не тревожил, лишь на рассвете она открыла глаза, разбуженная звонкими голосами птиц.

На удивление, муж сидел рядом на своём привычном месте, и задумчиво поигрывал пальцами, ударяя о край стола. Увидев, что Ярушка проснулась, он поспешил подняться.

— Ирвальд!

Ярушка вскочила, как ошпаренная, и схватила его за рукав.

— Вы теперь всегда будете избегать меня?

— Я не избегаю, — уклончиво ответил Ирвальд, — было много неотложных дел.

— Вас словно подменили, — настаивала Ярушка, гневно сверкая глазами, — вы ведёте

себя так, будто я заслуживаю наказания, хотя совершенно ни в чём не виновата!

— Я освободил тебя от оков, — хмуро заметил Ирвальд, — и не попрекнул ни единым словом.

— Да, но вы даже не смотрите на меня! А я так привыкла, что вы на меня смотрите... Ярушка говорила сбивчиво, задыхаясь от смущения, а щёки её пылали всеми оттенками красного. Она чувствовала, что ещё немного, и сторит от стыда.

— А теперь наша супружеская спальня пуста, как и ваше сердце! Если вы не хотите больше быть со мной, то позвольте уйти, иначе это становится невыносимо.

— Зачем ты спрятала мой плащ? — хрипло спросил Ирвальд, приподняв её подбородок двумя пальцами.

— Не знаю, — ошеломлённо прошептала Ярушка, — я подумала, что следует сохранить его как оберег. Я была в смятении от ваших ласк...

— А сейчас?

Ярушка провела ладонями поверх его рук и взглянула на мужа из-под полуопущённых ресниц.

— А сейчас вы не приходите ко мне, и я не знаю, что думать. Надеюсь, это не связано с той красивой ведьмой?

— Мальвой? — усмехнулся Ирвальд, — тебе нечего волноваться.

— Вы привели её в замок, в то время как я сидела на цепи. А когда освободили — её не стало.

— Мы не любовники. Тут всё куда сложнее. У нас одна мать.

— Тогда почему вы не сказали об этом?

— Это долгая и не совсем хорошая история. Наша мать была ведьмой. Отец изгнал её за вероломство, лишив ведьминской силы. Она сумела её вернуть, прибегнув к помощи колдунов. После этой «помощи» и родилась Мальва. Мать оставила её на воспитание ведьмам. Как ты понимаешь, она не слишком желанная гостя в семье Кошей.

— Понятно, — пробормотала Ярушка, чувствуя себя немного глупо. Хотя — куда уж глупее! Отчитывать мужа за то, что забыл дорогу в её постель, да ещё и тыкать носом в несуществующую любовницу! Стыд, да и только!

— Но мне нравится, что ты ревнуешь.

Ирвальд отошёл к окну и, не сводя с неё глаз, громко свистнул. Тотчас же за окном показалась огромная спина ядохкрыла. Ирвальд забрался на подоконник и протянул Ярушке руку. Она подошла к нему, и муж, обняв её за талию, усадил на Юрея, прыгнул рядом и поднял крылатого скакуна в облака.

За весь полёт супруги не сказали друг другу ни слова. Ярушка жалась к груди мужа, с наслаждением вдыхая его запах, по которому так соскучилась.

Ирвальд ощущал, как тело его покрывается мурашками — хотелось прижать её, задушить в своих объятиях.

Ядохкрыл опустился на поляну возле ручья — Ярушка с восторгом узнала то самое место, где они впервые увидели друг друга. Ирвальд осторожно спустил её на землю и похлопал Юрея по крупу — тот мгновенно сорвался в воздух и исчез.

— Я мечтал это сделать, — улыбнулся Ирвальд, сбрасывая на землю плащ.

Ярушка не успела оглянуться, как оказалась на траве с задранной до пояса платьем. Губы Ирвальда ласкали её шею, а пальцы одной руки мяли ягодицы, второй он развязал пояс и, наконец, ловко вошёл в её лоно, заставив вскрикнуть от наслаждения.

— Не зови меня больше так, словно я твой отец, — прошептал он между ласками, — я твой муж и любовник.

— Хорошо, — ответала она, целуя его губы.

Утро плавно перешло в день, а день сменил вечер. Ирвальд с Ярушкой нежились в ручье, совершенно обнажённые, и вода казалась тёплой, будто парное молоко.

Затем они выбрались на берег, почувствовав зверский голод. Ярушка собрала ягод и душистых трав, которые успела запомнить из кухни Зельды. Ирвальд развёл костёр и поймал несколько рыбин.

Он сидел на берегу в одних лишь штанах — без богатого кафтана, убора и повязки с ножнами, и потрошил рыбу когтистыми пальцами. Волосы струились по плечам блестящим шёлком, и Ярушка никак не могла отвести от него взгляд. Его худая грудь оттенка грозового неба играла от каждого движения руки, и ей казалось, что Ирвальд ещё немного — и замурлычет, как это частенько бывало с ним. Её ловкий и сильный зверь, без которого она больше не могла себе представить свой мир.

Ирвальд чувствовал на себе её взгляд, и от этого дрожали пальцы, соскальзывая по склизкой чешуе. Он приподнял голову, пытаясь понять, чего же она всё-таки хочет, глядя на него так, будто у него во лбу загорелась звезда. Во взгляде жены не было страха и сожалений — то были два тёплых омота, которые звали его окунуться. И он понял, каким дураком был, позволив сомнениям рвать его сердце.

Ирвальд оставил рыбу и обнял жену одними локтями, чтобы не перепачкать слизью потрохов. Ярушка прильнула к нему, покрывая поцелуями грудь. Ирвальд сжал её покрепче, не давая пошевелиться, — сейчас ему не хотелось ласк, хотелось просто ощущать, как её сердце бьётся рядом...

Глава 7

Они вернулись в замок спустя три дня. Почти всё это время они шли пешком, прогуливаясь лесами, полями, успев искупаться почти во всех прудах и озёрах. Под конец пути сил уже не осталось, и тогда их подобрал ядохрыл, незаметно следовавший за ними в облаках.

В замке их встретили с радостью, а больше всех ликовала Зельда. Она схватила Ярушку за руку и потащила в спальню.

— Смотри-ка!

Прежняя комната молодых заметно преобразилась — кровать застлали богатым покрывалом, а у изголовья лежали новые пуховые подушки. А сверху красовался изумительный голубой балдахин, вышитый серебром.

По углам спальни в мраморных вазах стояли луговые цветы, благоухающие свежестью весеннего утра.

— Красота! — восхищённо воскликнула Ярушка.

— Это ещё не всё, — подмигнула ей каменная баба, открывая сундук.

В нём пышным ворохом лежали новые платья из белой, синей и серебряной парчи.

— Когда ж это князь успел? — изумилась Ярушка.

— А я что говорила, — Зельда лишь пожала плечами, — теперь переодевайся и спускайся обедать.

Ирвальд смущённо смотрел на восторженное лицо жены, радуясь, что новые торговцы сумели ей угодить. Хвала ярости, она не спросила про Маришку. Он не желал ей лгать, но

говорить правду сейчас было совсем не уместно.

Его забавляло, что Зельда всё ж приняла Ярушку под своё крыло. Он думал, им понадобится больше времени, чтобы поладить друг с другом.

Вечером было шумное застолье, на котором собрались все слуги, угощались яствами и сыпали шутками, радуясь примирению молодых. Уже глубокой ночью Ирвальд повёл жену в спальню и, как полагается, перенёс через порог на руках, будто это было впервые. Там, на новых, пахнущих душистой травой простынях, они снова любили друг друга.

Когда Ярушка уснула, Ирвальд вспомнил кое-что и положил руку ей на живот, шепча в полудрёме заклинание. Неожиданно ладонь обожгло, будто он сунул её в кипящее масло. Ирвальд отдёргнул руку, сел на кровати и удивлённо посмотрел на потемневшие пальцы.

— Что за дьявол?

Ярушка вдруг открыла глаза и зашипела, как кошка. Затем скорчила жалобную гримасу и взмолилась.

— Живая вода! Мне нужна живая вода!

— Что?

— Дай мне живой воды, синеглазый дьявол! — завизжала она, вскочила с кровати и бросилась прочь из комнаты.

Ирвальд в мгновение ока натянул штаны, подхватил простыню и поспешил за ней, удивляясь невиданной прыти, с которой Ярушка преодолела пол-замка, прежде чем он сумел её догнать и обернуть шипящую и сопротивляющуюся простыней.

— Стыд потеряла? — укорил он жену.

— Что случилось? — в коридоре показалась сонная Зельда.

— Живая вода, — Ярушка извивалась в руках мужа, словно безумная, — мне нужна живая вода.

Зельда с сомнением посмотрела на Ирвальда.

— Неси, — велел он.

Каменная баба удивлённо нахмурилась, но всё же принесла снадобье в большой бутылке из зелёного стекла, покрытой паутиной и плесенью. Ярушка протянула скрючившиеся, как у хищной зверушки, пальцы, вырвала у неё из рук бутылку и стала жадно пить.

— Хватит! — остановил её Ирвальд, отбирая зелье — несколько глотков достаточно! Теперь говори, кто ты есть?

Но Ярушка лишь рассмеялась в ответ и сверкнула глазами, в которых ясно проступила сапфировая синева. Неожиданно она притихла и положила голову ему на грудь. Ирвальд осторожно усадил её на лавку и передал бутылку Зельде. Ярушка медленно дотронулась до его волос, будто видя впервые, затем завизжала, так оглушительно, что из комнат замка стали высовываться любопытные морды, разбуженные криком. Не успел Ирвальд опомниться, как она опять вскочила и побежала по лестнице наверх.

Дверь в спальню захлопнулась прямо перед его носом. Ирвальд стал ломиться, налегая на дверь всем телом, однако она не поддавалась.

— Вот дьявол!

— Ты сам велел ставить такие двери, — заметила Зельда.

— Ладно! Вели Себрию слетать за Мальвой. Да поживей.

Сам он зашёл в соседнюю комнату и перелез в опочивальню через окно.

Ярушка сидела в углу и дышала тяжело, как загнанный зверь. Лоб был покрыт

испаринной, а щёки побелели. Простынь лежала тут же на полу. Девушка дрожала от холода. Ирвальд опустился рядом на колени и взял её ладони в свои.

— Если скажешь, кто ты, я подумаю, оставить ли тебя в живых.

Девушка жалобно захныкала, отняла ладони и легла на пол, свернувшись калачиком.

— Я хочу жить.

— Ты завладела моей женой, — сказал Ирвальд, — почему?

— Я хочу жить, — снова сказала девушка.

— Пойдём в постель — тут холодно.

Ирвальд поднял её на руки и отнёс на кровать. Потом достал из шкафа рубаху.

— Надень!

Она смотрела на него, непонимающе хлопая ресницами. Ирвальд заскрежетал зубами и поднял её руки вверх, натягивая рубаху. Девушка с удивлением смотрела на себя одетую, будто видела впервые. Затем глаза её налились злостью, и она ловко спрыгнула с кровати, и прежде чем Ирвальд смог её удержать, вылезла на подоконник и встала на самый край, удерживаясь лишь пальцами ног.

— Я прыгну! — пообещала она.

— Что ты хочешь? — разозлился Ирвальд.

— Уйди!

— Нет!

— Тогда я прыгну. И чем быстрее ты уйдёшь, тем лучше для нас обеих.

— Я не позволю тебе командовать в моём замке, мелкая тварь!

— Ты не сумеешь её оживить, — улыбнулось существо в теле его жены, — но я не хочу её убивать. Просто оставь нас.

— Что ты задумала? — настаивал Ирвальд.

— Ты упрям! Можешь оставаться. Но не приближайся к нам до утра. Иначе я прыгну.

— Как тебя зовут?

Девушка задумалась и надула губки, будто вспоминая что-то. Лицо её выглядело забавно, Ирвальд с удовольствием бы посмеялся, если б ему так не хотелось прикончить это существо, завладевшее его женой.

— Рейна, — наконец, ответила она, — да, Рейна!

В дверь спальни постучали. Девушка, слегка задремавшая на подоконнике, настороженно подняла голову.

— Не бойся, — тихо сказал Ирвальд, отпирая дверь.

На пороге показалась Мальва, растрёпанная и довольно сердитая. Явидев Ярушку, она упёрлась руками в бока и громко спросила.

— Ты кто?

— Вот тебя только тут и не хватало, маковица! — пришипела Ярушка, не сводя с неё глаз. Воспользовавшись тем, что внимание её поглотила Мальва, Ирвальд схватил девушку за локоть и притянул к себе.

— Вот так, — усмехнулся он.

— Нет!

— Изгони её, — велел Ирвальд ведьме, — но не убивай пока — я хочу выяснить, что она такое.

Мальва подошла поближе и дотронулась до лба Ярушки — она извивалась, будто угорь,

но Ирвальд цепко держал её в руках. Девушка бранилась и костерила ведьму, на чём свет стоит. Неожиданно Мальва усмехнулась.

— Боюсь, тут я бессильна. Но ты вполне можешь избавиться от неё сам.

— Как? — не понял Ирвальд.

— Как уже пробовал раньше — она больше не сможет защищаться. Впрочем, ещё немного, и она умрёт сама. Слишком много сил потрачено.

— Не пойму о чём ты? — разозлился Ирвальд

— О, владыка! Это твоё дитя баламутит воду, — сказала Мальва, — но до чего ж она сильна! Всего-то пару деньков в зародыше, а уже завладела матерью! Давай, решай, князь.

— Что решать? — растерялся Ирвальд.

Девушка в руках его обмякла и спозла на пол, обвила руками его колени и жалобно посмотрела ярко-синими глазами.

— Я хочу жить!

— Она так и будет... говорить со мной?

— Да нет, ей всё-таки надо расти и развиваться. Не то она заберёт все силы матери, и та не доживёт до родов. Но тебе ведь нужен наследник! Подумай!

Девушка продолжала цепляться за его ноги, шепча что-то неразборчивое. Ирвальд чувствовал, как слабеют её руки. Глаза Ярушки снова приобретали янтарный цвет.

— Пусть живёт, — решил князь и провёл пальцами по её волосам. В глазах девушки блеснули лукавые искорки, а затем тело её обмякло, и она уснула. Ирвальд поднял её и перенёс на кровать.

— Как знаешь, князь, — задумчиво побормотала Мальва и положила руку на живот.

Внутри неё тоже развивалась жизнь. Крошечный плод страсти разрастался под сердцем, вытесняя печаль от разлуки. Мальва всё ж отпустила боярина — тот помчался в свой мир с такой неистойвой радостью, что у неё до сих пор перехватывало дыхание от обиды.

Однако он всё же обернулся на прощание — то были самые горькие, и самые счастливые минуты в жизни маковицы. Теперь же она с нетерпением ожидала

Эпилог

Рейна сидела, уютно устроившись на локте Ирвальда, и наматывала его волосы на крошечные кулачки. Маленький розовый язычок шарил по верхней десне, на которой уже проклёвывались острые кончики клыков.

— Дай, я её искупаю, — сказала Ярушка, протягивая руки за дочерью. Но Рейна заупрямилась, укрываясь в отцовском кафтане. Высунув личико, она уставилась на мать огромными синими глазищами, отчего Ярушка стала зевать.

— Ишь ты, проказница, — буркнула она и опустилась на кровать, забывшись в глубоком сне.

Ирвальд в который раз подивился могуществу дочери и погрозил ей пальцем:

— Запомни, со мной твои шалости не пройдут.

Рейна скривила беззубый ротик в улыбке и полезла ему на плечо, цепляясь коготками за отвороты кафтана. Взобравшись, она обняла голову отца одной ручонкой и стала смотреть в окно на золотистые точки копыт резвившихся в облаках ядохрылов.

— Хочешь полетать?

Рейна пока ещё не очень понимала, о чём он ведёт речь. Ей было всего лишь несколько недель от роду, и она ещё знакоилась с окружающим миром, изумляя родителей своими не по возрасту развитыми способностями. Маленькая владычица была светлокожей, с волосами цвета потемневшего золота и отчаянно походила на Ольжанку, чем искренне огорчала Мораша.

Рейна тянулась к Ирвальду, ревнуя ко всем вокруг, и чувствовала за версту, когда он приближался к замку, встречая радостным визгом. Она требовала, чтобы её укладывали на родительской постели, где она засыпала, посасывая налитую молоком грудь матери, а затем поворачивалась к отцу и тихонько мурлыкала, зарывшись носом в его волосы. Ирвальд хмурился, но поделаться с этим молодые родители ничего не могли, а попривыкнув, уже и не старались.

Но сегодня он решительно вручил недовольно шипящую дочь Зельде и прилёг рядом с женой. Ирвальду хотелось ласк, вкус которых пришлось отложить на несколько долгих недель. Он целовал её губы и думал о сделке, предложенной тираном. Теперь ему казалось, что нет на свете такой цены, чтоб он не смог заплатить за то, чтобы дорогая его сердцу женщина всегда оставалась рядом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net